

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею университета

- Аврус А.И.** Университет строится... 3
- Мраморнов А.И.** Саратовский Императорский университет в годы
Первой мировой войны (1914–1917 годы) 8

Научный отдел

Всеобщая история

- Глебов А.Г.** Королевская власть и основные тенденции ее развития у англосаксов
в VII – начале IX века 13
- Савицкий Е.Е.** Рассказ Ордера Виталия о смерти Вильгельма Завоевателя
в политической полемике времен Генриха I (1100–1135 годы) 21
- Гладков А.К.** Persecutor ecclesiae: европейские «тираны» XII веке в произведениях
Иоанна Солсберийского 31
- Галямичев А.Н.** Английский гусит Пётр Пейн 34
- Винокурова М.В.** Проблема «последнего вилланства» в Англии XVI века
в отечественной историографии 37
- Королева О.В.** Власть в восточном городе в восприятии английских путешественников
в конце XVI – первой трети XVII века 44
- Бонцевич Н.Н.** Информационные кампании 1946–1950 годов в США 55
- Черевичко Т.В.** Глобальная миграция труда и система международных
экономических отношений 60

Отечественная история

- Кочуков С.А.** Русские на Балканах в 1876 году в свете источников личного
происхождения 65
- Варфоломеев Ю.В.** Дело «толстовца» В.А. Молочникова
(по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого) 68
- Зайцев М.В.** Городская дума и развитие начального образования в Саратове
в 1871–1917 годах 72
- Порошин А.А.** Главнокомандующие армиями фронтов Первой мировой войны:
генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский 84

Международные отношения и внешняя политика

- Рабинович Я.Н.** Джон Меррик на переговорах в Ладогe 1616 года 91
- Редченко Д.В.** Г.В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока 103
- Лучников А.В.** Ф. Эберт и П. фон Гинденбург – два президента,
две внешнеполитические стратегии 113

Сведения об авторах 123

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Данилов Виктор Николаевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Зимняков Дмитрий Александрович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Данилов Виктор Николаевич
- Заместители главного редактора**
Герман Аркадий Адольфович
Чернова Лариса Николаевна
- Ответственный секретарь**
Золотавина Татьяна Сергеевна
- Члены редакционной коллегии:**
Галямичев Александр Николаевич
Девятайкина Нина Ивановна
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Мирзеханов Велихан Салманханович
Мосолкина Татьяна Валентиновна
Парфенов Виктор Николаевич
Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 01.06.09.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,75).

Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 500 экз. Заказ 58.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2009

CONTENTS

To Anniversary of University

- Avrus A.I.** Building of the University... 3
Mramornov A.I. The Saratov University During the First World War (1914–1917) 8

Scientific Part

World History

- Glebov A.G.** The King's Power and the Basic Tendencies of its Development during the Anglo-Saxon Period from VII c. till the Beginning of the IX Century 13
Savitskiy E.E. Orderick Vitaliy's Story about the Death of William the Conqueror in the Political Polemics during the Reign of Henry I (1100–1135) 21
Gladkov A.K. Persecution Ecclesiae: European «Tyrants» of the XII Century in the Works of John of Salisbury 31
Galyamichev A.N. English Hussit Petre Payne 34
Vinokurova M.V. The Issue of the «Last Villainage» in England of the XVI Century 37
Koroleva O.V. Power in Eastern City in Perception of the English Travellers at the End of XVI – Beginning of XVII Centuries 44
Bontsevich N.N. American Domestic Information Campaigns, 1946–1950 55
Cherevichko T.V. Global Labor migration in the world trade system 60

Russian History

- Kochukov S.A.** The Russians in the Balkans in 1876 in the Light of the Personal Origin 65
Varfolomeev Yu.V. Suit «tolstovtsa» V.A. Molochnikova (On Material Archive Document State Museum L.N. Tolstogo) 68
Zaytsev M.V. City Duma and Development of an Elementary Education in Saratov per 1871–1917 72
Poroshin A.A. The Supreme Commanders of the First World War Fronts: Cavalry General J.G. Zshilinsky 84

International Relations and Foreign Policy

- Rabinovich Y.N.** John Merick at the Talks in Ladoga, 1616 91
Redchenko D.V. G.V. Chicherin and the Soviet Foreign Policy in the East Countries 103
Luchnikov A.V. F. Ebert and P. von Hindenburg – two Presidents, two Strategy of Foreign Policy 113

Information about the Authors 124

К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 378.4(470)(075.8)

УНИВЕРСИТЕТ СТРОИТСЯ...

А.И. Аврус

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: avrus@rol.ru

В статье рассматриваются этапы эволюции Саратовского университета. Основное внимание автор уделяет двум составляющим процесса модернизации: строительству университетского комплекса и улучшение образовательного процесса. Автор описывает то, как университет из небольшого учреждения располагавшегося в одном здании и обучавшего всего 92 студентов превращался в один из крупнейших ВУЗов России с более чем 30 000 студентов и объединяющего более десяти факультетов и образовательных институтов. В статье использованы материалы архивов и воспоминания сотрудников университета которые более 60 лет являлись его преподавателями и сотрудниками.

Ключевые слова: университет, строительство, структура, факультет, институт, корпус, общежитие.

Building of the University...

A. I. Avrus

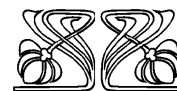
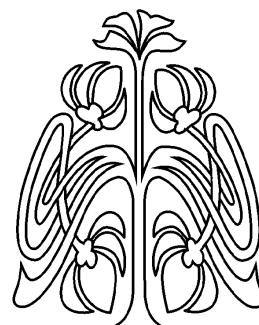
The article examines the basic stages of evolution of the SSU. The main attention focused at the two sides of this process: the buildings construction and perfection of educational process. The author describes how the university became one of the largest educational centers with more than 30 thousands students and post-graduates and more than a dozen Departments and Institutes now, from the small educational institution located in a single building with just 92 students. The article prepared on the basis of wide range of source and the memoirs of the author, who holds different educational positions in the SSU for more than 60 years.

Key words: Saratov State University, building, structure, faculty, institute, dormatory.

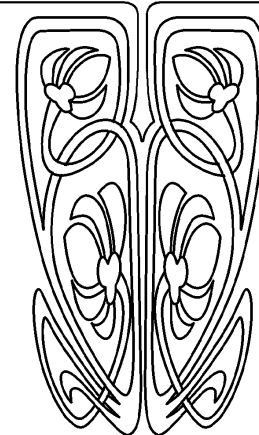
Профессора Казанского университета Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова написали прекрасную книгу "Terza Universitatis"¹, в которой большая глава посвящена университетскому пространству. Авторы подробно осветили историю городского пространства, занимаемого Казанским университетом, процесс его заполнения университетскими зданиями, показали место строений КГУ в городском архитектурном облике. Безусловно, этим продемонстрирован свежий, очень любопытный подход к изучению университетской истории.

Саратовский государственный университет на век моложе Казанского, но является одним из старейших в России и в 2009 г. отмечает 100-летие. История его строительства, продолжающегося по сей день, представляет, на мой взгляд, большой интерес, в чем-то напоминая то, как было в Казани, в чем-то имея свои особенности.

В строительстве любого университета можно выделить две составляющие: становление его как особого типа высшего учебного заведения и формирование комплекса зданий, часто являющихся прекрасным архитектурным памятником эпохи, а иногда и нескольких эпох. Как высшее учебное заведение Саратовский университет прошел путь от одного факультета с первоначальной сотней студентов до крупнейшего вуза региона, имеющего в составе 30 факультетов, 4 института, филиалы академических институтов, НИИ естествен-

К ЮБИЛЕЮ
УНИВЕРСИТЕТА

ных наук, 3 колледжа, Институт дополнительного профессионального образования, в них обучаются 29950 студентов, 613 аспирантов и 18 докторантов, работают 1892 преподавателя и научных сотрудника.

Начинался университет с одного двухэтажного здания на углу улиц Б. Сергиевской и Никольской (ныне Чернышевского и Радищева), а теперь располагает 21 учебным корпусом и 10 общежитиями, фактически сформировалось 4 университетских городка только в Саратове.

Достаточно подробно освещен первый период строительства Саратовского университета (до начала Первой мировой войны)², а об остальных этапах строительной эпопеи только упоминается.

В представленной статье ставятся две задачи: определить основные этапы строительства университетского комплекса в Саратове, выявить содержание и специфику каждого из них. При написании статьи использовались материалы университетской газеты «Саратовский университет» за все годы ее существования (с 1934 г.), рукопись «Хроника событий в Саратовском университете», подготовленная автором настоящей статьи (часть ее опубликована в номерах газеты «Саратовский университет» за 2006–2008 гг.) Кроме того, широко использовались личные воспоминания и наблюдения автора, так как с 1947 г. его жизнь была тесно связана с Саратовским университетом, он сам был участником и свидетелем многих событий, рассматриваемых в статье.

Саратовская общественность полвека вела кампанию за открытие в городе университета. Его необходимость осознавалась все более широкими кругами горожан, жителями Саратовской и соседних губерний. Несмотря на отношение Николая II, не видевшего необходимости в открытии в России новых университетов, более дальновидные политические деятели выступали за расширение сети российских университетов. Такую позицию занимали, в частности, министры народного просвещения П.М. фон Кауфман и А.Н. Шварц. Для создания университета именно в Саратове большое значение имела позиция председателя Совета министров России П.А. Столыпина, хорошо знавшего обстановку в губернии (в 1903–1906 гг. он был саратовским губернатором) и считавшего, что Саратов, как крупнейший по населению город Поволжья и обладавший достаточной культурно-образовательной инфраструктурой, нуждается именно в университете³.

В результате совместных усилий саратовской общественности, губернских и городских властей при поддержке главы правительства Российской империи в 1907–1909 гг. удалось добиться решения вопроса об открытии в Саратове университета первоначально с одним медицинским факультетом⁴.

Первый этап становления Саратовского университета и его строительства пришелся на

1909–1914 гг., когда окончательно сформировался медицинский факультет и был произведен первый выпуск врачей. На этом этапе количество кафедр в университете выросло с 7 до 29, соответственно увеличилась численность профессоров, преподавателей, сотрудников, студентов. На этом же этапе было построено 4 учебных корпуса, образовавших прекрасный архитектурный ансамбль первого университетского городка, украсивший Саратов, ставший одной из его достопримечательностей. В это же время приступили к строительству первых зданий Клинического городка. Исключительно велика была роль на первом этапе становления Саратовского университета ректора профессора В.И. Разумовского и архитектора-художника К.Л. Мюфке.

В годы Первой мировой и Гражданской войн строительство новых корпусов и других университетских зданий не велось, хотя в самом университете происходили большие изменения. С 1915 г. начался прием на учебу женщин; в 1917 г. открылись долгожданные историко-филологический, физико-математический и юридический факультеты; в 1918 г. в составе университета появился агрономический факультет; с 1919 г. начал формироваться факультет общественных наук, постепенно поглотивший юридический и историко-филологический факультеты; в 1920 г. открылся рабочий факультет. Количество студентов выросло до 16 тысяч на 1 января 1920 г., размещались они в основном все в тех же 4 корпусах.

В годы новой экономической политики в структуре университета произошли новые изменения, в результате которых исчезли все прежние факультеты, кроме медицинского и рабочего, но появились педагогический, хозяйства и права, а в 1929 г. – еще экономический и химический. Количество студентов составляло 3–4 тысячи человек. В эти годы ректору университета профессору С.Р. Миротворцеву удалось добиться выделения средств на завершение строительства нескольких клиник в Клиническом городке, которые были торжественно открыты в 1926 г. Они строились по проектам и под руководством архитектора К.Л. Мюфке и образовали комплекс зданий, украсивших завокзальную часть города.

На рубеже 1920–1930-х гг. Саратовский университет, как и все советские университеты, пережил серьезный кризис, приведший почти к полной ликвидации университетского образования в стране. Достаточно сказать, что в 1931 г. во всех университетах осталось около 4 тыс. студентов, т.е. столько, сколько было в России в середине XIX в. Саратовский университет лишился почти всех своих факультетов, превратившихся в самостоятельные институты, в нем сохранилось около 700 студентов и 4 профессора. Университет потерял 4-й и частично 2-й корпуса, значительную часть библиотечного фонда, много оборудования, основную массу преподавательского состава, лишился всех гуманитарных кафедр.

С конца 1931 г. началось возрождение Саратовского университета, как и остальных, но СГУ возрождался медленнее других, и даже к началу Великой Отечественной войны в нем было на треть меньше студентов, чем в 1930 г.

При директорстве Г.К. Хворостина (1935–1937 гг.) удалось добиться выделения средств на новое строительство, началось проектирование зданий химического и биологического факультетов, библиотеки с историческим факультетом. После открытия в 1935 г. исторического факультета ставился вопрос о создании в СГУ в годы третьей пятилетки филологического, юридического и экономического факультетов, а в четвертой пятилетке – философского. Из всех этих наметок осуществилось лишь открытие в 1941 г. филологического отделения на историческом факультете. В связи с репрессированием в 1937 г. директора СГУ Г.К. Хворостина все строительные проекты были приостановлены. В результате университет потерял противоположную сторону Московской улицы, где было воздвигнуто здание военного училища.

Реальным новое строительство в университете стало возможным только после Великой Отечественной войны. Усилиями ректора профессора П.В. Голубкова и директора Научной библиотеки В.А. Артисевич удалось добиться перечисления средств на проектирование, а затем и строительство 5-го корпуса (1948 г.) и здания Научной библиотеки (1950 г.). В конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. коллектив университета превратился в подсобных рабочих на стройках в университетском городке. Ежедневно из года в год по утвержденному ректором графику студенческие группы во главе с преподавателями, сотрудники университетских НИИ и библиотеки выходили на земляные, разгрузочно-погрузочные работы, очистку помещений и т.п. В результате совместных усилий строителей и коллектива университета в университетском городке появилось два здания, которые органично вписались в архитектурный ансамбль, созданный К.Л. Мюфке, а здание библиотеки стало одной из визитных карточек города. Открытие библиотеки (1956 г.) было важным этапом в истории СГУ, ибо до этого библиотека несколько раз меняла свое местонахождение, ютилась в непригодных зданиях, не имела достаточного количества помещений для удовлетворения запросов студентов и преподавателей. В новом здании не только разместились все библиотечные фонды, появилась возможность открыть специализированные читальные залы со свободным доступом к книгам, но и развернуть разнообразную культурно-просветительскую работу. Библиотека стала любимым местом пребывания студентов, многие проводили в ней целые дни.

В 1948 г. университет потерял то здание на углу улиц Радищева и Чернышевского, в котором начиналось его существование в 1909 г.

В первый послевоенный год сформировалась в основном структура университета, просуществовавшая свыше 40 лет: 8 факультетов и 3 НИИ. Конечно, внутри факультетов и НИИ происходили изменения: открывались новые отделения, отделы, специальности, создавались новые кафедры, сливались малочисленные и т.д.

Еще одной эпопеей в университете в 1950-е гг. было строительство спортивного лагеря «Чардым», лыжной базы и 4-го общежития. Все это создавалось руками самих студентов, которые стали приобретать на открывавшихся курсах строительные специальности. В 1958 г. по инициативе студентов А. Кузьмичева (истфак) и А. Блинова (физфак) в университете был создан строительный комитет (имевший кодовое название «Блинчкострой»), который осуществлял все руководство строительством общежития, а затем и первых кооперативных домов университета. В 1959 г. общежитие № 4 вступило в строй.

Во второй половине 1950-х гг. была попытка создать университетский спортивный комплекс на месте сгоревшего здания подстанции Саратовского трамвайного управления. В течение двух лет студенты-энтузиасты взрывали фундаменты станков, установленных бельгийцами в начале XX в. так прочно, что их не брали никакие лопы и лопаты. И когда вся тяжелая работа была сделана, городские власти вновь передали помещение управлению трамвайно-троллейбусного парка.

Университет рос, расширялся и одновременно задыхался от недостатка помещений для проведения лекций, практических занятий, нуждался в открытии новых необходимых лабораторий. Университету то выделяли отдельные здания, как школы № 67, областной партийной школы, то снова их отбирали. Поэтому в 1960-е гг. стал вопрос о необходимости нового строительства. Были подготовлены проекты двух пристроек: к 3-му и 5-му корпусам. Архитекторы, создававшие эти проекты, совсем не думали о том, как впишутся эти здания в университетский ансамбль и в каких условиях придется учиться студентам и работать преподавателям. Не проявили должной настойчивости и ректора университета, профессора В.Г. Лебедев и В.Н. Шевчик, при которых проектировались и строились эти здания. В результате университет получил теперешние 8-й и 9-й корпуса, которые не вписываются в университетский ансамбль. Строительство обоих корпусов началось в 1966 г., 8-й корпус был введен в эксплуатацию в 1970 г., а 9-й – в 1975 г. Несколько раньше было заложено здание общежития № 5, заселенное студентами в конце 1967 г.

Пока возводились пристройки к 3-му и 5-му корпусам, университету была передана территория бывшего военного училища, находившегося через один квартал от университетского городка, со всеми имевшимися там сооружениями. Так

возник второй университетский городок, где были расположены два корпуса (теперь 6-й и 7-й) и ряд подсобных зданий. Корпуса срочно переоборудовали для проведения лекций, практических и лабораторных занятий. В них разместились механико-математический факультет, НИИ геологии, общеуниверситетские кафедры: общественных наук, военная, физкультуры, ряд кафедр и лабораторий геологического и физического факультетов. Кроме того, в 7-м корпусе, наконец, получил небольшое помещение университетский студенческий клуб.

Во дворе второго университетского городка в 1968 г. были построены силами студентов открытые спортивные площадки, к сожалению, вскоре заброшенные.

После выхода в 1974 г. Постановления ЦК КПСС «О работе в Московском высшем техническом училище им. Н.Э. Баумана и Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук» была возможность начать новое строительство, но сказалась нерасторопность ректората, не принявшего мер для использования выделенных средств.

В 1981 г. в Студгородке рядом с 4-м и 5-м общежитиями было возведено 6-е, что во многом на то время снизило остроту проблемы с общежитиями. Там, фактически, возник новый университетский городок из трех общежитий, к которым в последующие годы прибавилось два кооперативных дома для преподавателей и сотрудников университета.

Затем наступил довольно продолжительный период, когда в университете фактически ничего не строилось и мало менялась университетская структура, хотя открывались новые специальности, кафедры и отделения на факультетах. Это было связано, прежде всего, с сокращением общего финансирования университетов и определенным падением престижа университетского образования. В последнее десятилетие существования Советского Союза Саратовский государственный университет, как и вся вузовская система, переживал кризис.

Изменения произошли после распада СССР. С одной стороны, распалась единая вузовская система, имевшая немало положительных качеств, российские вузы оказались оторванными от высших учебных заведений других 14 государств, образовавшихся на месте СССР, с которыми существовали тесные связи и сотрудничество. С другой стороны, наши вузы начали интегрироваться в мировую образовательную систему, получили возможность сотрудничать с учебными и научными центрами любой страны. Кроме того, стали происходить коренные перемены и в самой отечественной системе высшего и среднего образования. Появились новые типы учебных заведений: колледжи, лицеи, гимназии, началось массовое преобразование узкоспе-

циализированных вузов в университеты, что противоречило отечественной традиции. При этом часто менялись только вывески на зданиях учебных заведений, а внутри все оставалось по-старому.

В Саратовском государственном университете первые существенные перемены были связаны с появлением колледжей, которые позволяли поднять уровень среднего образования, сблизить школу и университет. В 1992 г. был открыт при СГУ колледж прикладных наук, в 1993 г. – эколого-химический колледж, в 1995 г. – колледж политических наук. Начали появляться и новые факультеты, первым из них был факультет гуманитарно-социальных наук, открытый в 1996 г. с отделениями политологии, социологии, философии, экономики и психологии. Это было очень знаменательное событие, ибо до этого в нашем университете преобладали факультеты естественных наук, а гуманитарный сектор находился в явном меньшинстве.

Наконец, университет в середине 1990-х гг. смог приступить к новому этапу строительства своего кампуса. В 1996 г. ровно через 30 лет после закладки 8-го и 9-го корпусов началось строительство 10-го корпуса. С тех пор строительство новых корпусов университета продолжается непрерывно, в университете появилась должность проректора по капитальному строительству. В январе 2000 г. распахнул свои двери 10-й корпус, впервые на 91-м году своего существования СГУ получил административный корпус с прекрасным актовым залом. В это здание перебазировался и клуб СГУ. Теперь уже нельзя представить себе облик университетского городка без 10-го корпуса, ставшего визитной карточкой СГУ. Затем началось строительство 11-го корпуса, и в 2005 г. в нем разместились исторический и филологический факультеты. Новые корпуса по своим архитектурным замыслам выгодно отличались от 8-го и 9-го, они хорошо вписались в ансамбль, созданный К.Л. Мюфке. Таким образом, к 100-летию университета первый университетский городок можно считать окончательно застроенным.

В 1999 г. университет лишился здания (4-й корпус) на углу улиц Московской и Радищева, в котором с 1935 г. располагались исторический, а затем и филологический факультеты. Конечно, там было тесно двум факультетам, но здание казалось очень уютным и расставались с ним нелегко. Университету было передано одно из зданий бывшего вертолетного училища на углу улиц Московской и Университетской, рядом с основным университетским городком. Здание было построено еще в первой половине XIX в., имело разных хозяев, требовало большого ремонта, после которого в него перешли исторический и филологический факультеты (он стал именоваться 4-м корпусом). Когда в 2005 г. был построен 11-й корпус, эти факультеты переме-

стились в него, а в 4-й корпус переехал географический факультет, вытесненный из 2-го корпуса медицинским университетом. Надо отметить, что когда в 1930 г. медицинский факультет отпочковался от университета, то часть площадей во 2-м корпусе была передана ему во временное пользование до начала 1932 г. Но медики отказались выполнять условия соглашения и, в конце концов, отвоевали весь корпус.

Во втором университетском городке завершены капитальные ремонты 6-го и 7-го корпусов, но здесь предстоят еще большие строительные работы: возведение лабораторного корпуса и спортивного комплекса.

У СГУ появился и еще один городок в районе улиц Вольской и Белоглинской, где рядом со спортивным комплексом и двумя учебными корпусами педагогического института выросло прекрасное здание 12-го корпуса университета. Надо отметить, что новое строительство в университете в последние годы осуществляется при постоянной поддержке партии «Единая Россия».

Учитывая, что некоторые университетские общежития были построены давно, а более новые не совсем комфортны, в последние годы проведена большая работа по их реконструкции. Кроме того, намечается строительство нового комплекса общежитий современного типа на месте самого старого общежития № 1.

В последние годы произошли очень серьезные изменения в структуре Саратовского государственного университета. В 1998 г. наш университет встал на путь укрупнения: в его состав вошли два педагогических института (Саратовский и Балашовский) и несколько техникумов, преобразованных в колледжи. Появились новые факультеты, необходимые классическому университету и вызванные современным уровнем развития фундаментальных наук: в 1999 г. – факультет нелинейных процессов, в 2000 г. – социологии, компьютерных наук и информационных технологий, в 2005 г. – нано- и биомедицинских технологий, экономический, юридический. В связи с созданием ряда гуманитарных факультетов факультет социально-гуманитарных наук был ликвидирован, отделение психологии перешло на философский факультет, а отделение политологии – на юридический. Таким образом, университет теперь обладает почти полным набором гуманитарных факультетов, а студентов-гуманитариев стало не меньше, чем студентов-естественников. В 2000 г. при университете был организован Институт дополнительного профессионального образования, позволяющий осуществлять идею непрерывного обучения. В 2007/08 учебном году началось преобразование ряда факультетов в институты, первыми это осуществили историки и филологи, ставшие теперь институтами истории и международных отношений, филологии и журналистики. В 2008/09 учебном году начинается преобразова-

ние в институт химического факультета. Какие это даст положительные результаты, можно будет сказать только через несколько лет. Имевшиеся при университете научно-исследовательские институты были в 2006 г. объединены в НИИ естественных наук.

В составе университета появились структурные подразделения, являющиеся одновременно филиалами академических институтов. Так, в 2003 г. был открыт филиал Института всеобщей истории РАН, в 2004 г. – филиал Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова. В 2004 г. в нашем университете появился Межрегиональный институт общественных наук (их всего несколько в РФ), позволяющий СГУ координировать и объединять работу гуманитариев и обществоведов всего Поволжья.

В 1990-е гг., учитывая потребности расширения международных связей университета, создано управление международных связей. В университете теперь постоянно бывают делегации и представители научных центров со всех континентов, приезжают учиться студенты и аспиранты из разных стран. Делегации СГУ, отдельные университетские ученые, преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты посещают с учебными и научными целями университеты и научные центры многих стран. В СГУ часто проходят международные конференции и симпозиумы по актуальным научным проблемам, поэтому управление международных связей непрерывно расширяет свою деятельность, идет переоборудование целого корпуса по ул. Железнодорожной под нужды этого управления.

Таким образом, Саратовский государственный университет к своему столетию подходит на марше, непрерывно развиваясь, совершенствуя свою структуру. Уже многие годы он входит в число ведущих классических университетов страны. Можно быть уверенным, что и во втором веке своей истории СГУ сохранит свой престиж. Для этого есть все объективные и субъективные условия.

Примечания

- 1 См.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.
- 2 См.: Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет. История открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999.
- 3 Во время встречи с депутатом Саратовской городской думы П.А. Столыпин говорил: «...В деле основания университета в Саратове я ваш убежденный сторонник и союзник, не потому что я, бывший саратовский губернатор, хочу сделать приятное Саратову по просьбе его представителей... Я стою за университет потому, что Саратов в культурном, образовательном и экономическом отношении действительно является таким

центром, в котором давно уже должен быть основан именно университет, прежде всего, чем какое-либо другое высшее учебное заведение». (Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906–1909 гг. Рукопись / Саратовский музей краеведения. НВ27745. С. 37).

⁴ К сожалению, в трудах по истории СГУ, с «легкой

руки» Суворина, Саратовский университет стали называть 10-м российским университетом, не учитывая при этом наличия Императорского Александровского Гельсинкфорского университета (см.: напр., Соломонов В.А. Указ. соч. С. 12 и др. В 1990 г. вышла брошюра Н.А. Попковой под названием «Десятый русский университет. К 80-летию Саратовского университета»).

УДК 378.4 (470.44–25) /1914–1917/

САРАТОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 годы)

А.И. Мраморнов

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
кафедра отечественной истории XIX–XX вв.
E-mail: mramor-new@mail.ru

В статье рассматривается жизнь Саратовского университета в период Первой мировой войны (до 1917 г.). Анализируются изменения в деятельности профессорской и студенческой корпораций в связи с задачами, стоявшими перед страной в условиях военного времени. Особый акцент сделан на показателях роста и развития высшего учебного заведения.

Ключевые слова: Саратов, университет, Первая мировая война, студенты, история, Россия, Германия, наука, Красный Крест, Киев, Февральская революция.

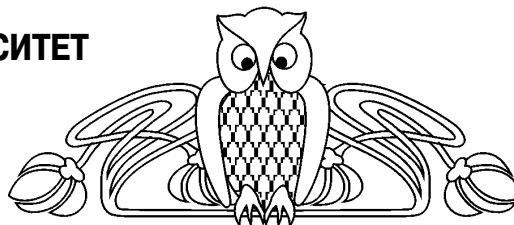
The Saratov University During the First World War (1914–1917)

A.I. Mramornov

In the article the life of the Saratov University during the First World War (before 1917) is examined. The changes in the activity of professorial and students' corporations connected with the war's tasks are analyzed. The special emphasis is made on indices of growth and development of this higher school.

Key words: Saratov, university, World War I, the students, history, Russia, Germany, science, Red Cross, Kiev, February revolution.

Николаевский Императорский университет в Саратове был основан в 1909 г. и стал практически последним университетом, открытым в старой, дореволюционной России¹. Жители «столицы Поволжья», как в начале XX в. называли Саратов, в течение нескольких десятилетий дожидались открытия в их городе «храма наук». На деле получилось так, что в Саратове хотя и открыли «храм», но «храм» только одной науки – медицины. То, что в течение целого ряда лет других факультетов в Саратовском университете не появлялось, нередко вызывало недоумения у современников. «У Саратова... много самомнения и гонора, – писал один местный публицист. – В Саратове единственный в мире университет с единственным факультетом»². Медицинский

факультет в университете действительно был единственным, новое учебное заведение довольно быстро прошло этап своего становления и уверенно развивалось даже несмотря на то, что его первый выпуск практически совпал с началом Первой мировой войны.

История дореволюционного Саратовского университета достаточно обстоятельно изучена В.А. Соломоновым, который на протяжении многих лет собирал собственную коллекцию уникальных архивных материалов по истории университета и защитил на эту тему диссертацию. На ее основе в 1999 г. была выпущена монография³. История университета в период Первой мировой войны рассмотрена автором предельно кратко, на 7 книжных страницах, с обилием цитат. Для понимания процессов, происходивших в молодом университете в военные годы, необходимо более обобщенное изложение и анализ основных фактов его истории.

К концу 1913 г. в университетском бюджете оставались неизрасходованными 3000 рублей на научное оборудование. Ректор В.И. Разумовский, пригласив к себе профессора В.Д. Зёрнова, спросил у него, есть ли возможность экстренно и с пользой израсходовать эту сумму, чтобы не возвращать в казну. Зёрнов заказал на эту сумму два эпидиаскопа фирмы Цейса из Германии. Оборудование успели доставить в Саратов в начале июля 1914 г.⁴, а уже через несколько недель Россия и Германия находились в состоянии войны. В связи с этим интересно затронуть вопрос о потенциале связей российской и немецкой науки в военные годы.

Современное оборудование и препараты традиционно «выписывались» в Россию из Европы, и подобные заказы еще не свидетельствуют о наличии научных контактов. Да и едва ли могли установиться какие-то прочные связи с зарубежными университетами и научными центрами у саратовской высшей школы за пять предвоенных лет – период ее начального развития и становления. В то же время основания для сближения Саратов-

ского университета с европейскими, в частности, с немецкими коллегами были. Прежде всего, нельзя не вспомнить, что Саратовско-Самарское Заволжье было районом расселения российских немцев. Основанный в 1909 г. Саратовский университет был ближе всего к этому региону. Однако немцев в Саратовском университете было совсем немного. Так, в числе 87 студентов первого набора в 1909 г. было 9 человек⁵ лютеранского вероисповедания. Официальная статистика численности учащихся, публиковавшаяся в «Известиях» университета, выделяла категорию студентов «инославных христианских вероисповеданий», так что по ней сложно судить о численности немцев в университете. В описи довольно хорошо сохранившихся и хранящихся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) личных дел студентов 1909–1917 гг. немецких имен не так много. Хотя имя – не вполне надежный критерий определения национальной принадлежности, но всё же таковых имен в описи личных дел автором этих строк выявлено 25 за весь дореволюционный период (гораздо больше в университете, особенно в военные годы, было евреев, причем их процентная доля постоянно росла).

Из числа учащихся Саратовского университета немцем можно определенно назвать, пожалуй, лишь магистра химии Рейнхарда Фридриха Холлманна. И всё же в перспективе в университете существовала основа для проникновения в него немецких традиций образования и науки. Такую возможность, однако, перечеркнула начавшаяся война. С обложки университетских «Известий», начиная с 4-го выпуска за 1914 г., исчезло заглавие на немецком языке («Annalen der kaiserlichen Nicolaus-Universität»). Однако последовательных антигерманских настроений в Саратовском университете, видимо, не было. На одном из заседаний совета в сентябре 1914 г. профессор В.А. Павлов рассказал коллегам об уничтожении в результате военных действий Лувенского университета в Бельгии и предложил «присоединиться к той трубе, которая скоро вострубит и позовет на общественный суд Германию для ответа перед общечеловеческою совестью». Было решено образовать особую университетскую комиссию «для выработки формы протеста» (против действий Германии)⁶. В то же время знаменитое воззвание германских ученых «К миру культуры» даже не обсуждалось на совете (в отличие от Петроградского и ряда других российских университетов, где реакция на воззвание была достаточно бурной).

О подлинном восприятии саратовской профессурой начавшейся войны судить сложно, но внешне, как и везде в России, во второй половине 1914 г. в университете ощущался патриотический подъем. Совет университета принимает решение о посылке императору верноподданнической телеграммы, постановляет отчислять 3% ежемесячно от получаемого профессорами жалования в пользу раненых и больных⁷.

С началом войны были мобилизованы более 20 человек врачебного персонала университетских кафедр, причем при некоторых из них не осталось ни одного ассистента, лаборанта или ординатора⁸. Профессор кафедры зоологии Б.И. Бируков оказался после начала войны в плену в Германии, где он на протяжении целого ряда предшествовавших лет занимался зоологическими исследованиями. Подробнейшее описание своих злоключений в числе других пленных россиян профессор описал в записках, опубликованных в качестве приложения к университетским известиям⁹. Этот источник прекрасно отражает вызванное начавшейся войной изменение отношения немцев к русским, а русских к немцам и предельно четко изображает тяжелую повседневность первых недель войны. Лишь в конце сентября 1914 г. профессор Бируков сумел вернуться домой и приступить к исполнению своих университетских обязанностей. Некоторые медики университета добровольно отправились на театр военных действий: профессор Д.Д. Крылов в январе 1915 г. – в качестве старшего врача поезда Красного Креста им. принца Ольденбургского, прозектор Н.Т. Герашенко – в качестве рентгенолога в Кавказскую армию, там же пребывал с 14 марта по 1 сентября 1915 г. с целью организации бактериологической лаборатории профессор А.А. Богомолец. Приват-доцент И.В. Мурашов состоял с 29 апреля по 31 августа 1915 г. на службе в Красном Кресте при армии Северо-Западного фронта¹⁰.

Таким образом, учебно-вспомогательный персонал университета испытывал с самого начала войны острый недостаток наличных кадров¹¹. Поэтому в период войны неоднократно принимались решения о приглашении на вакантные должности студентов и женщин¹². Уже в августе 1914 г. декан медицинского факультета Н.Г. Стадницкий предложил «профессорам временно приглашать в помощь себе за особое вознаграждение имеющихся у них в виду подходящих лиц, а при отсутствии таковых – г.г. студентов»¹³. С этого времени на совете университета регулярно разбирались вопросы подобного рода. Так, в начале января 1916 г. Министерство народного просвещения допустило ко временному исполнению обязанностей: ординатора клиники медицинского факультета – женщину-врача З.А. Плужник, сверхштатного лаборанта при кафедре акушерства и женских болезней – лекаря М.И. Быковцеву, временного препаратора при гистологическом кабинете – студента 1-го курса М. Чечина, а сотрудника клиники носовых, горловых и ушных болезней – студента А.В. Другова. Чечин получал жалование из специальных средств университета, остальные – из остатков от содержания личного состава¹⁴. Обычно решение о приглашении на должность сотрудника университета женщины или студента появлялось на одной из кафедр университета и обсуждалось советом, который, в

свою очередь, уже ходатайствовал об этом перед Министерством народного просвещения.

Не только сотрудники, но и некоторые студенты становились под ружье, а многие из них отправлялись в действующую армию в качестве медицинского персонала. Ускоренной подготовки университетами медиков требовало Министерство народного просвещения¹⁵. Уже к осени 1914 г. по крайней мере 15 студентов 2–5-х курсов университета поступили на службу в Красный Крест. Студент 3-го курса Алексей Культюгин попал в германский плен¹⁶. Зимой 1914/1915 г. сотрудниками Красного Креста в действующую армию отправились еще 22 человека из числа студентов в основном 3–4-х курсов¹⁷. Министерство еще в начале 1915 г. циркулярно просило университеты сообщать о подвигах учащихся и учащихся, призванных в том или ином качестве в армию. Совет Саратовского университета поручил по предложению ректора редактору университетских «Известий» И.А. Чуевскому публиковать краткие биографии питомцев и служащих, погибших на поле брани (поручение, правда, так и не было выполнено)¹⁸.

Итак, в течение войны определенное количество студентов-медиков вступали добровольцами в Красный Крест. В то же время в военный период Министерством народного просвещения был введен новый порядок предоставления документов поступающим в университет. В частности, циркуляром от 13.04.1915 министерство извещало советы университетов, что их начальство при поступлении в число студентов лиц из мест, занятых неприятелем, не должно требовать от них свидетельств о приписке к призывным участкам, довольствуясь метрикой, паспортом или формулярными списками отцов¹⁹. Также всем нуждающимся в образовании детям беженцев государство стремилось предоставить «возможность продолжать обучение в соответственных учебных заведениях»²⁰. Этими временными правилами вскоре воспользовались те молодые люди, которые, будучи военнообязанными, хотели отсидеться в период войны в стенах университета.

Университетский секретарь по студенческим делам В.П. Федоровский в конце 1916 г. докладывал начальству, что особый (облегченный) порядок приема в число учащихся не только шел вразрез с привычными правилами приема, но и создавал «весьма обременительный и тяжелый труд для студенческой канцелярии»²¹. Секретарь перечислял несколько случаев, когда налицо были нарушения призывного законодательства. Интересно, что уклонисты, как правило, принадлежали к иудейскому вероисповеданию. Так, студент Эйзер-Яков Эскин к моменту поступления в 1915 г. в Саратовский университет уже был выпускником юридического факультета Харьковского университета. В Саратове представил недействительную копию свидетельства из присутствия по воинской повинности. Универ-

ситет сообщил об этом саратовскому воинскому начальнику, который велел Эскину немедленно явиться к нему. Эскин не явился, а подал в правление университета прошение об обратном приеме и был 15 декабря 1916 г. вновь зачислен в число студентов, несмотря на то, что оснований на это, как отмечал В.П. Федоровский, не было. Студентам Ф. Фальковичу и А. Манькину воинская повинность была официально отменена, но они продолжали оставаться в числе студентов. Еще у одного студента-еврея (Флит Мarmor) была подчищена в документах дата призыва. Федоровский считал своим долгом не замалчивать эти случаи, а ставить о них в известность начальство университета. «Молчать в настоящее время о военнообязанных более чем неудобно и, кроме этого, в случае, если Фальковичи обнаружатся военной властью, то вся вина падает только на одного меня, как лица, заведующего документами студентов»²².

Всё же большинство тех студентов, которые не отъезжали на театр военных действий (либо солдатами, либо лекарями), а оставались в университете, имея легальную отсрочку, равнодушно относились к войне²³. В.А. Соломонов приводит данные о сходке, состоявшейся в стенах университета 22 февраля 1915 г. На повестку дня был вынесен вопрос об устройстве денежного сбора и благотворительного вечера в пользу жертв войны. Неожиданно студент 2-го курса Зенькович сделал предложение политического характера (обсудить вопрос о суде над депутатами социал-демократической фракции в Государственной думе), которое было отклонено председателем студенческой сходки. Тогда студент Зенькович демонстративно покинул сходку²⁴.

Интересен еще один эпизод военного времени. 10 октября 1915 г. в 6 вечера студент Григорий Сергиевский в пьяном состоянии вошел в Александро-Невский кафедральный собор, где совершалось всенощное бдение, «вынул из кармана коробку с папиросами и, невзирая на протесты, демонстративно раскурил в присутствии всех молящихся. На требование церковного старосты и сторожа прекратить безобразие или оставить собор, Сергиевский продолжал курить». Удалил его из собора лишь вызванный полицейский. Правление университета через пять дней после инцидента постановило уволить Сергиевского из числа студентов²⁵. Несмотря на то, что ряд студентов в различной форме выражали свой протест против войны, против существующего порядка вещей, университет в целом продолжал скорее планомерно трудиться на нужды войны, чем готовиться к «предстоящей» революции.

В период войны в Саратовском университете постоянно росло количество студентов и вольнослушателей. Объективно это объяснялось потребностью армии во врачебном персонале. Задачей государственного значения для медицинских факультетов университетов становилось ускорение процесса подготовки профессиональных врачей.

Здесь интересно сравнить динамику общей численности студентов Саратовского и Московского университетов в военный период (таблица).

Общая численность студентов, человек

Год	Московский университет	Саратовский университет
1914	9129	457
1915	11184	768
1916	6860	1041

Примечание. Сост. по: *Andreev A.Ju.* Die gespaltene Universität. Die Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hg. Trude Maurer. Stuttgart, 2006. S. 169; *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999. С. 219.

Хотя нужно оговориться, что в старейшем университете страны на тот период был полный «набор» факультетов, а в самом молодом – только медицинский, всё же, при всех оговорках, сравнение динамики говорит о различии в жизни двух учебных заведений. В Московском университете в 1915 г. по сравнению с 1914 г. отмечается рост общей численности учащихся на 22%, но уже в следующем году – катастрофическое падение почти на 40%. В то же время в Саратовском университете в 1915 г. численность учащихся выросла на 68%, а в следующем году – еще на 35%, а всего за 2 года – более чем в два раза, в отличие от Московского, где она за 2 военных года сократилась на 25%. Кроме роста численности учащихся, в университете росло и количество учащихся: с 96 человек в 1914 г. до 120 – в 1916 г. (на 25 %)²⁶, продолжала пополняться библиотека университета (за 1914–1916 гг. фонд по числу книг увеличился на 12% и составил 68 тыс. томов)²⁷.

В военный период продолжалось возведение университетских зданий, несмотря на недостаток рабочих рук и строительных материалов. В мае 1916 г. университетский комплекс посетил товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков и «заявил о прекрасном впечатлении, вынесенном им после осмотра новых зданий», обещая от имени министра «отпустить, по окончании войны, необходимый кредит на дальнейшее строительство»²⁸. Из уже построенных и эксплуатирувавшихся зданий к февралю 1915 г. почти половина была временно отведена под лазареты для больных и раненых воинов. Возможность предоставить еще больше помещений на военные нужды, по мнению ректора, выраженному в ответе на циркуляр управляющего Казанским учебных округом, отсутствовала: в них ютились учебно-вспомогательные учреждения университета²⁹. Университет не только помогал русской армии своей материальной базой: саратовские ученые

оперировали в университетских клиниках раненых воинов, причем не только русских солдат, но и пленных немцев, австрийцев, чехов³⁰. Профессора разрабатывали научные проблемы, практически связанные с нуждами фронта. Так, например, в 1916 г. Р.Ф. Холлман был командирован на Всероссийское совещание по борьбе с удушливыми газами (с 4 по 11 февраля), а В.А. Скворцов выезжал в Астраханскую губернию для обследования горько-соленых озер, причем оговаривалось, что эта командировка имела «отношение к военным обстоятельствам»³¹. В стенах же университета читались в военный период курсы военно-полевой хирургии профессора В.И. Разумовского³², военно-полевой гигиены профессора В.А. Арнольдова³³, а после командировки Р.Ф. Холлмана – коллективный курс по удушливым газам³⁴.

В 1915 г. в Саратов был эвакуирован Киевский университет св. Владимира и находился в Саратове до следующего 1916 г. Профессор В.Д. Зёрнов отмечал, что киевляне и саратовцы жили «дружно»³⁵. Научная работа в обеих высших школах – как в эвакуированной, так и принимавшей ее – практически не останавливалась. Вполне понятной мерой в условиях повседневных контактов с прибывшими из Киева коллегами выглядит активизация вопроса об учреждении новых факультетов в Саратовском университете. В начале 1916 г. профессор В.А. Павлов рассказал на совете университета о своем разговоре с товарищем министра народного просвещения В.Т. Шевяковым, который отметил, что со стороны министерства препятствий для открытия физико-математического факультета в Саратове не встретится и что совет университета должен «представить свои соображения». Более того, министерство не возражало бы и против открытия историко-филологического факультета. После доклада Павлова совет решил возобновить деятельность уже прежде созданной комиссии по открытию физико-математического факультета. С правом совещательного голоса в нее вошли профессор Киевского университета во главе с деканом физико-математического факультета. Аналогичная комиссия была призвана заниматься открытием историко-филологического факультета (в ней также в качестве консультантов участвовали киевляне)³⁶. Новые факультеты были открыты в Саратове уже после Февральской революции, с 1 июля 1917 г., хотя значительная, даже решающая работа по подготовке этого события была проведена еще до революции.

Примечателен и важен для характеристики жизни университета в военное время еще один факт. Совет университета, несмотря на трудности, обсуждал вопрос об установлении контактов с зарубежными учеными, в частности с англичанами и французами, для чего предполагалось усилить преподавание иностранных языков (главным образом, плохо преподававшегося в российской структуре образования английского). Естественно,

что о связях с учеными стран-противников речь не шла, а контакты с учеными из стран-союзниц были ограниченными.

Таким образом, несмотря на военное время и все непосильные трудности, связанные с начавшейся в Европе беспрецедентной кровавой бойней, в которой Россия несла наиболее многочисленные из всех участвовавших стран потери, учрежденный всего за 5 лет до войны Саратовский университет сумел полноценно развиваться в эти сложные годы. Росла его материальная база, численность учащихся и учащихся, шла подготовительная работа для создания новых факультетов, которые превратили бы его в полноценную высшую школу. Февральская революция 1917 г. катализировала эти процессы, результатом чего стало появление новых факультетов. Даже несмотря на начавшуюся потом в стране разруху и Гражданскую войну, становление университетского образования в Саратове продолжалось.

Примечания

- 1 Если не считать университетов, открытых уже в период Первой мировой войны и выросших из эвакуированных университетов: Пермского – на базе Петроградского и Ростовского – на базе Варшавского.
- 2 *Слово-Глаголь*. Наброски и недомолвки. Отцы и дети // Саратовский листок. 1912. № 208.
- 3 См.: *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999.
- 4 См.: *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента / Публ., вступ. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова; Под ред. А.Е. Иванова. М., 2005. С. 201.
- 5 *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 217.
- 6 См.: Протокол заседания Совета университета от 29.09.1914 // Известия Императорского Николаевского университета (далее – ИИНУ). 1915. Вып. 3. С. 180–182.
- 7 См.: Протокол заседания Совета университета от 4.08.1914 // Там же. С. 131–132.
- 8 Там же. С. 130.
- 9 См.: *Бируков Б.И.* Отчет о заграничной поездке летом 1914 г. (В германском плену) // ИИНУ. 1915. Вып. 2, 4. Прилож.
- 10 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 590. Л. 5, 15, 20, 25, 33.
- 11 Это уже отмечал В.А. Соломонов (См. *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 179).
- 12 Первая мировая война открыла девушкам и женщинам также возможность обучения в университетах.
- 13 Протокол заседания Совета университета от 4.08.1914 // ИИНУ. 1915. Вып. 3. С. 131.
- 14 См.: Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // Известия Саратовского университета (далее – ИСУ). 1917. Вып. 1 и 2. С. 2.
- 15 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 550. Л. 101.
- 16 Там же. Д. 566. Л. 335.
- 17 Там же. Л. 349–349 об.
- 18 Там же. Д. 551. Л. 7.
- 19 Там же. Д. 550. Л. 25.
- 20 Там же. Л. 158.
- 21 Там же. Д. 690. Л. 16 об.
- 22 Там же. Л. 18–19.
- 23 Большинство студентов в 1915 г. еще оставались в отношении войны патриотически настроенными. В мае 1915 г. 87 студентам VIII семестра надлежало явиться в саратовский лазарет как призываемым на военно-санитарную службу в качестве зауряд-врачей 2-го разряда. На освидетельствование не явился лишь один из 87 – П. Барабанов (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 573. Л. 94).
- 24 См.: *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 183.
- 25 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 566. Л. 221 об. – 224.
- 26 Штаты университета расширены, а их материальное обеспечение улучшено согласно закону от 3 июля 1914 г., вошедшему в действие с 1 января 1915 г. (см. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 1). В 1916 г. готовилось новое расширение штатов (Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 4).
- 27 См. *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 221–222.
- 28 Краткий отчет о состоянии строительных работ по сооружению зданий Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 61.
- 29 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 550. Л. 13.
- 30 См.: *Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 181.
- 31 Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1916 год // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 5.
- 32 ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 706. Л. 111 об.
- 33 См.: Протокол заседания Совета университета от 15.02.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 20.
- 34 Протокол заседания Совета университета от 22.02.1916 // Там же. С. 38.
- 35 См.: *Зёрнов В.Д.* Указ. соч. С. 207.
- 36 См.: Протокол заседания Совета университета от 25.01.1916 // ИСУ. 1917. Вып. 1 и 2. С. 6–7.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94.63.3(0)4

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ У АНГЛОСАКСОВ В VII – НАЧАЛЕ IX ВЕКА

А.Г. Глебов

Воронежский государственный университет,
кафедра истории Средних веков и зарубежных славянских народов
E-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Статья посвящена одному из важнейших аспектов становления и развития государственности у англосаксов – возникновению, сущности и эволюции королевской власти в VII – начале IX века. На основе анализа различных исторических источников исследуются представления англосаксов о происхождении королевских династий, вопросы о порядке наследования престола, правах и прерогативах королей англосаксов, изменения в понимании королевского статуса и функций королевской власти, во внешнем виде правящих персон и атрибутике в это время.

Ключевые слова: англосаксы, ранняя государственность, эволюция королевской власти, происхождение королевских династий, порядок престолонаследия, права и прерогативы королей, атрибутика королевской власти.

The King's Power and the Basic Tendencies of its Development during the Anglo-Saxon Period from VII c. till the Beginning of the IX Century

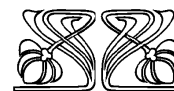
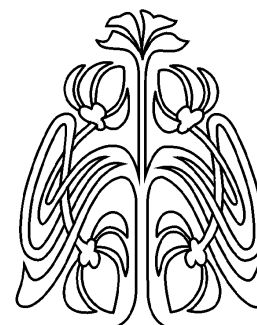
A.G. Glebov

The article focuses on one of the main aspects of the formation and development of the Anglo-Saxon state system – the emergence, essence and evolution of the Royal power from the VII c. till the beginning of the IX century. Considering the analysis of different historical resources the author examines the ideas of the Anglo –Saxons about the emergence of the royal dynasties, the issues connected with the order of the succession to the throne, the rights and the prerogatives of the Anglo-Saxon kings, the changes in understanding the king's status and the functions of the royal power, in the appearance of the ruling clique and the attributes of the VII c. till the beginning of the IX century.

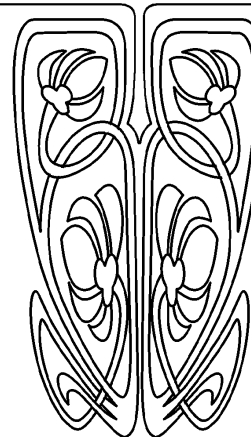
Key words: the Anglo-Saxons, early state system, evolution of the Royal power, the emergence of the royal dynasties, the order of the succession to the throne, the rights and the prerogatives of the kings, the attributes of the royal power.

Становление и развитие государственности у англосаксов является одним из наиболее сложных и спорных вопросов истории раннесредневековой Англии. Проблемы времени формирования и характера ранних англосаксонских королевств, их германских или позднеримских истоков, роли королевской власти и знати в процессе оформления государственности и ее отдельных структурных элементов, а также влияния церкви в этом процессе как в отечественной, так и в англо-американской историографии продолжают оживленно обсуждаться и нередко решаются с диаметрально противоположных позиций. Даже хронологические рамки возникновения государства у англосаксов остаются предметом дискуссий. Если А.Я. Гуревич и К.Ф. Савело относят их переход к государственности к рубежу VI–VII вв.¹, то А.Р. Корсунский – лишь к концу VII столетия². В зарубежной историографии высказывались предположения как о том, что государство у англосаксов существовало уже в V–VI вв.³, так и о том, что чуть ли не до X в. англосаксонские королевства представляли собой родоплеменные объединения⁴.

Среди выделенных тем центральное место занимают вопросы о возникновении и сущности королевской власти у англосаксов, о тех эта-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пах, которые она прошла в ходе своей эволюции, о ее месте в складывании сначала раннеклассовой, а затем и раннефеодальной государственности⁵.

Подлинный характер самых ранних форм королевской власти у англосаксов, по всей видимости, навсегда останется для нас загадкой в силу состояния источников. Первое упоминание о королях германцев содержится, как известно, у Тацита, который рассматривает существующую у них королевскую власть, скорее, как исключение, нежели правило. С другой стороны, его сообщения заставляют допустить, что уже в I в. н.э. у отдельных, особенно у восточных и северных, германских народов существовали некие протогосударственные образования во главе с королями, делившими власть с военными предводителями-вождями (*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*). «Король или вождь» (*rex vel princeps*) первыми берут слово в народном собрании, но при этом управляют, скорее, силой авторитета (*auctoritate suadendi*), нежели посредством приказа. Королю частично достаются штрафы за правонарушения; он также участвует в отправлении религиозного культа. Таким образом, в описании Тацита власть германского короля представляется отнюдь не монархической и деспотичной, а, прежде всего, традиционной и религиозной. В то же время весь контекст изложения римского историка наводит на предположение о том, что чем дальше тот или иной германский этнос располагался от границ Империи, тем сильнее была власть короля⁶.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что северо-западные германцы, в том числе англосаксы, были знакомы с институтом королевской власти еще в период их пребывания на исторической прародине. Даже много столетий спустя после завоевания Британии они продолжали сохранять память о королях, правивших ими на континенте, в частности о короле Оффе, жившем за двенадцать поколений до своего знаменитого мерксийского потомка и тезки⁷. Сказанное не исключает, однако, того, что у отдельных англосаксонских племен существовали иные формы политического устройства. Так, по сообщению Беда Почтенного, у наиболее близких родичей англосаксов – континентальных саксов, или «старых» саксов, как он их именуется, королевская власть не получила распространения. Вместо королей они имели целый ряд начальников, которых Беда характеризует латинским термином *satrapae*; из их числа в период войны по жребию избирался военный предводитель⁸. Следует учитывать, правда, что замечание Беда относится к концу VII – началу VIII столетия; каково было положение с королевской властью у «старых» саксов до этого, нам неизвестно.

Не вызывает сомнения и тот факт, что ранний англосаксонский король получал свой титул по праву рождения, о чем свидетельствует сама этимология древнеанглийского слова *cyning*, обо-

значавшего его носителя. Суффикс этого термина – *ing* в древнеанглийском языке носил патронимическое значение «сын, потомок такого-то»; на этом основании было высказано правдоподобное предположение, что вначале рассматриваемый термин означал не более как членов определенного рода, из которого и избирались первые англосаксонские короли⁹. Кроме того, источники, излагающие ранний период их истории, отводят настолько много места изложению королевских генеалогий, что с небольшой долей преувеличения можно говорить о них как об одном из наиболее ценных достояний любого англосаксонского короля¹⁰.

Сохранилось восемь королевских генеалогий англосаксов, из которых семь¹¹ возводят происхождение династий конунгов к германскому богу Одину; лишь короли Эссекса прослеживали свое происхождение от другого языческого божества – Сакнота, которого обычно либо считали сыном Одина, либо отождествляли с богом Тором¹².

Согласно сообщению Беда, повторенному затем «Англосаксонской хроникой», короля Кента Этельберта (560–616 гг.) отделяли от Одина восемь поколений, на что указывает и автор «Истории бриттов» Ненний¹³.

Основатель королевской династии Уэссекса Кердик (519–534 гг.) считался потомком Одина в седьмом поколении¹⁴; непосредственно от Одина выводили свое происхождение уэссекские короли Кеолвульф (597–611 гг.) и Этельвульф (839–858 гг.)¹⁵. По утверждению епископа Ассера, видимо, почерпнутому из генеалогии Этельвульфа в «Англосаксонской хронике», король Альфред Великий вел свое происхождение от Одина как по отцовской, так и по материнской линиям¹⁶.

Ни Беда, ни «Хроника» не приводят генеалогического ряда королей Восточной Англии. Несомненно, однако, что ее правители также полагали своим прародителем Одина, на что существует прямое указание Ненния¹⁷ и косвенные свидетельства погребения в Саттон Ху, демонстрирующие тесные связи восточно-английской династии с Южной Швецией, где почитание этого бога было особенно сильно¹⁸.

Династия конунгов Мерсии обнаруживает то же происхождение от Одина, что и правители других королевств и одновременно, как уже указывалось, наиболее тесные из всех англосаксонских королевских домов связи с континентальным институтом королевской власти. Как первый ее вполне достоверный представитель Пенда (626–655 гг.), так и самый известный его потомок Оффа (757–796 гг.) снабжены «Англосаксонской хроникой» генеалогиями, возводящими их род к божественному предку¹⁹.

Сходным образом в Нортумбрии короли и Брениции, и Дейры происходят от Одина, хотя и от разных его потомков. Линия королей Брениции идет от его сына Бельдега, а династия Дейры – от другого сына Вегдега²⁰.

Таким образом, почти все королевские династии VI–VIII столетий объединяло сознание происхождения от общего божественного прародителя, возникшее, возможно, еще до переселения англосаксов в Британию. Однако сакральный характер ранней королевской власти заключался не только в этом. По сути дела, как языческий, так и впоследствии христианский англосаксонский король²¹, был той сакральной фигурой, которая связывала в единое целое родоплеменной социум, а затем формирующуюся государственную организацию, и соотносила их с космическими и божественными сущностями, в которые они были вплетены. Такие представления, несомненно, шли из глубокой древности и имели общее индоевропейское происхождение. Аналогичным общегерманской, а шире индоевропейской, традиции является представление о королевской власти как о структурообразующем стержне социума, стержне, который органично встроено в общемировоззренческую картину мира; представление о самом короле, который как «священный царь», а тем самым и «верховный жрец», оказывается посредником-медиатором между миром богов и миром людей. Будучи носителем божественного дара (харизма, мана), он обладает рядом особых способностей и свойств, которые несут удачу и процветание всему его народу²².

Вместе с тем отдельные элементы этих представлений у англосаксов находили специфическое отражение в концепции сакрализации возникающей у них государственности. Сюда можно отнести некую размытость в понимании харизмы королевской власти, когда она распространяется не только на конкретного носителя королевского титула, но и на всех членов его рода. Отсюда распространенный у ранних англосаксов обычай разделения власти между двумя и более королями, который прослеживается, фактически, вплоть до конца исследуемого периода. Следует обратить также внимание на более тесную, нежели в общегерманской традиции, связь сакральной власти королей у англосаксов с близнецным культом, культом коня и медведя и представлениями о мировом древе как основном формообразующем элементе модели мира. В этом же ряду стоит особое значение, которое англосаксы придавали функции носителя королевской власти, как военного предводителя, призванного обеспечить победу и теряющего свою харизму в случае поражения²³.

Завоевательно-колониционный характер появления англосаксонских племен на Британских островах неизбежно должен был привести к резкому усилению власти этих военных предводителей, хотя люди, которые возглавляли переселенцев, не обязательно были королями по титулу. В «Англосаксонской хронике», в частности, упоминается о том, что вождь (в источнике употреблен термин *ealdorman*) западных саксов Кердик, под руководством которого началось завоевание Уэссекса,

принял его почти 25 лет спустя²⁴. Неизбежность такого усиления диктовалась как необходимостью сконцентрировать власть в условиях непрекращающихся военных столкновений с кельтским населением Британии, в целом оказывавшим ожесточенное сопротивление англосаксам, так и потребностями усложняющейся по мере оседания поселенцев на захваченных территориях социально-политической структуры.

Видимо, еще на континенте королевская власть у англосаксов стала наследственной, но не единоличной; первоначально речь шла отнюдь не о прямом наследовании престола в порядке первородства. Претендентом на него мог стать любой из сыновей предыдущего короля, а также его дядя, брат или племянник (даже при наличии сыновей)²⁵. Очевидно, что в этот период королевская власть еще рассматривалась как прерогатива не одного лица, а королевского рода (*stirps regia*) в целом; с разрастанием рода количество таких претендентов могло, естественно, увеличиваться. Судя по сохранившимся генеалогиям, королем мог оказаться в принципе любой знатный англосакс, который был в состоянии подтвердить свое происхождение от царственных предков хотя бы в седьмом поколении. Таким королем, к примеру, был правитель Мерсии Кенвульф (796–821 гг.)²⁶. Кроме того, следует иметь в виду уже упоминавшийся обычай разделения королевской власти между двумя и более представителями *stirps regia*. Примеры такого совместного правления прослеживаются в VI–VIII вв. во многих англосаксонских королевствах. Так, в раннем Кенте соправителями начавшего завоевание Хенгеста последовательно были Хорса, а после смерти последнего, его сын Эск. Даже в конце VII столетия кентцы имели в качестве правителей дуумвират Хлотаря (673–686 гг.) и Эдрика (685–686 гг.), издавший совместный законодательный сборник. На начальном этапе становления королевства Уэссекс им сообща управляли Кердик и его сын Кинрик (519–560 гг.); уэссекский король Кинегильс (611–642 гг.) имел соправителем своего сына Квихельма (641–672 гг.). Таким же фактическим соправителем своего отца, нортумбрийского короля Освью (642–670 гг.) в период синода в Уитби был распоряжавшийся в южной части королевства, в Дейре, Элхфрит (670–685 гг.). Нередки были случаи дуумвирата или даже триумвирата братьев. Например, в Эссексе королю Свитхельму наследовали его сыновья Сигхере и Себби; после смерти последнего на трон вступили его сыновья Сигхард и Свефред. Три сына стали наследниками короля Кента Уитреда (694–725 гг.)²⁷.

Достаточно сложен вопрос о том, имел ли правящий конунг возможность назначения своего преемника. В «Англосаксонской хронике» для характеристики процесса восшествия на трон нового короля чаще всего используется носящее весьма неопределенный смысл выражение *feng to rice*, т.е. «(такой-то) принял (или взял)

королевство»²⁸, ничего не говорящее о том, как это конкретно произошло. Скорее всего, приход к власти каждого следующего короля во многом зависел от того, пользовался ли претендент на престол поддержкой родоплеменной, а затем и служилой знати. Более того, в источниках изредка встречается фраза «был избран королем» (*ceosan to cyninge*)²⁹, заставляющая думать, что выбор нобиями между существующими претендентами не был простой фикцией. Таким образом, воцарение англосаксонского короля в VI–VIII вв. может быть охарактеризовано как нечто среднее между избранием (выбором) из числа наиболее достойных и наследственно-родовым принципом, непременно подразумевавшим происхождение будущего конунга из королевской семьи.

Вплоть до конца рассматриваемого периода описанный порядок наследования престола был причиной бесчисленных кровавых столкновений внутри ранних англосаксонских государств. Вот несколько примеров из истории двух наиболее мощных королевств, показывающих, что в конечном счете судьба короны чаще всего зависела от индивидуальных, прежде всего, военных способностей будущих королей. После смерти уэссекского короля Кенваллы в 672 г. все его преемники в течение более чем пятидесяти лет приходили к власти в результате упорной борьбы со своими родичами. Так, Кедвалла (686–688 гг.), член той линии королевского дома, которая до этого никогда не давала Уэссексу королей, стал правителем в ходе длившейся более года междоусобной войны³⁰. Его преемник, наиболее известный представитель династии западно-саксонских королей VII–VIII вв., Инэ (688–725 гг.) происходил из ее другой ветви и также неоднократно должен был с оружием в руках отстаивать свое право на престол от притязаний ближайших сородичей³¹. Ему наследовал Этельхард (726–740 гг.), родственные связи которого с предшествующими королями вообще неизвестны; он сразу же столкнулся с претензиями на трон своего троюродного брата Освальда³². Первый самостоятельный правитель Мерсии Пенда (626?/632? – 655 гг.), по происхождению принадлежавший к младшей ветви династии мерсийских конунгов, проложил себе путь к власти путем военных побед как над своими сородичами, так и над Уэссексом. Впервые он появляется в анналах еще в 628 г. как победитель западных саксов, но фактически становится королем только после победы над нортумбрийским Эдвином (617–633 гг.)³³. Вплоть до 716 г. Мерсией правили сыновья и внуки Пенды, пока на престол опять-таки с помощью оружия не вступил Этельбалд (716–757 гг.), внук брата Пенды Алвео, находившегося в период его правления в изгнании. После смерти Этельбалда королем в результате длившихся почти два года внутренних распрей стал Оффа (757–796 гг.)³⁴.

Таким образом, существовавший в ранней англосаксонской Британии порядок престолона-

следования и представление о королевской власти как достоянии всего рода, а не отдельной личности, были главными причинами бесчисленных междоусобий в изучаемый период. Стабильность и процветание первых королевств в решающей степени зависели от военных успехов их правителей и способности их преемников закрепить за собой трон силой оружия.

Точные границы прав и прерогатив королей англосаксов на первом этапе становления раннеклассового общества определить чрезвычайно сложно, но, судя по всему, король был прежде всего военным вождем своего народа и символом его единства. Героическая поэзия, «Церковная история» Беда и «Англосаксонская хроника» наполнены описаниями воинских доблестей, верности своим людям и мужества первых конунгов-воителей типа Хенгста, Кердика или Пенды, слава которых зачастую и доставляла им трон. С течением времени, очевидно, доблести короля-воина были возведены в ранг традиции: важнейшей обязанностью любого носителя королевского титула в VII–VIII вв. оставалась защита территории своего королевства от посягательств извне и повышение престижа своей династии за счет ее расширения путем присоединения соседних территорий³⁵. Несомненно также, что до принятия христианства они продолжали отправлять ключевые функции посредников между языческими божествами и своим племенем; как уже отмечалось, они обычно играли решающую роль и при введении в своих королевствах новой веры. Небольшие по размерам, эти королевства первоначально представляли собой, скорее, протогосударственные вождества с зачаточной системой политических институтов³⁶.

Тем не менее к началу VII в., на наш взгляд, у англосаксов постепенно происходит переход от родоплеменных в своей основе чифдомов к территориально-политическим объединениям и ранней государственности. Одним из самых существенных показателей этого может служить появление в 601–604 гг. их первого дошедшего до нас писаного законодательства – законов кентского короля Этельберта.

Королю и королевской власти непосредственно так или иначе посвящено 12 из 90 титулов этого судебника. Их анализ показывает, что положение и социально-политические функции носителя королевского титула уже в это время заметно отличались от положения в обществе любого другого знатного человека. Несмотря на то, что в соответствии с существовавшими нормами обычного права король, действия которого наносили государству вред, мог быть изгнан или убит³⁷, его личность специально выделялась составителями судебника. Так, в «Правде» Этельберта устанавливалось двойное возмещение за драку в присутствии короля, за вторжение в его резиденцию и разбой, за нарушение королевского

покровительства, а за кражу его имущества – девятикратный штраф³⁸.

Правда, в начале VII столетия формы защиты имущества, мира и достоинства короля не выходили еще за рамки обычного права, поскольку аналогичные возмещения в пониженном, разумеется, размере были установлены и для других свободных людей³⁹. По-видимому, правовая интерпретация личности короля в это время базировалась на представлении о нем, как одном из членов племени. Но по королевским искам взыскиваются уже не просто повышенные, а наивысшие штрафы⁴⁰, что свидетельствует об определенном повышении его статуса и в чем, вероятно, можно видеть признаки некоторой трансформации традиционно-архаических взглядов на персону короля.

Такой вывод, как представляется, может быть подтвержден и данными юридической компиляции X – начала XI в., в которой, однако, были использованы правовые положения, относящиеся к VII столетию. Речь идет о так называемых «Законах северных людей», согласно которым вергельд за убийство короля, равный вергельду эрла, выплачивался его роду и такая же сумма – «народу» (*leodum*) для оплаты «королевского достоинства» (*cyndomas*)⁴¹. О том, что практика и ранее была такова, свидетельствует «Англосаксонская хроника», где под 694 г. упомянуто о выплате жителями Кента 30 тысяч пенсов королю Уэссекса Инэ за сожжение его родственника Мула, члена королевской семьи⁴². Видимо, точно так же, как и в законах Этельберта, здесь проявляется своеобразное сочетание старых и вновь возникающих представлений о короле, когда он рассматривается не только как представитель определенного рода, пусть и знатного, но и как лицо, стоящее на вершине общественной пирамиды⁴³. Дополнительная оплата «королевского достоинства», с этой точки зрения, может быть понята лишь как особый статус короля, возвышающегося не только над родоплеменными структурами, но и над знатью.

Определенные изменения в понимании королевского статуса и функций заметны и в тех титулах «Правды Этельберта», которые посвящены праву частного покровительства. Они свидетельствуют о том, что уже в это время король присваивает себе право опеки не только как представитель того или иного рода, но и как господин некоей территории. Например, в титуле 6 прямо указывается, что в случае убийства свободного человека виновный выплачивает не только вергельд его сородичам, но и возмещение (50 шиллингов) королю как «господину» (*to drihti-beage*)⁴⁴. Одновременно с этим король, судя по некоторым титулам сборника, начинает осуществлять право персонального патроната и по отношению к тем лицам, которые не находятся в его прямом подчинении⁴⁵. Тем самым он узурпирует одну из важнейших функций родовой организации – оказание защиты всем ее членам и применение

санкций по отношению к нарушителям обычая. Очевидно, что и в данном случае мы имеем дело с правовым сознанием, которое рассматривает короля как лицо, уже возвышающееся над родоплеменной структурой.

Сходные по смыслу с вышеприведенными положениями титулы мы встречаем также в кентских судебных книгах конца VII в., приписываемых королям Хлотарю и Эдрику и Уитреду. Например, законы Хлотаря и Эдрика устанавливают специальные штрафы в пользу короля за нарушение мира в любом жилище. Так, за нанесение словесного оскорбления виновный выплачивал королю штраф в 12 шиллингов, в то время как оскорбленному доставалось всего 6 шиллингов; такие же компенсации выплачивались королю в случае возникновения ссор и вооруженных драк на пиру⁴⁶. Пролитие крови карается, помимо вергельда пострадавшему, штрафом в пользу короля, равным штрафу, предусмотренному судебником Этельберта, т.е. 50 шиллингов⁴⁷. Сборник Уитреда, подобно другим законодательным памятникам Кента, также считая короля представителем определенного рода, выделяет его, тем не менее, из массы соплеменников. Согласно судебнику, плата за нарушение королевского покровительства по сравнению с законами Этельберта не изменилась (50 шиллингов)⁴⁸. К концу VII столетия, однако, в законодательстве появились некоторые новые моменты, отсутствующие в более ранних судебных книгах и свидетельствующие о явном повышении статуса и социально-политических прерогатив кентских королей⁴⁹. Например, пойманного с поличным во время воровства свободного человека представляли на суд короля и во власти последнего было либо казнить преступника, либо продать его в рабство за море, либо заставить выкупиться ценой своего вергельда⁵⁰.

Более полно процесс эволюции статуса короля и функций королевской власти в VI–VIII вв. может быть прослежен при сопоставлении данных кентских судебных книг с законодательством, исходящим от короля другого англосаксонского государства – Уэссекса – Инэ. В этом самом раннем юридическом памятнике Уэссекса, хронологически синхронном с законами Уитреда, отчасти ощущается влияние постановлений кентских королей, но в целом он отражает специфику правовых представлений, сложившихся в уэссекском обществе, что относится и к интерпретации личности короля и границ его власти. Прежде всего обращает на себя внимание более высокая степень выделенности уэссекского короля не только из массы рядовых свободных, но и из среды знати, а также большая, в сравнении с Кентом, полнота прерогатив королевской власти. Так, судебник Инэ вводит гораздо более высокие штрафы за посягательство на имущество, домашний мир и достоинство короля. Вторжение в его бург, например, карается суммой в 120 шиллингов, тогда как законы Этельберта устанавливали за подобное

преступление штраф в 50 шиллингов⁵¹. Выше, чем в Кенте, был штраф в пользу короля в Уэссексе и в том случае, если речь шла о краже или грабеже⁵². Более того, сборник Инэ дает возможность королю казнить преступника, затеявшего вооруженную драку в его доме⁵³, в то время как ни в одном из кентских судебныхников подобного постановления нет. Многие титулы законов Инэ значительно определеннее в фиксации верховенства короля над всей территорией страны. Титул 10, например, гласит: «Если кто-нибудь в пределах нашего королевства (курсив мой. – А.Г.) совершит грабёж и насильственно отнимет имущество, то пусть он вернет награбленное и уплатит (штраф) 60 шиллингов»⁵⁴. Король Уэссекса получает часть компенсаций за убийство не только любого свободного западного сакса, но и чужестранца, а также присваивает себе право регулировать отношения между свободными и несвободными своего королевства⁵⁵.

Немаловажно и то, что в Уэссексе за королем была закреплена возможность применения карательных функций по отношению почти ко всему населению государства, хотя оно и не стало еще всеобъемлющим. Характерно, однако, что, попав под юрисдикцию короля, обвиняемый зачастую лишался возможности принесения очистительной присяги⁵⁶. Тем самым уэссекскими законами конца VII столетия было установлено представление о короле как о той верховной инстанции, которая может скорректировать и сам закон: ведь в том же судебнике утверждалось, что «любой человек может беспрепятственно посредством клятвы очиститься от обвинения в укрытии (краденого) и в убийстве человека...»⁵⁷. Если подозреваемому все же предоставлялась возможность снять обвинение, то он приносил очистительную клятву в присутствии «королевского соприсяжника» (*an cuningaede*)⁵⁸.

Приведенные примеры и весь контекст законодательства Инэ дают основание полагать, что к концу VII в. в англосаксонском или, по крайней мере, в уэссекском обществе начинают формироваться представления о короле, как носителе верховной государственной власти, который вправе распоряжаться свободой и даже жизнью подвластного ему населения. Возможно, именно осмысление своего положения как положения господина, имеющего право приказывать и требовать исполнения своих приказаний, позволило Инэ употреблять в прологе своих законов такие формулировки, как «мой народ» (*ure folk*), «мои эльдормены» (*ure ealdormen*), и, что весьма показательно, термин «подданные» (*undergetheodendra*) по отношению ко всем западным саксам⁵⁹.

На этом этапе развития политической системы, однако, идея повиновения и подданства королю как носителю высшей государственной власти еще только зарождается и во многом связана с развитием института патроната короля как частного лица и члена определенного рода.

Отмечая сочетание принципов подданства и частного покровительства в понимании отношений между королем и свободным населением Уэссекса конца VII столетия, можно одновременно предположить, что в обществе уже существовало осознание того, что в основе авторитета и власти носителя королевского титула лежат, скорее, права суверена, нежели его личные качества. Сами же короли, как уже было показано, видели в себе защитников и покровителей всех свободных своего государства и даже иноземцев. Как глава формирующегося государства, король, согласно ряду титулов судебного Инэ, получал судебные штрафы по искам свободных⁶⁰, а также требовал от них несения воинской службы и натуральных поставок (фирма, гафоль)⁶¹.

Нельзя не отметить также, что уже в этот период носители королевского титула серьезно выделялись своим внешним видом и атрибутикой, призванными подчеркнуть их выделенность из остального социума. Так, по свидетельству Беды Почтенного, власть одного из конунгов Нортумбрии начала VII в., Эдвина как на войне, так и в мирное время была так велика, что он передвигался по стране не иначе как на коне в сопровождении своих тэнов (*comes*) и перед ним всегда несли королевский штандарт; на поле боя перед ним также развевались некие «знамена» (*vexilla*). Даже когда он перемещался пешком, ему неизменно предшествовал штандарт, который римляне называли *tufa*, а англосаксы – *thunf*⁶².

Сказанное в значительной мере подтверждается данными археологии, позволяющими к тому же конкретизировать и более вещественно представить «материально-символический», если можно так выразиться, статус раннего англосаксонского короля. Наиболее впечатляющими из таких данных являются многие находки в погребении I захоронения в Саттон Ху, которые традиционно рассматривались, как знаки королевского достоинства⁶³. Необходимо, правда, иметь в виду, что тогда как письменные памятники касаются восшествия на трон и правления конунга, археологические материалы имеют дело с его смертью и погребением; тот факт, что предполагаемые регалии и инсигнии вообще оказались в могиле, создает дополнительную трудность, поскольку предполагается, что подобные символы должны были переходить к следующему правителю, ибо обладание ими служило легитимизации и преемственности власти. Кроме того, не исключено целевое изготовление указанных символов специально для погребальной церемонии⁶⁴.

Тем не менее специалисты-археологи обратили внимание на разительное сходство упоминавшегося «штандарта» короля Эдвина с найденной в погребении I комплекса Саттон Ху железной «стойкой»⁶⁵, которая находит полную аналогию с предметом из курганного могильника Бентри Грейндж (графство Дербишир), который руководитель раскопок 1861 г. определил как «по-

крытый рунообразной надписью шестизубцовый железный инструмент, более всего напоминающий обыкновенные вилы»⁶⁶. Близкий по форме объект обнаружен также в курганном погребении неподалеку от резиденции ранних нортумбрийских королей Иверинг (графство Нортумберленд). Подобное же церемониальное значение было приписано найденному в погребении в Саттон Ху обломку точильного камня, который был атрибутирован как «королевская эмблема»⁶⁷ и в котором большинство исследователей склонно видеть часть скипетра; его ближайшей аналогией является находка в курганном могильнике Сэнктон (графство Йоркшир). Сходным образом, как символы королевского достоинства, интерпретируются инкрустированные золотом, гранатами и стеклом по слоновой кости ястребы на кошельке из Саттон Ху, и особенно знаменитый шлем, чеканенный из золота и серебра⁶⁸.

Более того, есть основания полагать, что не только сами предметы из Саттон Ху, но и их тщательная «аранжировка» внутри погребальной камеры были указующими знаками высокого достоинства покойного как наследника власти Рима, защитника и сакрального покровителя своего народа в дни войны и мира. Несмотря на продолжающуюся дискуссию вокруг этих находок⁶⁹, в том числе по поводу того, кто именно был захоронен в погребении⁷⁰, ясно, что оно демонстрирует растущую силу королевской власти уже в 20–30-е гг. VII столетия.

В течение рассматриваемого времени англосаксонский король, таким образом, постепенно начинает занимать в социально-политической иерархии англосаксов место, несопоставимое с положением любого другого представителя аристократии. Еще в конце VII в. в законах Уитреда появляется норма, по которой королю, как и епископу, не требуются свидетели или принесение присяги в суде⁷¹. Нарушение мира в жилище короля, на территории его бурга и даже просто в его присутствии карается все большими штрафами. За королем закрепляется право применения карательных функций почти ко всему населению государства. Тем самым к середине VIII в. в англосаксонском обществе, по-видимому, уже формируется представление о короле как о верховном правителе и идеи подданства и повиновения королевской власти, что, несомненно, в свою очередь стимулировало последнюю к активизации кодификационных мероприятий. Уже законы Хлотаря и Эдрика фиксируют определенные элементы претензий королей на самостоятельную законодательную инициативу. Во вступлении, предпосланном их сборнику, кентские короли утверждают, что они «умножили право, введенное ранее» их предками⁷². Это замечание, правда, представляется довольно неопределенным и одинаково может означать как повторную запись ранее существовавших правовых норм с введением неучтенных казусов, так и создание

принципиально новых юридических положений, шедших вразрез со старым обычаем. Из весьма неясного указания в прологе к законам Инэ о том, что он «установил прочное право и правильное законодательство для народа нашего»⁷³, также почти невозможно определенно сказать, идет ли речь о радикальной реформе старых юридических норм, или не столько об «установлении», сколько о «восстановлении» права. Тем не менее проведенный анализ, как представляется, дает основания для предположения об определенном повышении законодательной самостоятельности англосаксонских королей VII–VIII вв., шедшего, очевидно, параллельно с общим расширением компетенции королевской власти в сфере государственного управления и изменениями в правовых понятиях о ней. В более широком плане можно, видимо, говорить и о том, что запись ранних англосаксонских судебныхников, проводившихся и в Кенте, и в Уэссексе по инициативе королевской власти, способствовала усилению законодательных функций королей в целом, поскольку придавала зафиксированному в «Правдах» обычному праву неизменный и окончательный вид. Бытующие в обществе юридические представления, в связи с этим, с течением времени должны были все больше и больше ориентироваться на восприятие и осмысление писаного права, а не прежнего устно передаваемого обычая. Кодифицированная в судебныхниках правовая система при этом была уже не только сводом наиболее мудрых и справедливых предписаний варварской эпохи, лишь поправленных и улучшенных, но и, во всяком случае отчасти, плодом законодательных усилий укрепляющейся королевской власти. К концу изучаемого периода, таким образом, архаический, родоплеменной аспект в восприятии личности короля и государственно-политических прерогатив его власти значительно ослабляется, хотя и не исчезает окончательно.

Примечания

- 1 См., напр.: *Гуревич А.Я.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // *Средние века.* М., 1953. Вып. 4. С. 49–73; *Савело К.Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 23–28, 49–68.
- 2 См.: *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 73 и сл., 132–133.
- 3 См.: *Chadwick H.M.* The heroic age. Cambridge, 1912. P. 376–377; *Chaney W.A.* The cult of kingship in Anglo-Saxon England: The transition from paganism to Christianity. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 7–42; *Loyd H.R.* Anglo-Saxon England and the Norman conquest. L., 1970. P. 200 ff.; *Idem.* The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford (Cal.), 1984. P. 24 ff.
- 4 См.: *Jolliffe J.* The constitutional history of medieval England. L., 1937. P. 23–29; *Kemble J.M.* The Saxons in England: A history of the English commonwealth till the

- period of the Norman conquest. L., 1849. Vol. 2. P. 41 ff.
- 5 Обзор современной англо-американской историографии по проблеме см.: *Rosenthal J.T.* A historiographical survey: Anglo-Saxon kings and kingship since World War II // *J. of British studies*. 1985. Vol. 24, № 1. P. 72–93.
- 6 См.: *Tacit.* Germ. 7; 10; 11; 33; 40 // P. Cornelius Tacitus. *Libri qui supersunt*. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 274, 278, 280.
- 7 См.: *Вудсид.* Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 16–17.
- 8 См.: *Beda Venerabilis.* *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. I, 15 // *Monum. Hist. Brit. L.*, 1848. Vol. I. P. 110. Далее сочинение Беды цитируется с указанием номера книги и главы.
- 9 См.: *Blair P.H.* *An introduction to Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1956. P. 195.
- 10 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, Prol. // *English historical documents*. L., 1955. Vol. I. P. 136–137. Далее «Англосаксонская хроника» цитируется по данному изданию с указанием года и страниц. См. также: *Dumville D.* *Kingship, genealogies and regnal lists // Early medieval kingship* / Ed. by P.H. Sawyer and I. Wood. Leeds, 1977. P. 72–104; *Sisam K.* *Anglo-Saxon royal genealogies // Proceedings of the British Academy*. 1953. Vol. 39. P. 287–343.
- 11 Речь идет о королевских династиях Кента, Уэссекса, Восточной Англии, Мерсии, Берниции, Дейры и Линдсея.
- 12 См.: *Chaney W.A.* *Op. cit.* P. 28–29.
- 13 См.: *Beda Venerabilis.* *Historia*. I, 15; II, 5; *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.449. P. 143; *Nennius.* *British history and the Welsh annals* / Ed. and transl. by J. Morris. L.; Chichester, 1980. P. 53–54.
- 14 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, Prol., a.552. P. 136, 145.
- 15 *Ibid.* a.597, a.855–858. P. 147, 175.
- 16 См.: *Ассер.* *Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М.М.* *История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых*. 4-е изд. Пг., 1915. Т. 2. С. 307.
- 17 См.: *Nennius.* *Op. cit.* P. 77.
- 18 См.: *Voyage to the other world: the legacy of Sutton Hoo* / Ed. by C.B. Kendall and P.S. Wells. Minneapolis, 1992. P. 238 ff.
- 19 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.626, 757. P. 149, 163.
- 20 *Ibid.* a.547, 560. P.145; *Nennius.* *Op. cit.* P. 76–77, 78–79.
- 21 Следует, разумеется, иметь при этом в виду значительные изменения, которые претерпела сакрализации власти при переходе от язычества к христианству. Ср.: *Chaney W.A.* *Op. cit.* P. 247 ff.
- 22 См.: *Селицкий А.И.* *К проблеме реконструкции общеевропейской концепции сакрализации власти // Мир власти: традиция, символ, миф. : Материалы Рос. науч. конф. молодых исследователей 17–19 апреля 1997 г.* М., 1997. С. 3–5.
- 23 Подробнее о сакральных функциях ранних англосаксонских королей см.: *Chaney W.A.* *Op. cit.*
- 24 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a. 495, 519. P. 144.
- 25 *Ibid.* a.534, 611, 617, 626. P. 145, 148, 149.
- 26 См.: *Sisam K.* *Op. cit.* P. 298.
- 27 См.: *Fisher D.J.V.* *The Anglo-Saxon age, c.400–1042*. N.Y., 1993. P. 120–121.
- 28 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.709, 729, 741, 860. P. 158, 159, 161, 175.
- 29 *Ibid.* a.757. P. 163.
- 30 *Ibid.* a.685, 686. P. 155–156.
- 31 *Ibid.* a.688, 694, 715, 721. P. 156, 157, 158, 159.
- 32 *Ibid.* a.726. P. 159.
- 33 *Ibid.* a.628, 633. P. 150; *Beda Venerabilis.* *Historia*. II, 20.
- 34 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.716, 757, 759. P. 158, 162, 163.
- 35 См.: *Baker G.P.* *The fighting kings of Wessex: a gallery of portraits*. N.Y., 1991; *Kirby D.P.* *The earliest English kings*. L., 1991; *Wallace-Hadrill J.M.* *Early Germanic kingship in England and on the continent*. Oxford, 1971; *Yorke B.* *Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England*. L., 1990.
- 36 См.: *The origins of Anglo-Saxon kingdoms* / Ed. by S. Bassett. L.; N.Y., 1989.
- 37 В 774 г. был низложен и отправлен в изгнание король Нортумбрии Эльхред, а уэссекский правитель Сигеберт в 757 г. был лишен трона «по причине неправедных деяний». (см.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.757, 774. P.162, 164.)
- 38 См.: *Aethelbert*, 3; 4; 5; 8 // *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd.1. S.3. Далее ссылки на королевские законы даются по этому изданию.
- 39 См., напр.: *Aethelbert*, 1; 13; 15; 17.
- 40 Нарушение королевского покровительства, например, карается штрафом в 50 шиллингов, тогда как подобное же правонарушение в отношении эрла оценивается в 12 шиллингов, а рядового свободного – в 6 шиллингов. (*Aethelbert*, 8; 13; 15.)
- 41 См.: *Northleoda laga*, 1.
- 42 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle...*, a.694. P.157.
- 43 Собственно вергельд короля по «Законам северных людей» приравнивается к вире эрлов и составляет 15 тысяч тримс. См.: *Northleoda laga*, 2.
- 44 См.: *Aethelbert*, 6.
- 45 *Ibid.* 9; 84.
- 46 См.: *Hlothaere, Eadric*, 11; 12; 13.
- 47 *Ibid.* 14. Ср.: *Aethelbert*, 6.
- 48 См.: *Whitraed*, 2.
- 49 *Ibid.* 16; 22; 27.
- 50 *Ibid.* 26.
- 51 См.: *Ine*, 45. Ср.: *Aethelbert*, 5.
- 52 См.: *Ine*, 10. Ср.: *Aethelbert*, 10.
- 53 См.: *Ine*, 6.
- 54 *Ibid.* 10.
- 55 *Ibid.* 23; 50.
- 56 Например, вор, захваченный на месте преступления. *Ibid.* 15, §2.
- 57 *Ibid.* 46, §2.

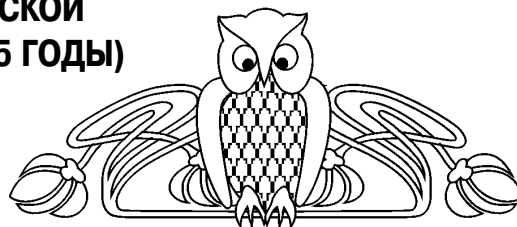
- ⁵⁸ Ine, 6. 54.
⁵⁹ Ibid. Prol.
⁶⁰ Ine, 6, §2–5; 7; 27.
⁶¹ Ibid. 44, §1; 51; 70, §1.
⁶² См.: *Beda Venerabilis*. *Historia*. II, 16.
⁶³ См.: *Bruce-Mitford R.L.S.* Aspects of Anglo-Saxon archaeology: Sutton Hoo and other discoveries. L., 1974; *Gamber O.* The Sutton Hoo military equipment – an attempted reconstruction // *J. of Arms and Armour Society*. 1966. Vol. 5. P. 265–289; *Green C.* Sutton Hoo: the excavation of a royal ship-burial. L., 1963.
⁶⁴ Подробнее см.: *Arnold C.J.* An archaeology of the early Anglo-Saxon kingdoms. 2-nd ed. L.; N.Y., 1997. P. 207–208.
⁶⁵ *Bruce-Mitford R.L.S.* Op. cit. P. 7–17.
⁶⁶ *Arnold C.J.* Op. cit. P. 208.
⁶⁷ *Bruce-Mitford R.L.S.* Op. cit. P. 6.
⁶⁸ См.: *Arnold C.J.* Op. cit.
⁶⁹ Из современной литературы, посвященной погребению в Саттон Ху, см.: *The age of Sutton Hoo: the seventh century in north-western Europe* / Ed. by M.O.H. Carver. Woodbridge; Rochester, 1992; *Carver M.O.H.* Sutton Hoo: Burial ground of kings? Philadelphia, 1998; *Evans A.C.* The Sutton Hoo ship burial. Rev. ed. L., 1994; *Voyage to the other world: the legacy of Sutton Hoo*...
⁷⁰ Традиционно считалось, что погребение в Саттон Ху принадлежало королю Восточной Англии Рэдвальду (? – ок. 625 г.); в последнее время появилась точка зрения, приписывающая его королю Эссекса Сеаберту (? – после 605 г.). См.: *Arnold C.J.* Op. cit. P. 210.
⁷¹ «Слово короля, как и епископа безупречно и без присяги», – гласит текст источника. См.: *Wihtraed*, 16.
⁷² *Hlothaere, Eadric*, Prol.
⁷³ Ine, Prol.

УДК 94(410)32.001

РАССКАЗ ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ О СМЕРТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ВРЕМЕН ГЕНРИХА I (1100–1135 ГОДЫ)

Е.Е. Савицкий

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Центр интеллектуальной истории
E-mail: savitski@rambler.ru

Статья посвящена анализу рассказа Ордерика Виталия о смерти Вильгельма Завоевателя (1087 г.) и ее значению в политической полемике времен Генриха I. Автор обращается к обстоятельствам смерти короля Вильгельма I, которые стали в последние десятилетия предметом полемики, в контексте рассмотрения сложной археологии текста Ордерика Виталия, с учетом прагматики того времени.

Ключевые слова: англо-нормандская история, «Церковная история» Ордерика Виталия, ритуал похорон, ритуал разграбления тел умерших, тело короля, модель текста, Ордериковская версия истории.

Orderick Vitaliy's Story about the Death of William the Conqueror in the Political Polemics during the Reign of Henry I (1100–1135)

Е.Е. Savitskiy

The article is devoted to the analysis of Orderick Vitaliy's story about the death of William the Conqueror (1087) and its importance in the political polemics during the reign of Henry I. The author examines the details of king William the Conqueror's death, which have provoked a lot of arguments for the last decades, considering a difficult structure of Orderick Vitaliy's text and taking into account the pragmatics of the period.

Key words: Anglo-Norman history, «Church history» of Orderick Vitaliy, burial ceremony, the ritual of robbing the dead bodies, the body of the king, the text model, Orderick's version of history.

Седьмая книга «Церковной истории» Ордерика Виталия завершается рассказом об обстоятельствах смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г.¹ Рассказ этот настолько хорошо знаком специалистам по англо-нормандской истории, что в своих работах они обычно просто пишут «об известных обстоятельствах кончины короля». Ордерик рассказывает о последней болезни государя, его предсмертной речи, «которая заслуживает, чтобы быть запомненной»², о благочестивых распоряжениях государя. Король в рассказе Ордерика знает час своей смерти: «В четверг 9 сентября король проснулся, когда Феб лишь начинал распространять над землей свои лучи, и услышал звук большого колокола на соборной церкви. Он спросил у присутствовавших, который час, и ему ответили: «Государь, в церкви св. Марии пробил час первый». Тогда король воздел глаза к небу, простер руки и воскликнул: «Госпожа Богоматерь святая Мария, препоручаю тебе себя, дабы своими молитвами ты примирила меня со своим дражайшим сыном Господом нашим Иисусом Христом». И сказав сие, умер»³.

Присутствовавшие при этом врачи от внезапности королевской кончины едва не потеряли разум, аристократы же сразу вскочили на лошадей и помчались в свои владения, все прочие же немедленно занялись грабежом, унося оружие, посуду, одежды, ткани и вообще все, что принад-

лежало королю, оставив его лежать на полу почти голым. Чудесным образом весть о смерти короля немедленно стала известна некоторым из бежавших от его правосудия в Риме и Калабрии – потом они сами об этом рассказывали. Ужас охватил тем временем жителей Руана, которые шатались по улицам, не зная, что делать, или старались перевести куда-то и припрятать свое имущество.

Наконец, архиепископ Гийом распорядился перевести тело в Кан и похоронить короля там, в церкви аббатства Св. Стефана. Поскольку все королевские слуги разбежались, о перевозке тела позаботился из чувства милосердия некий рыцарь Херлуин. На этом, однако, злоключения покойного короля не закончились, ибо, когда аббат Жильбер в Кане во главе процессии вышел встречать его, в одном из домов внезапно начался пожар, уничтоживший большую часть города. Как только языки пламени взвились в небо, люди стали в панике разбегаться, и лишь монахи довершили литургию.

В самый же день похорон, когда в церкви Св. Стефана собрались около 20 нормандских епископов и аббатов, и епископ Жильбер из Эвре произнес проповедь (ее Ордерик кратко пересказывает), вперед выступил некий рыцарь Асцелин и во имя Господа запретил хоронить короля на этой земле, поскольку она некогда была незаконно у него отобрана. Несколько соседей тут же подтвердили правоту рыцаря. Епископам и аббатам пришлось немедленно заняться этим делом, и добрыми словами они смогли склонить Асцелина к согласию. Кроме того, только за землю, занимаемую могилой, Асцелину немедленно отсчитали 60 шиллингов, и еще больше он должен был получить впоследствии за остальной участок земли, на котором располагалось основанное королем аббатство.

Уладив эту проблему, присутствующие продолжили ритуал похорон, однако тут выяснилось, что каменщики вытесали саркофаг слишком коротким и узким, тело короля не помещалось. Его попытались втиснуть силой, немного согнув, но от этого раздувшийся живот лопнул, распространив такой смрадный запах, что его могли ощущать не только те, что стояли рядом, но и вообще вся толпа собравшихся. Запах не был настолько силен, говорит Ордерик, чтобы вовсе прервать церемонию, однако священники постарались завершить ее побыстрее и тут же разошлись.

Рассказ Ордерика, написанный между 1130 и 1135 гг., расходится с анонимным повествованием «De obitu Willelmi» 1097–1100 гг.⁴, где ни о каких подобных происшествиях не сообщается, хотя текст по времени гораздо ближе к событиям. Рассказ упоминает о сооружении серебряной арки над могилой Вильгельма I и, видимо, сам связан с заботой короля Вильгельма II о мемориализации отца уже в первое десятилетие после его смерти. Историки склонны во многом доверять этому рассказу (например, в том, что касается реально-

сти серебряной арки), однако в целом «De obitu» представляет собой переработку каролингских литературных образцов, и потому выглядит менее убедительным, чем более поздняя, но как бы более «живая» и «спонтанная» версия Ордерика, столь богатая яркими подробностями⁵.

В последние десятилетия обстоятельства смерти короля Вильгельма стали предметом полемики, не связанной прямо с англо-нормандской историей. В 1970-е гг. Райнхард Эльце, тогдашний директор Немецкого исторического института в Риме, опубликовал статью о своеобразном ритуале разграбления тел умерших пап и высказал предположение о существовании более широкого европейского обычая разграбления тел умерших государей. Одним из его примеров был рассказ Ордерика о разграблении трупа Вильгельма I⁶. После Эльце этой проблематикой занимались такие именитые историки, как Карло Гинзбург, Агостино Паравичини-Бальяни, Джулиан Гарднер, М.А. Бойцов и многие другие⁷; объяснения этого странного ритуала предлагались разные, но когерентность самой серии примеров под сомнение не ставилась, и история о Вильгельме Завоевателе кочевала из работы в работу как несомненно схожая со всеми прочими и заслуживающая доверия. Проблема в том, что, как и все другие примеры в этой дискуссии, рассказ о короле Вильгельме был совершенно вырван из контекста. Исследователей не интересовало, что говорит Ордерик страницей раньше или страницей позже, что хотел сказать автор этой историей, о чем собственно в ней говорится.

История смерти Вильгельма имеет и свою собственную небольшую историографию. С одной стороны, это традиционные исследования по политической истории, которые склонны верить рассказу Ордерика⁸. С другой стороны, это исследования в духе истории ментальностей, которые отказываются рассматривать этот текст на предмет его соотношения с реальностью: так, для А.Я. Гуревича этот рассказ есть всего лишь пример средневекового отношения к смерти. Рассказ говорит не о том, о чем он повествует буквально: он не о смерти короля, а о бренности жизни. Как писал Гуревич: «Если рассматривать сообщение Ордерика в общем контексте “Церковной истории”, то мы придем, скорее, к заключению, что Ордерика меньше всего заботило собирание информации о том, как в самом деле умер Вильгельм и каковы были обстоятельства его погребения. Церковный автор противопоставляет грешную земную жизнь радостям небесных чертогов; плоть обречена смерти и гниению, независимо от того, тело ли это монарха или простолюдина, ибо смерть уравнивает всех. Ордерик переключает внимание с факта смерти и похорон короля на созерцание противоположности небес и земли, вечности и скоропреходящего. Если его рассказ представляет собой источник сведений, то это сведения не об однократных и в высшем смысле

малозначительных фактах земного бытия, а об извечном противостоянии жизни и смерти, о бренности человеческого существования, и именно в этом смысле этот текст опять-таки заслуживает внимания историка прежде всего как указание на картину мира средневекового монаха»⁹.

И действительно, показав нам брошенное тело короля, Ордерик сравнивает человеческую жизнь с пузырями на воде, которые возникают и тут же обращаются в ничто. И вот, так же, только что могущественный король лежит теперь раздетый на полу в чужом доме, брошенный всеми¹⁰. Подобный мотив встречается и в описаниях смертей иных государей, в том числе английских. Этот проповеднический аспект, как будет видно, действительно важен для понимания того, как сложился рассказ о смерти Вильгельма.

Проблема, однако, в том, что история о разграблении очевидно избыточна для простого воспроизведения топоса бренности жизни: обычно в таких случаях достаточно просто красочного описания разлагающегося тела. Кроме того, избегая вопроса об исторической истинности, история ментальностей просто вписывает рассказ Ордерика в иной сопоставительный ряд, нежели сторонники теории разграблений, сам же рассказ остается вырванным из своего контекста: когда А.Я. Гуревич говорит об «общем контексте «Церковной истории»», он имеет в виду всего лишь обобщенный образ того, чем, как считается, были средневековые «Церковные истории», а не особенности текста Ордерика. Как ни странно, его «Церковная история», этот ключевой текст для средневековой английской истории, до сих пор остается неисследованным на предмет своей внутренней логики.

Что касается конкретно рассказа о смерти Вильгельма, то мне кажутся тут важными две вещи: во-первых, необходимо рассмотреть его в рамках сложной археологии текста Ордерика Виталия, в котором ни одна история не гомогенна по своему составу, и потому выглядит крайне изломанной. Во-вторых, надо отказаться от перенесения в прошлое фикции позитивистского историка, который сообщает что-то просто так, желая сохранить как можно больше для будущего, и потому всякое высказывание должно быть рассмотрено как сделанное во времени, связанное с прагматикой этого времени.

Чем отличалось время Ордерика? Начнем с его собственного, личного времени, времени его жизни. Ордерик Виталий родился в 1075 г., через девять лет после битвы при Гастингсе. По матери он англичанин, но в своих автобиографических рассказах фигуру матери всячески замалчивает, в отличие от отца, о котором пишет довольно много. При этом Ордерик всячески подчеркивает свою «английскость», живя в нормандском монастыре, куда его отдали в возрасте 10 лет¹¹. К этой картине «конфликта идентичностей» можно еще добавить, что историю Ордерик пишет по заказу

своего нормандского аббата и с использованием местных анналов и других текстов, но, подражая англичанину Беде Достопочтенному, что иногда описывалось как личное увлечение, но эта стилизация, как будет видно, в 1110-е гг. могла быть и политическим выбором.

Ордерика пришлось жить как бы в две разные эпохи: сначала правление двух Вильгельмов (1066–1100), с их политикой подавления в отношении англичан, и затем время короля Генриха I (1100–1135), который стремится к примирению с ними, и даже более того, это завоевание Генрихом с его английским войском Нормандии в 1106 г., победа при Тиншебрэ через 40 лет после поражения при Гастингсе, пленение герцога Роберта. Тем самым фигура автора была исторична не только в плане своей конфликтной раздвоенности между «английскостью» и «нормандскостью», но сам характер этого противопоставления изменился в течение жизни Ордерика Виталия. Тут опасно проводить прямые параллели, но показательно, что Ордерик, описывавший свои ранние годы как травматический опыт мигранта в чужой стране, языка которой он не понимал¹², позднее, в 1110–1130-е гг., мог даже гордиться своей английскостью и писать нормандскому монастырю историю на английский манер – в отличие от своих предшественников, до самого конца XI в. ориентировавшихся на каролингские образцы. Но эта идентификация на общеполитическом уровне тоже неоднозначна, и тут важно еще одно обстоятельство.

После 1106 г. монастырь св. Эбрульфа, где жил Ордерик, оказался в политически сложной ситуации – и до 1106 г., не позднее, до 1113 г., он поддерживал графа Роберта Беллемского, одного из главных врагов короля Генриха и сторонника плененного герцога Роберта. Монастырь был связан с родом беллемских графов уже долгие годы, со времени своего основания и особенно с середины 1060-х гг., со времени аббата Осберна. Историческая память монастыря была пробеллемской, и когда граф в 1113 г. был вынужден бежать к французам, к Людовику VI, а Генрих I приехал в монастырь и после беседы с братией подтвердил все ранее совершенные в пользу монастыря дарения, к личным проблемам Ордерика с самоопределением добавилась еще и сложность самоописания на групповом уровне.

Именно в это время, в 1113–1114 гг., Ордерика поручают писать его историю – новую историю монастыря, резко антибеллемскую по своему настрою¹³. В частности, она содержит жуткие истории об убийствах графом детей, о том, как призрак уже покойного Роберта скачет по ночам в составе Херлекинова воинства, как подобными ночными скачками наводила ужас на округу еще мать Роберта, известная также как отравительница, и уже она якобы испытывала страшную ненависть к монахам Св. Эбрульфа, которую передала

и сыну. Совершенные графом в пользу монастыря дарения упоминаются, но скупом¹⁴.

Рассказ о смерти Вильгельма Завоевателя стоит в одном ряду с другими порочащими Роберта Беллемского историями: когда Ордерик говорит о магнатах, оставивших своего мертвого государя, то имелась в виду вполне конкретные люди, особо приближенные к королю, среди которых был и Роберт – эта конкретность и персональность рассказа не всегда учитывается исследователями.

В истории, сочиняемой теперь Ордериком, 1090-е гг. представляются как эпоха засилья магнатов и беспомощности перед ними герцога Роберта и короля Вильгельма II, и именно с влиянием этих людей пытается бороться Генрих I. Смерть Вильгельма описывается не просто как нейтральное историческое событие, а как начало «мрачной эпохи 90-х», захвата и узурпации королевских и герцогских властных полномочий небольшой группой не имевших на то права людей. Собственно, в рассказе Ордерика, вопреки прочтению Р. Эльце, не идет речи о разграблении тела государя: тело грабят только те, кому было больше нечем поживиться, гораздо важнее было то, что магнаты захватывали королевские замки, то есть тело не было специфическим объектом разграбления, грабилось имущество короля, его владения, безотносительно к телу. Можно сказать, что рассказ в этой части вообще не о короле – в нем магнаты сопоставляются со слугами короля, нарративно ставятся с ними в один ряд (что было в духе правления Генриха I, но отнюдь не соответствовало характеру отношений с графами Вильгельма Завоевателя¹⁵), и одновременно указывается на недостойность их поведения. Рассказ о смерти Вильгельма – один из рассказов о растаскивании властных полномочий в 90-е.

Притом что правление Генриха I политически однозначно противопоставлялось «беспорядкам 90-х», Ордерик не удается достигнуть гомогенности повествования о Роберте Беллемском. Сведения о нем крайне противоречивы, рассказы производят впечатление изломанности, фрагментарности, внутренней конфликтности¹⁶. Возможно, Ордерик не хватало умения полностью абстрагироваться от более ранней традиции. Он упоминает, однако, и о критике его труда со стороны других братьев – видимо все умолчания и интерполяции становились предметом тяжелых споров с теми, кто хотел помнить историю иначе. Во введении к пятой книге «Истории» (ок. 1127 г.) Ордерик напоминает, обращаясь к аббату Гварину (1123–1137), что когда аббат Роже (1091–1123) задумал написание истории монастыря, он не знал, кому поручить это дело, ибо братья «были гораздо больше склонны к молчанию, нежели к тому, чтобы сказать нечто». И вот историю пришлось писать ему, иностранцу, выходцу из далекой Мерсии, «писать нормандцам историю деяний нормандцев»¹⁷.

Высказывания Ордерика, обращенные к аббату, весьма критичны в отношении остальной братии. Дело представляется таким образом, что вопрос о написании истории монастыря был нелегким, и в итоге дело поручили как раз тому, кто в наименьшей мере был связан с локальными интересами, кому легче всего было абстрагироваться от существовавшей традиции памяти, от предшествовавших падению беллемского дома дружеских связей монастыря. Надо сказать, что Ордерик и сам был тут фигурой не совсем нейтральной, поскольку хотя и происходил из Англии, его отец, Оделерий Орлеанский, служил Роже де Монтгомери, отцу Роберта Беллемского, и именно от него получил свой английский приход и жену. То есть Ордерик и сам был тесно связан с беллемской традицией, и в истории видно, что он пытается отграничить друг от друга Роже де Монтгомери и Роберта Беллемского с его матерью Мабиллией, управлявшей континентальными владениями семьи в отсутствие мужа.

Споры вокруг труда Ордерика Виталия не затихали. Во введении к шестой книге (ок. 1130 г.; в следующей, седьмой, уже располагается рассказ о смерти Вильгельма) он прямо обращается к своим критикам и делает это в гораздо более резкой форме, чем прежде: «Пусть прекратят болтать и помолчат те, кто и сами ничего не делают, и чужую работу принимают со злонравием, вместо того, чтобы мирно исправлять то, что им не нравится»¹⁸. Из полемических высказываний Ордерика трудно понять, за что именно его критиковали. Примечательно, что ему приходится оправдывать саму необходимость своего труда. Если аббат Роже в 1113–1114 гг. посчитал написание истории совершенно необходимым делом, то к концу 1120-х, видимо, сам аббат Гварин прислушивался к голосам тех, кто предлагал прекратить написание истории, кто сомневался в полезности продолжения Ордериком его работы. Ведь история задумывалась как примиряющая различные взгляды на монастырское прошлое, но тем самым она несла в себе и следы этого примирения, этой былой неоднозначности. История должна была создать новые формы репрезентации монастыря, приемлемые в изменившейся политической ситуации, но с 1113 по 1130 г. ситуация еще более изменилась, и возникал вопрос, в какой мере компромиссная история Ордерика все еще годится. С гибелью в 1128 г. Гильома Клитона, сына герцога Роберта, исчезла последняя надежда на восстановление старых порядков и последние мятежные бароны примирились с королем Генрихом. Между тем Ордерик до самого 1134 г., до смерти в заточении герцога Роберта, не признавал за королем Генрихом его герцогский титул и тем самым занимал политически довольно крайнюю позицию. В отличие от 1110-х гг., теперь он был человеком не свободным от прошлого, а слишком державшимся за него, и потому неподходящим для написания истории. К началу 30-х гг. 60-летний

Ордерик был уже и одним из самых старых монахов в монастыре, его окружение за прошедшие 20 лет изменилось. Как бы то ни было, и в начале работы над историей, и в начале 30-х гг. Ордерик приходилось считаться с самыми разными мнениями, включать в свое повествование разные голоса. Эта «изломанность» проявится и в описании смерти Вильгельма Завоевателя.

Здесь важно указать на то, что уже сами рассказы, с которыми пришлось иметь дело Ордерик, не представляли собой чего-то единого, он имел дело с такими же изломанными и богатыми внутренней археологией повествованиями, как и те, что производил он сам. Увидеть, каким образом рассказы составлялись из различных элементов, которые могли или сводиться вместе, или разводиться, позволяет сравнение рассказа о смерти Вильгельма Завоевателя с рассказами о смертях двух других английских королей, которые Ордерик пришлось пережить – Вильгельма II в 1100 г. и Генриха I в 1135 г. Это еще один возможный уровень контекстуализации рассказа Ордерика – уровень нарративной логики текстов.

Такое сравнение поможет нам и в ответе на вопрос: если разграбление государей было обычным ритуалом, как утверждают многие исследователи, то почему разграбили только Вильгельма Завоевателя, почему лишь о нем сохранилась подобная история? Истории Вильгельма II и Генриха I крайне примечательны, хотя и не вполне в духе ритуалистской теории.

Вильгельм II, как известно, гибнет при загадочных обстоятельствах на охоте, и как только по лесу разносятся крики о том, что король мертв, происходит, согласно Ордерик Виталию¹⁹, примерно то же самое, что и с Вильгельмом I: во-первых, все разбегаются; во-вторых, о теле короля заботятся немногие оставшиеся слуги, которые накрыли его чем пришлось и наскоро похоронили; наконец, снова возникло препятствие для похорон, на этот раз – со стороны не отдельного рыцаря, а английских прелатов, в результате король не удостоился даже колокольного звона. Важна последовательность, в которой это все излагается: за криками в лесу в тексте следует рассказ о бешеной скачке наперегонки графа Генриха, будущего короля, и Гийома Бретейского, одного из магнатов: они мчатся из леса в Винчестер, чтобы первыми завладеть королевской казной. И Ордерик в своем повествовании как бы мчит за ними, оставив короля лежать в лесу: он рассказывает о пререканиях и взаимных угрозах в Винчестере, о том, как ситуация удалось разрядить, и только после этого вспоминает о покойном. Тем самым оставление короля и возврат к нему здесь происходят на нарративном уровне, своим рассказом Ордерик воспроизводит поведение тех, кто участвовал в событиях.

Эдвард Август Фриман в своем фундаментальном труде 1882 г. «Правление Вильгельма Рыжего» оспорил утверждение Ордерика, что

король был похоронен лишь слугами²⁰. Я думаю, позиции двух историков в действительности взаимодополнительны, если учитывать эту логику возвращения, связанную с королевскими похоронами. Логика поведения исторических лиц тут изоморфна логике нарратива; но как раз это не позволяет нам сказать, существует ли логика поведения, отдельная от логики повествования, не является ли одно всего лишь эффектом, истолкованием другого. Не возникает ли мотив оставления из логики много раз повторенного устного рассказа?²¹

Рассмотрим еще одни похороны – рассказ Ордерика о смерти короля Генриха I – 1 декабря 1035 г.²² Главное, что отличает рассказ – это его особая внутренняя темпоральность: статичность, упорядоченность временной длительности. Тут никто не начинает бегать и суетиться, как в 1087 и 1100 гг.: те пять графов (Роберт Глочестерский, Гийом де Варенн, Ротру де Мортань, Валеран де Мёлан и Роберт Лестерский), что были при короле в момент его смерти, остаются при нем. Вместе с архиепископом руанским Гуго и епископом Эвре Одуэном они решают не оставлять короля, пока не похоронят его достойно. В торжественной процессии, в которой якобы участвовало до 20 000 человек, короля доставляют в Руан: мужчины и женщины «*sunctis ordinibus*» оплакивают его в соборе Богоматери, затем тело переносится в покои архиепископа, где его подвергают бальзамированию, внутренности затем хоронятся в церкви Нотр-Дам дю Пре в Эмендревиле, а забальзамированное тело через Понт-Одемер, Бонневиль и Кан достигает моря, где некоторое время ждут хорошей погоды. После Рождества тело было переправлено в Англию и захоронено в Рэдинге 4 января. Все по порядку, все продумано, ничто не предоставляется случайности, никакой спешки, подчеркнутая торжественность, всеобщность скорби.

Однако сразу за этим Ордерик пишет, что едва по стране распространилась весть о смерти короля, этого воплощения закона, многие люди решили, что теперь все дозволено, и страна погрузилась в разбой и грабежи. Дезавуирует ли это сообщение предыдущий рассказ? Проходило ли всеобщее оплакивание короля Генриха в обстановке столь же всеобщих беспорядков и грабежей? И не были ли церковные процессии, как и в 1087 г., лишь попыткой внести хоть какой-то порядок в создавшийся хаос? О 1087 г. Ордерик пишет, что люди ходили по улицам и действовали словно пьяные; в 1135 г. он использует мотив оборотничества, говоря о рыскающих голодных стаях волков.

Можно ли это рассматривать как подтверждение ритуала грабежей, пусть даже не касающихся самого тела? Возможно²³. Но примечательно, что рассказ о кончине Генриха тут удваивается. За прозаическим его описанием следует поэтическое: поэма, составленная Ордериком непосредственно

в декабре 1135 г., и теперь им самим цитируемая. Хотя в поэме тоже говорится о начавшихся беспорядках²⁴, и это кажется свидетельством из «гуши событий»²⁵, одновременно поэтический текст ставит все это описание событий под сомнение. Кровавые и жадные до чужого добра разбойники, поднимающие голову в момент смерти справедливого государя, ни во что не ставящие даже римское право²⁶, выглядят довольно абстрактной и условной риторической формулой: справедливость правления государя подчеркивается антитетическим противопоставлением ситуации, наступившей после его смерти. Будь у нас одна эта поэма, мы сочли бы пассаж о разбойниках за литературный изыск. Прозаический текст, наоборот, действует на нас реалистично, но это не отменяет того, что по сути он является пересказом поэтического, вторичен по отношению к нему²⁷.

Поэма ставила своей целью восславить почившего государя, создать государю памятник, достойный его своим художественным мастерством, умением в использовании поэтического искусства, а не оставить свидетельство о моменте похорон. Сообщение о разгуде грабежей стоит в том же ряду, что и сообщение о предшествующем процветании многих народов под властью «непобедимого скипетродержца»²⁸. Очевидно, в обоих случаях Ордерик несколько преувеличивает.

Поэма завершается просьбой к богу о даровании нового достойного государя, и уже после этого Ордерик сообщает, что Стефан Блуасский, едва получив новость о смерти Генриха, помчался к побережью, переправился в Англию и был встречен там Уильямом, архиепископом Кентерберийским²⁹. Эта суета в борьбе за корону, попытка оказаться на месте раньше других, повествовательно, однако, уже не связаны с похоронами Генриха.

Таким образом, мы имеем риторическую конструкцию, которая в какой-то мере объясняет появление в тексте мотива о грабежах; мы также имеем модель текста, где грабежи могут быть отделены от рассказа о похоронах, как могут соединяться и разъединяться и другие части этих повествований, производя различный эффект реальности. Но если эти элементы рассказов соединились так, как это произошло применительно к событиям 1087 г., то почему это произошло именно так?

Вернемся еще ненадолго к телу короля Генриха. Король только что скончался, и архиепископ Гуго побуждает графов принести клятву, что они не оставят тело и позаботятся о нем. Издатель текста Марджери Чибнелл правильно улавливает подтекст и комментирует этом место: не оставят тело, как это случилось с Вильгельмом Завоевателем³⁰. Да, но откуда они все знают, что случилось с Вильгельмом Завоевателем? Читал ли архиепископ Гуго рукопись Ордерика? Мы этого не знаем, но знакомства архиепископа с «Церковной историей» (спорной даже внутри

монастыря) вряд ли было бы достаточно, чтобы ее сведения имели обязывающее воздействие на графов. Скорее, история об оставлении тела была уже и так хорошо всем известна, и именно потому к ней можно было апеллировать. Но спустя 50 лет это уже не могло быть живой памятью о событии, это могла быть только память институционализируемая, память, специально создаваемая и поддерживаемая в среде людей.

На наш взгляд, эта история после 1100 г. стала одним из основных пропагандистских мифов эпохи Генриха I: она рассказывалась не как история о смерти короля Вильгельма, а как одна из историй о злодеяниях Роберта графа Беллемского, Гильома графа Эврё, Гильома графа Бретейского, Рауля графа Коншского – людей, приближенных к Вильгельму Завоевателю, которые сами или их наследники в 1100 г. противились приходу к власти Генриха и на которых, как уже говорилось, после 1100 г. была возложена вся ответственность за внутренние раздоры 90-х. Пропагандистски о них распускались страшные истории – и то, что они оставили своего мертвого короля лежащим на полу и раздетым, было не самым большим из злодеяний, но и не то, чтобы незначительным.

Неудивительно поэтому, что первое, о чем думают у тела Генриха пять графов, два епископа и прочие присутствующие, – мы не поступим так, как они. Дело даже не в реальной надобности или ненадобности убежать, от которой отказываются: по сути, эта старая история не оставляла им выбора, они бы идентифицировали себя с жалкими остатками беллемской партии. То есть клятва остаться потому была действенной, что была фиктивной, никто и не собирался бежать, а отсылка к истории о 1087 г. лишь акцентировала семантику собственного поведения, спокойной продуманности и достоинства действий, легитимирующей власть именно этих графов, а не тех, что бежали ко французскому королю, во Фландрию или Калябрию.

Хотя в общем можно сказать, что пять графов на самом деле занимались тем же, что и их предшественники в 1087 г., только теперь узурпация в свою пользу части королевской идеологии, обретение символического капитала, были более выгодны и уместны, чем грубый захват королевских замков за 50 лет до этого.

Понятно, что эта сцена обещания такая же реконструкция Ордерика, как и все остальные, хотя он в принципе и мог иметь сведения о ней из первых рук от присутствовавших там клириков. Это не важно: главное, что рассказ заведомо предполагает известность всем этой истории как позорящего примера, который исключает для присутствующих у гроба определенные формы поведения. Эта известность является условием самого рассказа.

Другой интересный вопрос, который уводит нас, наконец, от тела Генриха – где взяла генриханская пропаганда рассказ о разграблении тела

Вильгельма Завоевателя? Здесь снова надо обратить внимание на неоднородность рассказа.

В нем есть апологетическая часть, где король прощается с миром и умирает точно в назначенный ему час.

Есть страдальческая часть, где мертвый король претерпевает унижение, которая, судя по всему, существовала в качестве экземпляра в проповеди, потому что содержит необычное по форме для Ордерика обращение к читателю: «Cernite prescor omnes, qualis est mundana fides»³¹. Разделение мертвого тела двусмысленно: в церковной традиции оно может рассматриваться по аналогии с надругательствами над нагим Христом, и, видимо, такова версия Ордерика или той проповеди, которую он цитирует: беззаконие, говорит он, обратилось на самого судью, оказался унижен защитник унижаемых. Но содержание этого образа в сознании людей того времени христологическими метафорами не исчерпывается. Вполне вероятно, что проповедник не сам придумал этот политически опасный экземпляр о надругательстве над королем, история попала в проповедь откуда-то еще и, видимо, циркулировала помимо конкретной проповеди и церковных кругов. В светской же воинской традиции лежать без одежды мог только побежденный, и лежать бесславно³². Этот поучительный рассказ мог иметь в своей основе рассказ хулительный, в котором победитель-Вильгельм к концу жизни оказывался-таки побежденным.

Наконец, в рассказе о смерти короля можно выделить, как мне кажется, уже однозначно хулительную часть, где рассказывается, как каменщики ошиблись, тело не влезало в саркофаг, как его стали туда запихивать, оно лопнуло и извергло такую вонь, что священники поспешили закончить церемонию побыстрее и разойтись по домам. Быстро разлагаются и воняют в средневековых текстах обычно тела еретиков, тиранов и прочих неправедно живших людей.

Вероятно, вообще неправильно говорить в связи с событиями 1087 г. о «рассказе» в единственном числе, скорее, это довольно конфликтная компиляция нескольких сюжетов разного происхождения, сильно различающихся по своей интенции, которая к тому же менялась во времени. Откуда взялась апологетическая версия – не так загадочно здесь, как то, откуда взялась посрамляющая короля история – история, посрамляющая отца правящего государя. При этом посрамление именно Вильгельма абсолютно не было нужно беллемской партии, ровно наоборот, они апеллировали к тому, что Вильгельм-то был к ним милостив. Ордериковская версия истории для 30-х гг., как кажется, не могла устраивать никого, и в качестве выражения позиции монастыря выглядит политическим безумием. В «Церковной истории» есть рассказ о казни Генрихом I в 1124 г. рыцаря Люка де ля Барра, которого лишили глаз за то, что он распевал о короле хулительные песни³³.

Ордерика могла бы ожидать та же участь, если бы эта история, как мы уже видели, не была официально принятой при самом королевском дворе: пропагандистски используемой двором для борьбы с магнатами при жизни короля и для обоснования нового властного порядка в момент его смерти. История Ордерика интересна тем, что, возможно, позволяет нам заглянуть в механизм рекрутирования пропагандистских рассказов во времена Генриха I и увидеть его историческую специфику, как и культурную специфику эпохи Генриха I в целом.

Надо сказать, что история Ордерика Виталия вообще известна своими хулительными рассказами о короле, которые перемежаются со вполне апологетическими, в духе «Деяний нормандских герцогов» более ранних авторов. Память о Вильгельме Завоевателе в Нормандии никогда не была однозначной, но нормандские рассказы в истории Ордерика Виталия, тем не менее никогда не делают самого герцога и потом короля ответственным за несправедливости. Находившиеся в опале представители знати потом часто возвращали себе милость герцога или же рассчитывали ее вернуть, и потому в их интересах было порочить не самого правителя, а своих соперников при его дворе, оставляя себе возможность примирения³⁴.

Этой потенциальной обратимостью нормандские рассказы отличаются от английских – от рассказов, повествующих о злодеяниях короля в Англии: например, вероломные или неоправданно жестокие расправы с английской знатью. В истории Ордерика Виталия, англичанина по происхождению и всегда акцентировавшего свою английскость (его текст – это еще неоткрытый объект для постколониальных исследований), постоянно прорываются проанглийские версии истории, которые Ордерик мог и слышать в детстве, и узнать во время своих поездок в Англию в зрелом возрасте³⁵. Английские по сюжету рассказы более однозначны в представлении врагом самого короля. Это позволяет сделать предположение, что хулительные элементы истории могли иметь именно английское происхождение. Примечательно, что такого рода рассказы складываются именно о первых двух Вильгельмах, крайне нелюбимых в Англии.

Король Генрих, напротив, как уже говорилось, известен своей примирительной политикой по отношению к англичанам. Трудно сказать, насколько больше они его за это любили, но король, во всяком случае иногда, как бы принимал их точку зрения, присвоил антинормандскую идеологию для борьбы с нормандскими магнатами, и в контексте этого утилизируемой могла оказаться и английская история, позорящая его собственного отца – как раз благодаря содержащейся в ней двусмысленности, связанной с христианской и светской трактовками. И кроме того, повторю, в определенном контексте эта история может быть прочитана не как рассказ о короле, а как рассказ

о его ближайших сподвижниках в завоевании Англии.

Возможно, в полемике с такими рассказами и возникло в конце 1090-х гг. официальное повествование «De obitu Willelmi». Той же цели должна была служить серебряная позолоченная арка работы немецкого мастера Оттона, которая как бы сближала почившего со святыми, а не со зловонными грешниками.

Известно, что хулительные рассказы существовали в Северной Европе как особый жанр, в котором большее значение имел не принцип правдоподобия, а способность как можно дальше от него уйти, создать совершенно невероятный образ. Возможно, то, что Е.А. Гуревич и И.Г. Матюшина писали о хулительной брани в скандинавских обществах XI в., применимо и к англо-нормандской культуре того же времени: «Наиболее характерная черта перебранок состоит в том, что оспаривается не истинность “предварительного инцидента”, а только его интерпретация. Тем самым снимается вопрос, преимущественно обсуждавшийся в исследованиях этого жанра, о том, заключена ли во взаимобвинениях оппонентов доля истины. Вне зависимости от того, как он решается, т.е. признаются ли справедливыми взаимные оскорбления (сцена перебранки тогда рассматривается как источник сведений о предыстории сюжета и его основное событийное ядро) или, напротив, вся сцена трактуется как не имеющее отношения к действительности развлекательное отступление, дающее представление об особенностях германского этикета, торжествует в перебранке не истина, а искусство вербальной хулы и похвалы. Победа в споре зависит от того, насколько удачно одному из оппонентов удастся создать наихудшую из возможных версий определенных событий (хула) и наилучшую из возможных интерпретаций тех же событий»³⁶.

Это возвращает нас к вопросу о соотношении интерпретаций и реальности происшедшего в 1087 г.: какой бы по происхождению ни была версия рассказа, можно ли все-таки увидеть за ним какую-то твердую реальность? Постмодернистская культура отпугивает нас от таких откровенно позитивистских вопросов, и тем не менее: тут есть одно косвенное указание и одно довольно прямое.

Косвенным указанием может служить небольшое поэтическое сочинение Фомы из Байе, архиепископа Йоркского (1070–1100), написанное вскоре после смерти короля, в котором обыгрывается величие государя и невеликость его могилы — обыгрывается в смысле несоотнесенности великих деяний человека и его телесных останков³⁷. Если бы история о лопнувшем теле была правдой или хотя бы была известна вскоре после похорон, сочинение Томаса Йоркского звучало бы издевкой, и вряд ли именно его нанесли бы золотыми буквами на ту арку, что была возведена над могилой некоторое время спустя после похорон. Не послужило

ли само это сочинение или память о нем уже после разбора арки (переплавленной из-за денежных трудностей в 90-е же годы) основанием для рассказа о неподобающе малом саркофаге?

Гораздо более непосредственным указанием на обстоятельства похорон Вильгельма Завоевателя является сам саркофаг короля в церкви аббатства Св. Стефана. Почему бы не вскрыть его и не посмотреть, действительно ли король едва поместился туда и запихан кое-как?

На самом деле, такое простое решение вопроса об обстоятельствах похорон Вильгельма Завоевателя осенило историков еще на заре нашей профессии: уже в 20-е гг. XVI в. могилу отворили и нашли останки, располагающиеся в полном порядке. Тело вообще хорошо сохранилось, поскольку было забальзамировано: если бы ему и случилось лопнуть во время похорон, запах сообщил бы всем отнюдь не о греховности почившего³⁸.

Затем могила была снова закрыта, и с тех пор эти безынтересные останки исчезли из поля зрения большинства историков, пишущих о Вильгельме Завоевателе³⁹. Из непосредственно доступного прошлого историю не сделаешь.

Примечания

- 1 См.: The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. M. Chibnall. Vol. 4. Oxford, 1973. P. 78–108. (Далее — O.V., IV, 78–108.)
- 2 Эта речь, в частности, содержит знаменитое распоряжение о разделе наследства между тремя сыновьями короля, которое Ж. Дюмезиль в свое время в «Мифе и эпосе» анализировал как пример характерной для индоевропейской мифологии трехфункциональности (государь воплощает в себе правосудие, воинскую силу и изобилие): так, Роберт описывается в «Речи Вильгельма» как храбрый воин и получает герцогство Нормандию, Вильгельм воплощает справедливость и получает королевство Англию, Генрих же получает наследство деньгами и с ним связывается будущее благополучие королевского рода. Наблюдения Дюмезиля в этом случае важны потому, что подчеркивают сказочный характер повествования, заставляют обратить внимание на то, каким образом реальный раздел власти после смерти короля воспринимался людьми того времени и приобретал фикциональные черты. Не менее важно, однако, и то, что предрекая Генриху владение долями обоих старших братьев и достижение даже большего, «Речь Вильгельма» очевидно является элементом политической «пропаганды» 1100–1135 гг., которая, по-видимому, реутилизировала различные ходившие до этого среди людей рассказы. Пропагандистское реутилизирование рассказов будет главным вопросом в этой статье.
- 3 O.V., IV, 100. Согласно Ф. Арьесу, знание часа собственной смерти — один из основных признаков «хорошей смерти».
- 4 Рассказ интерполирован в «Деяния нормандских герцогов» Гильома Жюмьежского: William of Jumieges.

- The Gesta Normannorum Ducum / Ed. E.M.C. van Houts. Vol. 2. Oxford, 1995. P. 184–190.
- 5 Э. ван Хоутс справедливо указывает на параллели между «De obitu» и «Жизнью императора Людовика» т.н. Астронома, а также «Жизнью Карла Великого» Эйнхарда. По большей части текст дословно воспроизводит обстоятельства смерти императора Людовика Благочестивого, но во многих местах он перерабатывает образец, и как раз эти переработки выдают желание автора приспособить историю для легитимации королевской власти Вильгельма II – того обстоятельства, что корона не перешла к старшему сыну Роберту. Включение в рассказ фальшивых врачей-свидетелей смерти короля, имена которых взяты из грамоты 1097 г., позволяет Э. ван Хоутс датировать «De obitu» временем между составлением этой грамоты и гибелью короля Вильгельма, то есть 1097–1100 годами. William of Jumieges. The Gesta Normannorum Ducum / Ed. E.M.C. van Houts. Vol. 1. Oxford, 1992.
  - 6 См.: Elze R. Sic transit gloria mundi. Zum Tode des Papstes im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 34. 1978. S. 1–18.
  - 7 См.: Ritual Pillages: A Preface to Research in Progress: The Bologna Seminar Coordinated by Carlo Ginzburg // Microhistory and the Lost Peoples of Europe / Ed. E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore, L., 1991. P. 20–41; Paravicini-Bagliani A. The Pope's Body. Chicago, 2000; Gardner J. The Tomb and the Tiara: Curial Tomb Sculpture in Rome and Avignon in the Later Middle Age. Oxford, 1992; Bertelli S. Il Corpo del re. Sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna. Firenze, 1995; Бойцов М.А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. М., 2002. С. 163–164.
  - 8 См.: Барлоу Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии. СПб., 2007; Douglas D.C. William the Conqueror. L., 1964.
  - 9 Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 90. Надо отметить, тем не менее, что Ордерик настаивает на исследовательском характере своей работы, он старательно выяснял обстоятельства смерти короля: «Ecce subtiliter inuestigauī, et ueraciter enucleauī quae in lapsu ducis pie ostendit dispositio Dei.» O.V., IV, 106.
  - 10 См.: O.V., IV, 102.
  - 11 См.: Chibnall M. The World of Orderic Vitalis. Oxford, 1984. P. 3–17.
  - 12 «Decennis itaque Britannicum mare transfretauī, exul in Normanniam ueni, cunctis ignotus neminem cognouī. Linguam ut Ioseph in Ægipto quam non noueram audiui.» O.V., VI, 554.
  - 13 Никто из исследователей удивительным образом не видит связи между событиями 1113 г. и началом написания истории тогда же, и ищут причины составления этого текста в общих представлениях об интересе к истории в Средневековье. Тем самым упускается важное измерение текста Ордерика, с этим связано множество проблем в его прочтении современными историками. Обоснование даты начала работы Ордерика Виталия над текстом приводит М. Чибнэлл во введении ко вто-
  - рому тому оксфордского издания «Церковной истории» – из косвенных данных, содержащихся в первой книге (которая в 30-е гг. в общем плане превратилась в третью – и это ее последующее вытеснение из начала также примечательно), следует, что работа над текстом уже велась в 1114–1115 гг. Таким образом, начало работы можно отнести к 1113–1114 гг.
  - 14 Подробнее об этих обстоятельствах написания «Церковной истории» см.: Савицкий Е.Е. Почему пишется история? Отрицание прошлого в «Церковной истории» Ордерика Виталия // Homo historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Под ред. А.О. Чубарьяна. Кн. 1. М., 2003. С. 416–437.
  - 15 Отношения Вильгельма Завоевателя с графами были скорее союзнические, как это исторически сложилось в Нормандии к середине XI в. (см.: Searle E. Predatory Kinship: The Creation of Norman Power, 840–1066. Berkeley; Los Angeles; L., 1988.); Генрих же занимался тем, что возвышал людей невысокого происхождения, которые были обязаны своим статусом службе королю и почитали за честь «есть хлеб короля». Ср.: O.V., VI, 16–18, 350.
  - 16 См.: Савицкий Е.Е. Указ. соч.
  - 17 Иронически выворачивая высокомерное нормандское отношение к англичанам, Ордерик описывает себя как варвара, явившегося от самых дальних границ Мерсии, которому теперь предстоит написать норманнам их же историю: «Tandem ego de extremis Merciorum finibus decennis Angligena huc aduectus, barbarusque et ignotus aduena callentibus indigenis admixtus, inspirante Deo Normannorum gesta et euentus Normannis promere scripto sum conatus.» O.V., III, 6.
  - 18 «Conticescat obsecro et quiescant qui nec sua edunt, nec aliena benigne suscipiunt, nec si quid eis displicet pacifice corrigunt.» O.V., III, 212–214.
  - 19 См.: O.V., V., 288–292.
  - 20 См.: Freeman E.A. The Reign of William Rufus. Vol. 2. Oxford, 1882. P. 678–680.
  - 21 Почти единодушное неприятие исследователями средневековой историографии работ Хейдена Уайта и вообще всякого «постмодернизма» ведет, на мой взгляд, к исключению важных исследовательских гипотез, и пример Ордерика Виталия лишний раз это доказывает. О якобы непригодности исследований Х. Уайта повествуют, например, труды историков в сборнике: Von Fakten und Fiktionen: Mittelalterliche Geschichtsdarstellungen und ihre kritische Aufarbeitung / Hg. J. Laudage. Köln; Wien, 2003. См. также уже цитированную статью А.Я. Гуревича, где об Ордерике Виталии говорится как раз в контексте полемики с Уайтом и Лакапрой.
  - 22 См.: O.V., VI, 448–450.
  - 23 Именно этого мнения придерживаются С. Бертелли и М.А. Бойцов. См.: Бойцов М.А. Указ. соч. С. 166.
  - 24 «... / Occidit Henricus rex prima luce Decembris, / Lugubria incumbit patriae contritio membris. / Tollere quisque cupit iam passim res alienas, / Rebus in iniustis en quisque relaxat habenas/...» O.V., VI, 452.
  - 25 Эффект присутствия создается восклицанием «Вот!»: «... / Ecce gehennales furiae mortalibus instant, / Arma

- parant, ad bella uocant, et spicula donant. / Normannis furtis institunt atque rapinis, /...» O.V., VI, 452.
- ²⁶ «Femina clara gemit rabie spoliata latronum, / Tegmina ius non seruat ei generale Quiritum.» Ibid.
- ²⁷ «Общепринятыми аксиомами в теории литературы считаются утверждения, что обычная речь людей и речь художественной прозы – одно и то же и, вследствие этого, что проза по отношению к поэзии – явление первичное, предшествующее. Выдающийся знаток теории стиха Б.В. Томашевский, подытоживая свои многолетние разыскания в этой области, писал: «Предпосылкой суждений о языке является аксиома о том, что естественная форма организованной человеческой речи есть проза». Стиховая речь мыслится как нечто вторичное, более сложное по структуре. [...] Мы стараемся показать, что на типологической лестнице от простоты к сложности расположение жанров иное: разговорная речь – песня (текст + мотив) – «классическая поэзия» – художественная проза». *Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 35–36.*
- ²⁸ «Sceptri ger inuictus, sapiens dux, inclitus heros / Qui fouit populos iusto moderamine multos / Proh dolor occubuit, dolor hinc oritur generalis /...» O.V., VI, 450.
- ²⁹ См.: O.V., VI, 454.
- ³⁰ См.: O.V., VI, 449 п. 5.
- ³¹ O.V., IV, 102. О схожести рассказа с экземпляра писал в цитированном отрывке А.Я. Гуревич, специально занимавшийся изучением такого рода историй. Представляется, однако, что его выводы верны лишь применительно к части рассказа и лишь в один из промежуточных этапов его бытования.
- ³² Как, например, погибшие английские воины на ковре из Байе, с которых еще до окончания боя слуги начинают стаскивать одежду; или упоминаемый Ордериком рыцарь Гийом Ловель, бегущий в 1124 г., после сражения при Ружмонте, с поля боя без доспехов, сбрывающий себе волосы, чтобы выглядеть оруженосцем, и отдающий сапоги лодочнику, дабы тот переправил его на другой берег Сены. (O.V., VI, 352.)
- ³³ «...Lucam quoque de Barra pro derisoriiis cantionibus et temerariis nisibus orbari luminibus imperavit.» O.V., VI, 352. Шарль, граф Фландрский, гостивший в это время при дворе Генриха в Руане, пытался вступить за де ла Барра, ведь плененных рыцарей не принято казнить, но безуспешно: король ответил, что он в своем праве.
- ³⁴ Хорошим примером тут может быть история рода Грандменилей, которые были в разное время патронами монастыря св. Эбрульфы, где Ордерик писал свою историю. Они сначала были изгнаны из Нормандии, вернулись накануне завоевания Англии и участвовали в нем, а затем снова были лишены владений, но только в Англии.
- ³⁵ В этом они схожи с французской королевской историографией, которую Ордерик, однако, не цитирует: либо он ее не знал, либо, что скорее, учитывая разносторонность его интересов, сознательно ее игнорировал, в отличие от английской традиции памяти. Ордерик мог бы точно так же игнорировать и английские рассказы, но примечательно, что этого он не делает. Известно, что антинормандские тексты разного рода в большом количестве составлялись в Англии, и, видимо, в устной форме разных историй ходило еще больше, но Ордерик жил в нормандском монастыре, основанном теми, кто участвовал в завоевании, и одной из задач монастыря было сохранение доброй памяти об этих людях. Более того, как показывает ковер из Байе, а также «История Вильгельма Завоевателя» Гильома из Пуатье и «Деяния нормандских герцогов» Гильома Жюмьежского, нормандцы без стеснения похвалялись победой над англичанами. Текст Ордерика свидетельствует о том, что при Генрихе изменились критерии приемлемого в отношении исторической памяти. Выше уже говорилось о том, как Ордерик иронически обыгрывает ситуацию, когда ему, англичанину, пришлось писать «нормандцам историю деяний нормандцев» – это при том, что Ордерик с самого начала избрал для своей работы английское, «бедианское», название «Церковная история», отказавшись от модели «Деяний», с которой ему пришлось иметь дело, перерабатывая «Деяния» Гильома Жюмьежского.
- ³⁶ *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 464–465.*
- ³⁷ «... / Rex magnus parua iacet hac Guillelmus in urna / Sufficit et magno parua domus domino. /...» O.V., IV, 110.
- ³⁸ См.: *Boüard M. de. Guillaume le Conquerant. Paris, 1984. P. 439.*
- ³⁹ Исключение составляет Мишель де Буар, который на этом основании отказывает в каком-либо правдоподобии рассказу Ордерика, «непонятно из каких источников взятому». Франсуа Невё, хотя и упоминает о результатах эксгумации, но лишь мельком, изложив в основном версию Ордерика, поскольку, строго говоря, эксгумация опровергает лишь историю с лопнувшим телом, но не с предшествующим разграблением. Так как и сам Ордерик упоминает о приглашении мастеров по бальзамированию рыцарем Херлуином перед перевозкой тела из Руана в Кан, полное недоверие к Ордерика со стороны де Буара Невё считает неоправданным. См.: *Boüard M. de. Op. cit.; Neveux F. La Normandie des ducs aux rois, X–XII siècle. Rennes, 1998. P. 439.*

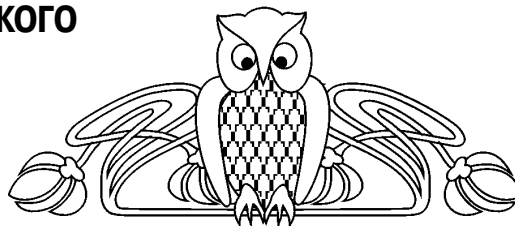

УДК 94(410) 82/89

PERSECUTOR ECCLESIAE: ЕВРОПЕЙСКИЕ «ТИРАНЫ» XII ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИОАННА СОЛСБЕРИЙСКОГО

А.К. Гладков

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени
E-mail: alextata@yandex.ru

Статья посвящена анализу произведений английского дипломата, интеллектуала и писателя XII в. Иоанна Солсберийского, которому принадлежит видное место в истории средневековой политической мысли. На основе произведений Иоанна исследуются его взгляды на проблему происхождения и функций власти. Автор статьи выясняет, кого из государей и почему Иоанн Солсберийский считал тираном.

Ключевые слова: средневековая политическая мысль, взгляды на тираническую власть, Иоанн Солсберийский, идея «неминуемого воздаяния», государь и церковная политика, народное сопротивление, человеческий и божественный закон.

Persecution Ecclesiae: European «Tyrants» of the XII Century in the Works of John of Salisbury

A.K. Gladkov

The article analyses the works of John of Salisbury, a well-educated person, an English diplomat and a writer, who appertains to the outstanding personalities in the history of the medieval political conceptions. Having examined the works of Joann, the author studies his ideas of the royal power origin and functions. The author found out the names of people who John of Salisbury considered to be tyrants and the reasons for that.

Ключевые слова: medieval political conceptions, idea of tyrannical power, John of Salisbury, the idea of the «eminent recompense (retribution)», the sovereign and the church policy, popular resistance, human and God's law.

В истории средневековой политической мысли видное место принадлежит английскому дипломату, интеллектуалу и писателю XII в. Иоанну Солсберийскому (1115/1120–1180)¹. Завершив в 1159 г. трактат «Поликратик, или О забавках света и заветах философов» («*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*»), схоласт задолго до появления латинского перевода «Политики» Аристотеля, сделанного в 1260 г. Уильямом из Мербеке², высказал идеи, сходные с суждениями Стагирита³. Во многом именно благодаря проделанной Иоанном работе Фома Аквинский («*De regimine principum*»), Эгидий Римский («*De regimine principum*», «*De potestate ecclesiastica*») и другие интеллектуалы XIII–XIV вв. смогли, опираясь на сочинения Аристотеля, создать свои знаменитые политические трактаты. В этой связи чрезвычайно важно понять неповторимость взглядов Иоанна на проблему происхождения и функций власти. Возникает необходимость в при-

влечении материалов не только «Поликратика», но и всех сохранившихся произведений схоласта.

Иоанн Солсберийский известен медиевистам, прежде всего, как автор первой на латинском Западе фундаментальной, хотя и не лишенной некоторых противоречий⁴, «теории тираноубийства», в которой отстаивается мысль о долге каждого христианина свергнуть несправедливую власть. Теория основывалась как на толковании отдельных мест Священного Писания, так и на многочисленных «примерах» («*exempla*») из античной и ветхозаветной истории, доказывающих тезис схоласта о том, что тираническую власть, лишенную добродетели и погрязшую в грехах, ожидает жалкий конец («*Omnium tirannorum finem esse miseriam*»). Идею «неминуемого воздаяния» государю за его преступления, хорошо знакомую по сочинению раннехристианского писателя III–IV вв. н.э. Лактанция «О смерти гонителей» («*De mortibus persecutorum*»)⁵, Иоанн развил в целую этическое систему, в основе которой лежит объяснение таких понятий, как «справедливость» (*justitia, aequitas*), «закон» (*lex*), «право» (*jus*) и, особенно, «свобода» (*libertas*). Интерпретируя учение Иоанна о тирании, исследователи нередко упускают из вида тот факт, что в позднейших работах схоласта – письмах и трактате «Церковная история» («*Historia Pontificalis*», 1164) заложен ключ к пониманию его политических взглядов. В данной работе на основании анализа произведений Иоанна Солсберийского мы выясним, кого из государей XII в. схоласт считал тираном и почему. Обращение к материалам современной Иоанну политической истории поможет, таким образом, раскрыть характер его тираноборческих рассуждений.

Государь, отвергнувший закон⁶ и поступившийся правами своих подданных, покусившийся на свободу церкви⁷ и, следовательно, ставший врагом Господа (*hostis Dei*), обречен на наказание. Возмездие непременно последует либо от самого Бога, либо от людей, исполняющих Его волю. Подтверждение этим словам схоласта можно найти в его эпистолах, написанных во Франции в доме давнего друга, аббата монастыря св. Ремигия в Реймсе Петра из Целлы, а также в незавершенном сочинении «Церковная история». Письма Иоанна проливают свет на политику германского императора Фридриха I Барбароссы в Италии, а «Цер-

ковная история» является важным источником по истории церковно-государственных отношений в Западной Европе XII века.

Лишь однажды Иоанн назвал в «Поликратике» Рожера II по имени⁸. Между тем в этом же сочинении схоласт упоминает о некоем “*tyrannus Siciliae*”. Есть все основания предполагать, что под «сицилийским тираном» Иоанн подразумевал именно Рожера. В пользу такого толкования существует ряд аргументов. В “*Historia Pontificalis*” мыслитель подробно изложил суть конфликта между римской курией и королем Рожером II. Всеми силами государь стремился «изолировать» сицилийскую церковь от Св. Престола. Иоанн прямо говорит о том, что, лишая ее необходимой свободы, Рожер действует «по обыкновению других тиранов» (“*alioquum more tirannorum*”)⁹. Итак, подчеркивает мыслитель, церковь при Рожере II оказалась в «рабском» состоянии. С изданием в 1140 г. «Ассиз Ариано» королевская власть юридически закрепила подчиненное положение церкви. В этом выдающемся памятнике сицилийского законодательства XII в. провозглашалась идея о том, что король – верховный сюзерен и защитник церкви. Являясь ее покровителем, государь фактически получил возможность руководить внутренней жизнью церкви. Вслед за Рожером I¹⁰, король назначал клириков на должности в обход канонического права. В «Ассизах», как справедливо отметил Г. Берман, «нет упоминания о какой-либо церковной независимости от короны или о каком-либо подчинении духовенства папской власти»¹¹.

Возможно, Иоанн был знаком с «Ассизами Ариано» и, основываясь на тексте самого закона или его переложениях, представил Рожера II тираном, который, по его мнению, не только вторгся во внутренние дела церкви, но и препятствовал ее общению с Римом. Однако и до Иоанна многие современники считали сицилийского государя узурпатором. Бернард Клервосский неоднократно называл Рожера II тираном¹² – врагом церкви и преследователем христиан. Слова аббата, вероятно, также повлияли на взгляды Иоанна Солсберийского, в течение 1157 г. получившего в свое распоряжение сборник его писем¹³. Необходимо отметить, что политика Рожера II по отношению к церкви очень точно вписывается в образ и манеру поведения тирана, воссозданных Иоанном на страницах «Поликратика». В позднейшей его работе – «Церковной истории» – хорошо видны причины, почему схоласт отрицательно оценивал личность и политику Рожера. Сицилийский король нарушил важнейший принцип правления праведного государя – соблюдения исконных прав, свобод и привилегий церкви.

При чтении отдельных эпизодов «Церковной истории», касающихся времени Рожера II, возникает естественная аналогия между церковной политикой сицилийского и английского королей. В. Уллмэнн обратил внимание на определенное

сходство в содержании «Ассиз Ариано» и «Кларендонских постановлений»¹⁴. Оба документа были призваны укрепить королевскую власть в стране. Однако одним из путей к достижению данной цели и Рожер II, и Генрих II Плантагенет видели в лишении местной церкви самостоятельности и многочисленных пребенд. Фактически, именно это обстоятельство побудило Иоанна считать двух государей тиранами.

В письмах схоласта встречаются частые упоминания о Фридрихе I Барбароссе (1152–1190)¹⁵, которого Иоанн именуется «германским тираном» (“*teutonicus tyrannus*”)¹⁶. Мыслитель видел в императоре главного виновника церковной схизмы, разрывавшей единство католического мира и вносившей, по его мнению, смуту в души и сердца паствы. Сразу после смерти Адриана IV, Фридрих I, воспользовавшись политической ситуацией в Риме и назревшими противоречиями между иерархами церкви, решил повлиять на поставление нового понтифика. Значительная часть кардиналов отстаивала кандидатуру Роландо Бандинелли, ставшего в 1159 г. папой Александром III¹⁷, а сторонники Фридриха I избрали папой кардинала Монтичелло, нареченного Виктором IV. Таким образом, Фридрих не только ослабил влияние Рима на международную политику, но и подчинил его главу своей воле. Антипапа Виктор IV был марионеткой в руках императора. Папа Александр III, поддержанный большинством духовенства, напротив, явился достойным соперником Фридриху. Завоевав Северную и Центральную Италию, Фридрих вынудил Александра III бежать из Рима во Францию, а в Вечном городе воцарился Виктор IV.

Находясь в период с 1163 по 1170 г. в изгнании во Франции, Иоанн не переставал следить за развитием противостояния между императором и папой. Как верно заметил Т. Рейтер, Иоанн располагал достаточно точными источниками, позволявшими ему быть в курсе дела¹⁸. Основное содержание писем мыслителя этой поры свидетельствует о том, что Иоанн полностью поддерживал понтифика в его борьбе за свободу, единство и независимость церкви¹⁹. Когда в 1167 г. папа Александр III, не дождавшись со стороны Фридриха I раскаяния, отлучил его от церкви и снял с жителей Италии обязательства в соблюдении вассальной клятвы верности, тогда против императора сразу же поднялся мятеж²⁰. Сторонники понтифика не только изгнали схизматиков из Милана, но и восстановили «законных» католических епископов²¹. Отлученный от церкви, потерявший тем самым благодать Божью, Фридрих I утратил статус легитимного императора и стал тираном²². Оскорбив папу и духовенство, он навлек на себя наказание Всевышнего. В 1167 г. часть североитальянских городов, включая Кремону, а затем и Милан, создала Ломбардскую лигу²³. Новая сила, состоящая главным образом из народного ополчения, была поддержана Александром III. Иоанн же увидел в

союзе городов орудие Божьей кары. Войска императора постоянно подвергались нападению, дело дошло даже до того, что он был вынужден спешно покинуть Италию. За Фридрихом устремились в погоню 20 тысяч ломбардских рыцарей²⁴. В итоге жалкое бегство гордого императора явилось, по мнению Иоанна, свидетельством славы Божьей и утешением церкви²⁵.

Пожелав заключить мир, Фридрих I начал искать пути нахождения компромисса с папой²⁶. Однако, убежден Иоанн, не может быть «гражданского мира там, где нет мира церковного»²⁷. Мыслитель прекрасно понимал, что одной из важнейших задач народного сопротивления власти императора является избавление католической церкви от раскола. Большие надежды Иоанн возлагал на ломбардцев, которые должны были не только захватить Павию, но и пленить нечестивого антипапу Пасхалия III²⁸. Тогда появится шанс: не только римляне, но и жители всей тускуланской области отвоюют свою землю у схизматиков²⁹. Тирана, как пишет схоласт, никогда не минует наказание. Избежав его в Италии, Фридрих I уже у себя на родине столкнулся с карой Всевышнего – восстанием против императорской власти в Бургундии³⁰.

В «Поликратике» Иоанн замечает, что убийство тирана не противоречит ни человеческому, ни божественному закону³¹. Однако нечестивый государь по-прежнему остается слугой Господа³² и орудием Его возмездия³³. Поскольку «всякая власть от Бога», постольку и «иго тирана» необходимо терпеть. Исследователи неоднократно находили в этих утверждениях схоласта противоречие³⁴: как можно убить правителя, власть которого освящена Творцом? Решение этой проблемы, основанной, на наш взгляд, на недопонимании текстов Иоанна, находится в его письмах. Государь, посягнувший на свободу (*libertas*) церкви, становится «закоренелым» тираном, лишенным благодати Божьей. Так, например, после отлучения от церкви, Фридрих I не только потерял поддержку папы римского и большинства духовенства, но и перестал быть законным императором, он – «ex-Augustus». Следовательно, подданные, возмущенные несправедливостью, учиненной правителем, способны свергнуть и даже убить уже не Богом поставленного государя, но преступника. Именно поэтому Иоанн рассматривает притязания европейских тиранов XII в. (Рожер II, Стефан I Блуасский, Фридрих I Барбаросса) на права церкви, как последнее подтверждение неотвратимости их наказания.

Примечания

¹ См.: *Schaarschmidt C.* Johannes Saresberiensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie. Leipzig, 1862; *Dal Pra M.* Giovanni di Salisbury. Milano, 1951; *Nederman C.J.* John of Salisbury. Tempe, 2005.

² См.: *Шишков А.М.* Средневековая интеллектуальная история. М., 2003. С. 241.

³ См.: *Smalley B.* The Becket Conflict and the Schools. A Study of Intellectuals in Politics. Oxford, 1973. (P. 87–108). P. 97.

⁴ Мы убеждены в том, что рассуждения Иоанна Солсберийского о тирании лишены каких-либо внутренних противоречий. Напротив, они являются глубоко продуманной и выверенной до мелочей теорией несправедливой власти. Иного мнения придерживаются, например Х. Либешутц и, особенно, Ян ван Лаарховен. См.: *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. L., 1950. P. 51; *Laarhoven J. van.* Thou Shalt Not Slay a Tyrant! The So-Called Theory of John of Salisbury // *The World of John of Salisbury* / Ed. by M. Wilks. Blackwell Publishers, 1994. P. 319–341.

⁵ *Lactantius.* Liber de mortibus persecutorum // *Patrologiae cursus completus. Series Latina.* Parisiis. 1844. T. VII. Col. 192–193. (Далее – PL, с указанием тома и колонки).

⁶ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis.* Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / *Recognovit et Prolegomenis, Apparatus Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C.I. Webb.* N.Y., 1979 (1-е изд. – 1909). Vol. I. Lib. IV. Cap. 1. P. 235–237 (Далее – Policraticus, с указанием тома, книги, главы и страницы).

⁷ *John of Salisbury's Entheticus Major and Minor* / Ed. by Jan van Laarhoven. Vol. I–III. Leiden, 1995. Vol. I. P. 193.

⁸ *Policraticus.* Vol. II. Lib. VII. Cap. 19. P. 173.

⁹ *John of Salisbury.* Historia Pontificalis / Ed. and transl. by M. Chibnall. Oxford, 1986. P. 65. См. также: *Wieruszowski H.* Roger II of Sicily, *Rex-Tyrannus*, in *Twelfth-Century Political Thought* // *Speculum.* 1963. Vol. XXXVIII. (P. 46–78). P. 68.

¹⁰ *Абрамсон М.Л.* Южная Италия IX–XIII вв. // *История Италии.* М., 1970. Т. I. (С. 130–199). С. 161.

¹¹ *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 393.

¹² См.: *Bernardus Claraevallensis.* Epistola CXXX // PL. 1854. T. 182. Col. 285–286; Epistola CCCXLVIII. Col. 552.

¹³ «Ex quo fidelem nuntium inveneritis, michi, si placet, epistolas beati B (ernardi) transmittite» (The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S. J. and H.E. Butler. L., 1955. Vol. I. (The Early Letters, 1153–1161). № 31. P. 51). Письмо к Петру из Целлы датировано апрелем 1157 г.

¹⁴ См.: *Ullmann W.* Roman Public Law and Medieval Monarchy: Norman Rulership in Sicily // *Ibid.* Jurisprudence in the Middle Ages. London, 1980. (P. 157–184). P. 170–171.

¹⁵ Подробнее см.: *Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская Империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 117–142; *Балакин В.Д.* Фридрих Барбаросса. М., 2001.

¹⁶ См., например: «Fredericus Teutonicus tyrannus... pacem factururus creditur» (The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor and C.N.L. Brooke. Oxford, 1979. Vol. II. (The Later Letters, 1163–1180). № 289. P. 656). О частоте употребления «teutonicus tyrannus» см.: Vol. II. № 152.

- Р. 52; № 168. Р. 102; № 177. Р. 182; № 181. Р. 200; № 225. Р. 392; № 242. Р. 472; № 287. Р. 632; № 288. Р. 648; № 289. Р. 656.
- ¹⁷ Балдуин М.В. Александр III и двенадцатый век. СПб., 2003. Ср. суждения папы Александра III о Фридрихе Барбароссе как о тиране: «Qualiter autem ille tyrannus et vehemens persecutor Ecclesiae, Fredericus videlicet, universalem omnium matrem sacrosanctum Romanam Ecclesiam persequatur, eamque sine causa opprimat et infestet, ad discretionis tuae notitiam non ambigimus pervenisse» (*Alexander III. Epistola XXXV // PL. 1900. T. 200. Col. 107–108; Epistola XXXVI. Col. 108–109.*)
- ¹⁸ См.: Reuter T. John of Salisbury and the Germans // *The World of John of Salisbury / Ed. by M. Wilks. Blackwell Publishers, 1994. (P. 415–425). P. 416, 420.*
- ¹⁹ В одном из писем Иоанн вспоминает как в 1152 г. к папе римскому Евгению III прибыло посольство от Фридриха Барбароссы. См.: *The Letters. Vol. I. № 124. P. 207.* См.: Reuter T. *Op. cit.* P. 419–420.
- ²⁰ См.: *The Letters. Vol. II. № 241. P. 472–474.*
- ²¹ «Nos enim Itali audito ab eo discedentes reaedificauerunt Mediolanum, scismaticos expulerunt, catholicos reducerunt episcopos et apostolicae sedi unanimiter adhaeserunt» (*Ibid. P. 474.*)
- ²² Помимо «Teutonicus tyrannus» Иоанн употребляет понятие «ex-Augustus». См.: *Ibid. Vol. II. № 236, 239–240; № 272, 273, 274, 298.* О значении термина «август» см.: *S. Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri XX // PL. 1850. T. 82. IX. 3. Col. 343.*
- ²³ Подробнее о противостоянии империи и папства, а также о «Ломбардской лиге» см.: *Бернадская Е.В.* Городские коммуны и их борьба за независимость (XI–XII вв.) // *Очерки истории Италии. Л., 1959. (С. 28–46). С. 43; Баткин Л.М. Период городских коммун // История Италии. М., 1970. Т. I. (С. 200–272). С. 229–234; Колесницкий Н.Ф. Указ. соч. С. 134–138; Юсим М.А. Ломбардская лига // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. Т. IV. С. 120–125.*
- ²⁴ *The Letters. Vol. II. № 272. P. 554.*
- ²⁵ «Hanc miseriam tyranni, aut potius gloriam Dei et ecclesiae consolationem» (*Ibid. P. 554.*)
- ²⁶ *Ibid. P. 556.*
- ²⁷ «Quod pacem non erat habiturus, nisi ecclesiae Dei redderet pacem» (*Ibid. P. 556.*)
- ²⁸ *Ibid. P. 560.* Иоанн называет антипапу Пасхалия III «ересиархом из Кремы» («haeresiarcha Cremensis»).
- ²⁹ *Ibid. P. 560.*
- ³⁰ *Ibid. № 273. P. 572; Reuter T. Op. cit. P. 422.*
- ³¹ *Policraticus. Vol. II. Lib. VIII. Cap. 20. P. 372.* Подробнее о теории тираноубийства Иоанна Солсберийского см.: *Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о несправедливой власти в «Политикатике» Иоанна Солсберийского // Средние века (в печати).*
- ³² *Policraticus. Vol. II. Lib. VIII. Cap. 18. P. 358.*
- ³³ *Ibid. Vol. I. Lib. IV. Cap. 1. P. 236.*
- ³⁴ *Laarhoven J. van. Thou Shalt Not Slay a Tyrant! The so-called Theory of John of Salisbury // The World of John of Salisbury. P. 319–333.*

УДК 94 (437) [14]

АНГЛИЙСКИЙ ГУСИТ ПЁТР ПЕЙН

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: sar-sredvek@mail.ru

В статье¹ рассматривается судьба англичанина Петра Пейна, который был вынужден покинуть родину, нашёл приют в Чехии и стал одним из видных участников событий эпохи гуситских войн.
Ключевые слова: гуситское движение, Пётр Пейн.

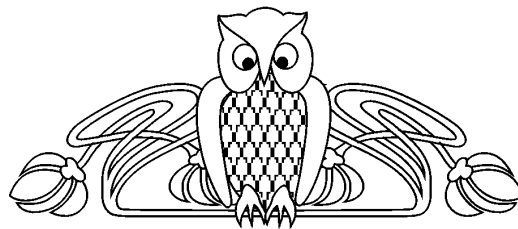
English Hussit Petre Payne

A.N. Galyamichev

This article describe a destiny of Englishman Petre Payne, which leave his native land and settled in Bohemia. After his move he became a participant of Hussits wars.

Key word: the Hussite Movement, Petre Payne.

Когда мы говорим о гуситском движении, то, как правило, не вспоминаем об Англии и англичанах. С одной стороны, Чехию отделяет от Британских островов географическая удалённость,

особенно ошутимая в условиях Средневековья, и связанное с этим отсутствие устойчивых торговых, политических и культурных англо-чешских связей.

С другой стороны, нельзя не принять во внимание и тот факт, что годы гуситских войн совпали с кульминационным периодом Столетней войны, когда всё внимание англичан было приковано к драматическим событиям, происходившим на территории Франции.

И всё же тема «Англия и гуситское движение» таит в себе, по крайней мере, несколько увлекательных исследовательских сюжетов. Классический сюжет этого ряда – вопрос о степени влияния церковно-реформационного учения Джона Виклифа на формирование взглядов Яна Гуса, который имеет самостоятельную историографическую традицию, уходящую корнями к знаменитой рабо-

те австрийского историка И. Лозерта, увидевшей свет ещё в 1884 году².

Менее известна, но, пожалуй, не менее интересна история английских гуситов, и, прежде всего, самого яркого среди них – магистра Петра Пейна (Пейне), или Энглиша, как именуют его чешские источники гуситской эпохи. Англичанин Пётр Пейн, без всякой доли преувеличения, может быть назван одной из виднейших фигур чешской истории периода гуситских войн.

Известно, что Пётр Пейн родился около 1380 г.³, с 1406 г. являлся магистром Оксфордского университета и был видным представителем оппозиционного по отношению к официальной церкви движения лоллардов. В 1411 г. Пейн совершил путешествие в страны Центральной Европы: в Баварии он встречался с местными сторонниками ереси вальденсов, а кроме того, доставил в Прагу письма общепризнанного предводителя и наиболее влиятельного покровителя лоллардов лорда Джона Олдкасла Яну Гусу, составленные в ответ на приветственные послания последнего английским лоллардам.

Возвращение Пейна в Оксфорд совпало с резким ужесточением политики церковных властей по отношению ко всяким проявлениям религиозного инакомыслия. В 1413 г. все магистры Оксфордского университета – главного центра учёного лоллардизма – должны были поклясться под присягой в том, что считают ересью главные произведения Виклифа. В следующем году Джон Олдкасл был сожжён на костре по обвинению в ереси и подготовке заговора против короля Генриха V⁴.

В этой ситуации Пётр Пейн был вынужден покинуть Англию и нашёл пристанище в далёкой Чехии, куда он прибыл в 1414 г., чтобы провести в этой стране остаток своей жизни⁵.

Мятежный английский магистр уже не застал в Чехии Яна Гуса, отправившегося на Констанцкий собор, но с первых дней своего пребывания в Праге выступил как решительный сторонник причащения под двумя видами и других церковно-реформационных требований сторонников Гуса, вошёл в радикальную группировку магистров Пражского университета, возглавлявшуюся Якоубеком из Стржибра⁶.

Особенностью личности Пётра Пейна было редкое, а возможно, и уникальное сочетание двух незаурядных и, казалось бы, взаимоисключающих дарований – искусного дипломата и страстного полемиста.

Как дипломат он впервые проявил себя во время переговоров с королём Сигизмундом в Кутной Горе 15 мая 1420 г., когда Пражский университет предпринял последнюю – уже после провозглашения крестового похода против гуситов – попытку найти возможность примирения короля и мятежного королевства⁷.

В конце 1420 – первые месяцы 1421 г. Пётр Пейн находился в составе другого чешского посольства, которое в рождественские дни 1420 г.

отправилось в Краков, ко двору польского короля Владислава II (Ягайло) с предложением принять чешскую корону⁸ (правда, в качестве условия коронации было выдвинуто требование признания Владиславом гуситской программы – четырёх пражских статей).

Задача, стоявшая перед членами гуситского посольства, была исключительно трудной: дипломатия папы Мартина V и Сигизмунда приложила все усилия для того, чтобы воспрепятствовать переговорам, началу которых решительно противилось и польское духовенство. В этих условиях итоги миссии нельзя не признать значительным успехом: польский король позволил послам гуситов изложить и обосновать суть четырёх пражских статей, довёл переговоры до логического завершения, более того, пошёл на временное сближение с гуситами, послав в Чехию в качестве своего представителя князя Сигизмунда Корибутовича, племянника великого князя Литовского Витовта, с именем которого связано немало ярких страниц истории гуситской эпопеи⁹.

Магистр Пётр Пейн играл одну из первых скрипок в оркестре гуситской дипломатии и во время исключительно важных для судьбы всей Европы переговоров гуситов с Сигизмундом в Братиславе, которые проходили в апреле 1429 г.: тогда блистательные победы гуситского оружия заставили, наконец, римского короля, сесть за стол переговоров с гуситами, как с равноправными партнёрами¹⁰.

Пётр Пейн был причастен и к наиболее значительному успеху гуситской дипломатии на всём протяжении гуситских войн – мирным соглашениям с посланцами Базельского собора в Хебе (немецком Эгере) в мае 1432 г., когда в качестве главного критерия при обсуждении гуситской программы в Базеле был признан не авторитет собора, а «закон Божий и деяния Христовы, апостолов и первоначальной церкви, вместе с соборами и докторами, действительно на них основывающимися»¹¹.

Искусство дипломата во все времена состоит из двух важнейших слагаемых: с одной стороны, умения выслушать противоположную сторону и пойти ей навстречу, а с другой – последовательного отстаивания собственных позиций.

Последняя сторона была особенно важна в международных переговорах гуситской эпохи. К тому же по своему содержанию они выходили далеко за рамки обычных дипломатических миссий Средневековья: в них вопросы межгосударственных отношений сливались в неразрывное целое с тонкими вопросами богословия, а мирные переговоры – с религиозными диспутами.

Думается, что это обстоятельство в решающей степени способствовало выдвижению Петра Пейна в ряды выдающихся дипломатов гуситской Чехии, поскольку английский магистр Пражского университета был отмечен ярким талантом полемиста.

Этот талант проявился в полном блеске в ходе знаменитого диспута Петра Пейна с наиболее ярким полемистом из числа консервативных магистров Пражского университета – Яном Пршибрамом, который занимает исключительно важное место в истории Чехии периода гуситских войн.

Его значение определялось угрозой сведения на нет всех завоеваний чешской реформации, которая нависла над ней в середине 20-х гг. XV в. и исходила от консервативного крыла пражских магистров: уже в 1424 г., в условиях резкого усиления позиций таборитов и сирот внутри страны в их среде обозначилась тенденция к генеральной ревизии основных положений умеренного гусизма, которые были изложены в четырёх Пражских статьях и в решениях синода чешского духовенства 1421 г., и примирению с католической церковью.

С середины 1426 г. Пршибрам начал широкую кампанию против учения Виклифа, которое представлялось ему наиболее благодатным предметом для критики и осуждения по причине его иноземного происхождения. Борьба, в ходе которой консервативные магистры подняли необычайно популярное в сражающейся против объединённых сил феодально-католической Европы стране знамя защиты интересов чешского народа, вышла за стены университета и велась с проповеднических кафедр Праги и других городов.

Центральным моментом полемики 1426 г. и стал публичный диспут между Яном Пршибрамом и Петром Пэйном, который выступил главным защитником своего учителя и соотечественника¹².

Искусство Петра Пейна как полемиста проявилось в том, что он прямо и смело нанёс удар в ключевое звено аргументации Пршибрама. Пейн убедительно обосновал мысль о том, что Виклифа и его учение необходимо всемерно защищать именно в интересах чешского народа, ибо критика Виклифа неизбежно ставит под сомнение правоверность самого Гуса. Если считать учение Виклифа ошибочным, подчёркивал магистр Пейн, то нельзя не признать справедливым обвинение всего чешского народа в ереси, а также полную обоснованность осуждения Гуса в Констанце и вторжения в Чехию войск крестоносцев.

Пейн утверждал в ходе диспута, что «достойные доверия свидетели подтверждают, что Гус и Якоубек использовали положения и труды Виклифа и трактовали их в добром смысле... Ибо оба они опасались, что его осквернение будет перенесено на это славное королевство и станет великим оскорблением истины, а потому бесстрашно сопротивлялись противникам закона Божьего, которые хотели слова и труды Виклифа уничтожить и скверну ереси им приписать, как знают и сейчас верные чехи»¹³.

Полемика Пршибрама и Пэйна была тесно связана с политической борьбой в Праге и Чехии. К этому времени контакты Сигизмунда Корибутовича с католической шляхтой зашли так далеко,

что в его ближайшем окружении созрел план заговора против последовательных сторонников гусизма и сдачи Праги католическим войскам. Осуществить этот замысел предполагалось во время съезда гуситского и католического дворянства, открытие которого намечалось на 3 мая 1427 года.

О готовящемся заговоре стало известно, и 17 апреля в результате восстания пражан Сигизмунд Корибутович был арестован и затем выслан из Чехии¹⁴.

Таким образом, консервативные силы в гуситской Чехии потерпели поражение, и не только радикальный Табор, но и умеренная Прага сохранили верность основополагающим принципам гуситской программы начала 20-х гг. и продолжили совместную борьбу с феодально-католической Европой.

Сочетание двух ярких дарований – дипломата и полемиста, опыт участия в посольствах и богословских диспутах стали причиной включения Петра Пэйна в состав главного гуситского посольства, которое в 1433 г. отправилось в Базель для переговоров с представителями собравшегося в этом городе собора католической церкви.

Выступления Пейна на Базельском соборе отличались страстностью и убедительностью¹⁵, и поэтому отцы собора, опасавшиеся силы его слова, попытались избавиться от яркого полемиста с помощью интриги: через три месяца после начала дебатов посланники английской церкви на соборе заявили о том, что бывший оксфордский магистр до сих пор остаётся еретиком, официально отлучённым в Англии от церкви. Кроме того, он является государственным преступником, поскольку был причастен к антикорольскому заговору 1414 года. Обвинители стремились добиться выдачи Петра Пейна собору, но решительные возражения гуситского посольства позволили ему сохранить свободу и продолжить участие в дебатах.

Следует при этом отметить, что Пётр Пейн был одним из тех членов гуситского посольства в Базеле, которые никогда не склонялись к идее компромисса с католической церковью и настаивали на продолжении борьбы до полной победы. В конце 20 – начале 30-х гг. Пейн отошёл от умеренного крыла гуситов и примкнул к таборитскому духовенству¹⁶.

Причины этого следует, по-видимому, искать отчасти в изначальных, лоллардских убеждениях английского гусита (лоллардизм как религиозное течение изначально отличали демократические тенденции¹⁷), а кроме того, и горькие уроки собственного жизненного опыта, подсаживавшие ему мысль о недалёковидности любых компромиссов с католическим Римом.

Последние два десятилетия жизни Петра Пейна (он умер в 1456 г.) оставили гораздо менее заметный след в источниках, поскольку немногочисленное таборитское духовенство не играло

сколько-нибудь заметной роли в тех драматических событиях политической жизни Чехии, которые пришлось на 40-е – 50-е гг. XV века. Известно, что он дважды совершил путешествие в Константинополь, где знакомился с устройством и особенностями вероучения православной церкви и пытался установить связи с греческим духовенством¹⁸. Однако голос английского гусита ни в Чехии, ни за её пределами уже никогда не звучал так громко и веско, как в годы гуситских войн.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на Всероссийской научной конференции «Проблемы истории Англии в Средние века и Раннее Новое время: экономика, политика, культура», проходившей 23–24 июня 2008 г. в Саратовском университете.
- ² Loserth J. Hus und Wiclif. Zur Genesis der hussitischen Lehre. Wien, 1884.
- ³ Краткие биографические сведения о Петре Пейне содержатся в кн.: Bartoš F.M. Husitství a cizina. Praha, 1931. S. 107–112.
- ⁴ См.: Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. С. 115.
- ⁵ Умер Пётр Пейн в 1456 году.
- ⁶ См.: Рандин А.В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994. С. 29
- ⁷ См.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 70–71; Kejř J. Právní život v husitské Kutné Hoře. Praha, 1958. S. 27–28.
- ⁸ Там же. С. 185.
- ⁹ См.: Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования. Саратов, 1973. С. 78–80.
- ¹⁰ См.: Macek J. Prokop Veliky. Praha, 1953. S. 76–82.
- ¹¹ 7-я статья хебских соглашений, состоявших из 11 пунктов. См.: Macek J. Ktož jsú boží bojovníci. Praha, 1951. S. 240–242.

УДК 94(410.1)

ПРОБЛЕМА «ПОСЛЕДНЕГО ВИЛЛАНСТВА» В АНГЛИИ XVI ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

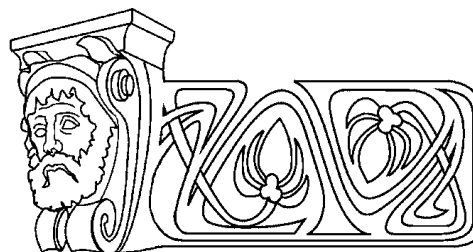
М.В. Винокурова

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени
E-mail: vinokurova@mail.ru

В статье рассматривается такой феномен жизни английского манора, открытый в начале XX в. А.Н. Савиным, как проблема «последнего вилланства». Автор ставит и разрешает вопрос о различиях юридического и социально-экономического статуса обычных держателей и «последних вилланов» в XVI в., что вносит определенные коррективы в понимание аграрной специфики Англии в период генезиса капитализма.

Ключевые слова: вилланство, «последнее вилланство», институт копигольда, фригольдеры, земельное держание, манор,

- ¹² Диспут состоялся в декабре 1426 г. в Пражском университете. На нём присутствовали не только университетские магистры, но и представители дворянства и бюргерства во главе с Сигизмундом Корибутовичем. О полемике Петра Пейна и Яна Пршибрама см. подробнее: Рандин А.В. Указ. соч. С. 67–68.
- ¹³ Studie a texty k náboženským dějinám českým. Olomouc, 1915. D. I. S. 478.
- ¹⁴ См.: Мацек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 133–134.
- ¹⁵ Четырём наиболее искусным полемистам гуситской делегации была поручена защита четырёх Пражских статей. На долю Петра Пейна выпало обоснование необходимости секуляризации богатств церкви. О его участии на Базельском соборе см.: Пальмов И.С. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881. С. 422; Рандин А.В. Указ. соч. С. 89–92; Macek J. Prokop Veliky. S. 158.
- ¹⁶ По выражению советского гуситолога Б.Т. Рубцова, в годы гуситских войн Пейн прошёл «путь от умеренного чашника до революционного таборита». Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1955. С. 155.
- ¹⁷ В этой связи очень показательными представляются слова из обращённой к Сигизмунду речи, которую Пётр Пейн произнёс во время братиславских переговоров в апреле 1429 г.: «Взгляни! Когда ты был с Богом, ты побеждал язычников (по-видимому, имеются в виду турки, с которыми Сигизмунд вёл войны, защищая южные рубежи Венгерского королевства. – А.Г.), теперь же, отвернувшись от Бога, терпишь поражения от крестьян. А ведь это, король, вещь удивительная и неслыханная! Не странно ли тебе, что твои войска, гораздо более многочисленные и лучше вооружённые, были столько раз побеждены и разбиты, что они бегут перед малочисленными крестьянскими войсками?» Цит. по: Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 494.
- ¹⁸ Ozolin A.I. Ohlas husitství v některých zemích střední a západní Evropy // Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958. S. 307.

манориальные описи, манориальный обычай, отработочные и натуральные повинные, денежные ренты, юридический статус.

The Issue of the «Last Villainage» in England of the XVI Century

M.V. Vinokurova

The article studies the phenomenon of the «last villainage», which was discovered by A.N. Savin at the beginning of the XX century. The

author examines the question of differences in the legal and social status of ordinary holders of land and «last villaints» in the XVI c. It introduces certain correction to the understanding of the agrarian peculiarity of England during the period of the capitalism genesis.

Key words: villainage, «last villainge», the institute of copyholder, freeholders, landholding, manor, manorial inventories, manorial tradition, working and natural homage, pecuniary rents, legal status.

Проблема «последнего вилланства», по сути дела, была поднята и отчасти исследована представителями именно *отечественной* историографии (включая автора настоящей статьи). Насколько мне известно, для наших коллег из Англии, занимающихся сюжетами, связанными с английским средневековым манором, данная постановка вопроса звучала в свое время, и не столь уж давно, некоторым откровением. Сошлюсь на свою беседу (в сентябре 2003 г.) с известными специалистами Кристофером Дайером и Кристофером Уикхемом, котоые настолько заинтересовались малоизвестной (а, скорее, неизвестной) для них проблемой «последнего вилланства», что предложили мне написать о ней статью в журнал «Past and Present». И только череда очень сложных для меня обстоятельств не позволила мне сделать этого. Надеюсь отчасти компенсировать свой долг перед английскими коллегами настоящей статьей¹.

Известно, что институт копигольда в Англии пришел на смену вилланству в XIII–XIV вв. в период перехода к денежной форме феодальной ренты и являлся юридическим выражением владельческих прав английского крестьянства; он знаменовал собой переход от домениального к крестьянско-парцеллярному хозяйству. Замена барщины и продуктового оброка денежной рентой (коммутация) стала для подавляющей массы крестьянства фактическим освобождением, уничтожив самую основу их несвободного положения – работу на домене лорда. Что же касается исчезновения личной крепости, то «средний класс вилланов»², т.е. держателей типичной виргаты или чуть более, освобождался от этой крепости на протяжении XIV–XV вв. в основном путем манумиссий (отпуска на волю на основании грамоты, за выкуп) и побегов.

Однако исчез ли окончательно к XVI в. этот наиболее многочисленный и, может быть, наиболее важный в прошлом класс средневекового общества? Говоря об этой эпохе, мы нередко модернизируем ее, подчеркивая лишь то обстоятельство, что английская деревня «была полна копигольдеров», считая даже их наличие чуть ли не анахронизмом и сравнивая их положение с «новыми пришельцами» (арендаторами, фермерами), но никак не с положением «последних вилланов». И остается почти неизвестным, что представляли собой «остатки» этого многочисленного в прошлом класса в XVI в. и чем они отличались от обычных держателей, тоже не пользовавшихся большой свободой своих прав.

Вопросом «последнего вилланства» занимался А.Н. Савин, специально посвятивший ему целую главу в своей работе «Английская деревня в эпоху Тюдоров». Таким образом, именно Александр Николаевич и открыл этот интереснейший феномен жизни английского манора. Но с тех пор (книга, как известно, вышла в 1903 г.) ни в отечественной, ни в зарубежной литературе (о чем – в несколько иной форме – уже упоминалось в начале статьи) данная проблема, то есть проблема «последнего вилланства» (остатков вилланства) в Англии раннего Нового времени, практически не затрагивалась. Между тем ее разработка могла бы вскрыть дополнительные подробности из жизни крестьянского мира этой страны указанного периода и внести определенные нюансы в разработку вопроса о дифференциации крестьянства.

Анализируя количественный состав «последних вилланов» в различных манорах Англии XVI в., А.Н. Савин пишет следующее: «Трудно думать, чтобы в начале эпохи Тюдоров вилланы составляли более 1% всего населения»³. Он считает (и весьма правомерно), что «настоящая статистика населения XVI в. невозможна»⁴, но, к сожалению, не приводит цифр, свидетельствующих о том, какую часть составляли вилланы от населения каждого из изученных им маноров, как не указывает и общую численность этого населения в эпоху Тюдоров. Поэтому соотношение числа вилланских семей с общей численностью людского состава в манорах XVI в. у Савина остается неизвестным. По его данным, среднее количество последних вилланских семейств в типичном маноре XVI в. равнялось 1–3 (лишь в отдельных, очень редких случаях, эта цифра достигала 16–17). Общее же число семейств в маноре, по моим многочисленным наблюдениям (собственным и основанным на литературе), составляло в среднем для XVI в. цифру 30–40 (при площади «типичного», около 2000 акров, манора). Исходя из этого могу предположить, что доля вилланских семей в «общеевропейском» маноре эпохи Тюдоров, по данным Савина, составляла 5–6%.

Отметим, что сведения о «последних вилланах» в манориальных описях различных графств Англии весьма специфичны. Эти описи дают довольно точное представление о составе вилланских семей, причем члены этих семей и в XVI в. продолжают именоваться в них вилланами, бондменами или «нативами». По большей части описи подразделяют вилланов на семьи из двух поколений (три поколения в ту пору нечасто соединялись в одну семью) и перечисляют отцов и детей. Матери не входят в описи по своей бездородности для лорда (они не платили ренты, пребывая в замужнем состоянии). Но в описи вносятся вдовы, если они держат землю «на праве вдовы» (т.е. являются самостоятельными держателями до нового замужества), а также крепостные женщины, вышедшие замуж за свободных.

На основании работы с манориальными описями по Юго-Западной Англии⁵ выяснилось,

что в этом регионе в XVI в. также сохранялись семьи «последних вилланов». Опись владений графов Пемброков за 1566–1567 гг. фиксирует по

1–2 вилланских держания в некоторых манорах этого обширного поместного комплекса. Данные по этому вопросу представлены в табл. № 1.

Таблица 1

Численность «последних вилланов»

Название манора	Общее число семей держателей	Число семей «последних вилланов»	% к общему числу держателей
1. Bulbridge	40	2	5,5
2. Broad Chalke	61	2	3,3
3. Dinton	45	нет	–
4. Fuggleston	36	2	5,5
5. Stanton Bernard	21	нет	–
6. West Overton	17	1	5,9
7. Wilton	82	нет	–
8. Wyaly	31	2	6,4
9. Olvediston	13	1	7,6
10. Bishopston	21	1	4,8
11. Chilmark	32	2	6,3
12. Burcombe	18	1	5,5
Итого	417	14	3,3

Как следует из табл. 1, число вилланов в манорах Пемброков, казалось бы, было совсем невелико – всего 14 семейств из 417. Для крупного манориального комплекса, каковой и составляли владения Пемброков, это действительно немного. Но не забудем, что речь идет не о XIII–XIV вв., а о веке XVI. Кстати, процентное отношение семейств «последних вилланов» в Уилтшире XVI в. (где находились указанные владения) к общему количеству держателей различных юридических категорий ненамного ниже моих же подсчетов. По данным Савина, оно составляет, правда, по всему комплексу маноров не 5–6%, а 3,3. Однако в отдельных манорах эта цифра выше (см. табл. 1). Трудно сказать, каков был состав семей этих «последних вилланов», но вообще крепостные, как известно, не женились рано и их семьи были невелики, редко более 3–4 человек. С учетом этого обстоятельства общее число вилланов (взрослых и детей, мужчин и женщин), по моим данным, могло равняться, согласно описи 1566–1567 гг., 42 (при составе семьи в три человека) или 56 (при соответствующем составе в четыре человека). Много это или мало, трудно сказать – смотря какие критерии иметь в виду. Для XVI в. и всего для 12 маноров это, по-моему, не так уж мало и указывает, по справедливому выражению А.Н. Савина, «на большую живучесть манориальной системы»⁶ (в данном случае манориальная система, безусловно, означает систему личной крепости).

Итак, в английской деревне XVI в., наряду с массой копигольдеров (их доля в общем составе крестьян составляет по Юго-Западу Англии более 70%) живут и потомки средневековых вилланов.

Развитие копигольда, как мы видим, тесно связано с упадком вилланства; однако в историографии обычно подчеркивается лишь отличие весьма многочисленного зависимого класса английского крестьянства (копигольдеров) XVI в. от более привилегированных категорий сельского населения. В частности, проводятся параллели и разделительные линии между обычными и свободными держателями (фригольдерами).

В этой связи хотелось бы поставить и попробовать разрешить следующую проблему⁷: каковы были различия юридического и социально-экономического статуса обычных держателей и «последних вилланов» XVI в.?

На первых порах складывается впечатление, что различие только одно: в текстах описей и протоколов курий обычные держатели определяются как «copyholders» или «customary tenants», а потомки крепостных крестьян – как вилланы или бондмены (иногда – «ancient copyholders» или «tenants at will»). Казалось бы, и те, и другие платят ренту, фajn, герiot, выполняют другие повинности. Значит, различие между ними только терминологическое?

Это далеко не так. С юридической точки зрения главной «пробой», которая могла быть приложена к держаниям этих статусов, являлась копия манориальных протоколов. У виллана XVI в. нет документа на ту землю, которую он держит от лорда, как не было такого документа у его прапрадеда в XIV в. Виллан XVI в. держит надел целиком «на воле лорда» (недаром в описях этого времени он иногда квалифицируется как tenant at will). Однако не надо думать, что в протоколах курий вилланы

вообще не регистрировались. Нет, конечно, запись в протокол о вступлении в держание вносилась и в XVI в., но вот только письменное свидетельство об этом «на руки» виллану, как человеку лично несвободному, не выдавалось. Вилланское держание в XVI в., как и прежде, было «одноразовым» – оно не могло (в теории) передаваться по наследству или доставаться тому лицу, на которое укажет держатель (как это, согласно обычаю, могло быть в случае копигольда); регистрация такого держания в курии все еще нередко сопровождалась соломинкой. Итак, соломинка вместо копии!

Обычный же держатель времени Тюдоров мог, в отличие от виллана, держать землю по копии, будучи лично свободным и находясь от лорда лишь в поземельной зависимости. К XVI в. сложилась и, как мы отмечали выше, стала достаточно массовой процедура отчуждения земли посредством сдачи и допуска в манориальной курии с последующей выдачей копигольдеру копии протокола, в котором делалась собственно запись о допуске к держанию. Итак, у копигольдера, в отличие от виллана, имелся пусть не подлинный, а вторичный (скопированный), но все же документ на землю, представлявший формально-юридическое основание держания. Поэтому копигольдеры, в отличие от вилланов, могли отчуждать землю, хотя и не сами, а «проводя» ее через руки лорда. В обычае отчуждения копигольдерского держания сохранялось, конечно же, много дофеодальных черт. Отчуждавший должен был приходиться в курию и сдавать землю лорду, который принимал участок и через опреде-

ленный обычаем срок (это мог быть день, неделя или месяц – в каждом маноре существовали свои традиции) передавал копию новому или (при возобновлении копии) этому же лицу. Все это не было лишь формальностью. Сдача прерывала держание, а новый хозяин, естественно, вносил за ту же землю вступной файн. Кстати, при передаче «обычной» земли в руки копигольдера в XVI в. также нередко присутствовали соломинка или прут – символы, сохранявшиеся со времен «варварских правд»; только у вилланов они *заменяют* копию, а у копигольдеров – *сопровождают* ее.

В XVI в., как и прежде, оба вида держаний (и копигольд, и «остатки» вилланства) представляли собой держания «на воле лорда». Однако копигольд выгодно отличался тем, что он был еще и держанием «по обычаю манора». Обычай манора в теории должен был защищать от проявления «злой» воли лорда прежде всего копигольдеров. Однако на практике его влияние распространялось, конечно же, и на вилланов, что сказывалось в выплате в XIV–XV вв. обеими категориями твердых, фиксированных рент и относительно постоянных файлов, которые не должны были превышать, как уже указывалось, двухгодичного дохода с земли. Но уже в XVI в. обычай защищает, по всей видимости, в большей степени копигольдеров, а не «последних вилланов». Так, представители 8 (из 14) семейств вилланов, которые живут на землях Пемброков в 60-е гг. XVI в., за идентичные участки земли платят более высокие файлы и ренты, нежели обычные держатели этих же маноров (табл. 2, 3).

Таблица 2

Ренты и файлы «последних вилланов»

Название манора	Вилланы	Площадь, акр	Рента, пенсы	Файн, фунты
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд	45	63	4,0
2. Broad Chalke	Роберт Гров	23,5	40	2,5
3. Fuggleston	Томас Гуд	58	120	5,2
4. Wyaly	Эдуард Горнси	9,5	24	1,5
5. Chilmark	Мэри Витуайт	18	33	2,0
6. Olvediston	Агнесса Кенфик	30	56	2,04
7. Burcombe	Кристина Бейм	64	196	3,0
8. Bishopston	Томас Колмен	5	13	0,5
Всего:	8	253	545	22

Таблица 3

Ренты и файлы копигольдеров

Название манора	Копигольдеры	Площадь, акр	Рента, пенсы	Файн, фунты
1. Bulbridge	Джон Вардок	43,5	36	2,5
2. Broad Chalke	Уильям Кент	25	29	2,0
3. Fuggleston	Ричард Шелби	55	90	5,0
4. Wyaly	Джон Арни	10,5	15	1,5
5. Chilmark	Роберт Голдинг	20	42	2,0
6. Olvediston	Генри Пикфорд	32,5	24	1,5
7. Burcombe	Томас Чейн	60,5	150	3,2
8. Bishopston	Джон Сандерс	5,5	9	0,2
Всего:	8	252,5	395	17,9

Кроме того, в XVI в. копигольд, в отличие от позднего вилланства, начал приобретать «двойственную юридическую природу»: не переставая быть держанием на основании манориального обычая, он, ввиду частичной рецепции этого обычая, начинает, пусть и «иллюзорно», становиться институтом общего права; в некоторых случаях обычные держатели эпохи Тюдоров добиваются охраны своих держаний со стороны королевских судов. Однако это происходило достаточно редко. Да и обычай был к концу XVI в. уже значительно деформирован «коммерциализированной» волей лорда, он складывался «к невыгоде» обычных держателей, что особенно ярко выражалось в постоянно повышавшихся в десятки раз вступительных взносах.

Однако если в XVI в. у копигольдеров как у лично свободных иски в суды общего права все же принимались (хотя не всегда рассматривались, либо рассматривались не в пользу истца – держателя), то «поздние вилланы» были лишены такой привилегии.

У нас нет или почти нет документов, свидетельствующих об обращении вилланов в суды общего права. И если в XVI в. в Англии обычные держатели выдвигали требование превращения копигольда во фригольд, то «последние вилланы» не могли даже и мечтать о том, чтобы превратиться из «подданных» лорда манора в подданных короля. Если уж копигольдеры, ведшие постоянную борьбу за землю и обычную ренту, не смогли добиться того, чтобы копигольд стал институтом общего права, то что можно сказать о «последних вилланах», когда на них ни в малейшей степени не распространялась рецепция манориального обычая?

Что же общего было все-таки в положении обычных держателей⁸ (копигольдеров) и «последних вилланов»? Это «общее» относится в основном к обязанностям той и другой групп сельского населения; сама идентичность этих обязанностей свидетельствует о наличии исторической связи между вилланством и копигольдом, о происхождении последнего, как мы помним, «из низкого, но древнего дома».

Общим было прежде всего наличие у обеих групп отработочных и натуральных повинностей. Копигольдеры Пемброков, так же, как и «последние вилланы», обязаны поставлять лорду каплунов, кур, яйца и мед, чинить моты и плотины, жать господскую ниву, косить траву на лугах лорда и даже обрабатывать своим плугом его домен. Но если этими «низкими» службами лорду были обязаны менее 20% обычных держателей в манорах Пемброков, то «последние вилланы» несут указанные повинности поголовно. Пропорция низких, «грязных», служб среди держателей этой группы несколько выше: вилланы обязаны, кроме обработки «остатков» господского домена (большая часть которого в XVI в. уже была сдана в аренду), вывозить также навоз и чистить выгребные ямы.

Далее, для обеих анализируемых групп в XVI в. были характерны относительно твердые и низкие, фиксированные обычаями данной местности годовые денежные ренты (что вообще, как нам уже известно, является главным показателем обеспеченности крестьянского держания). Наличие денежных рент в среде «последних вилланов» свидетельствует об укреплении и эволюции их социального статуса в маноре. Однако в обоих случаях степень этой обеспеченности, конечно же, понижали донельзя «взвинченные» вступные файны.

Кроме того, общей чертой в материальном положении копигольдеров и «последних вилланов» было преимущественное распространение *срочного* (а не наследственного) держания. Держателями наделов всего лишь на срок жизни (или сроки жизни) являлись 88% копигольдеров крестьянского типа в уилтширских манорах графов Пемброков (в эту группу при подсчетах были включены и вилланы). А срочный характер держаний свидетельствовал о крайней необеспеченности крестьянства и был присущ, по моим наблюдениям, лицам с очень небольшими земельными наделами.

В практике поземельных отношений XVI в. встречались, кстати, случаи, когда могли закрепощать лично свободных держателей манора. Так, английский юрист и землемер А. Фицгерберт в своем трактате «Землеустройство» (1523 г.) пишет о том, что есть «много свободных, которых забирают в качестве крепостных, у которых отбирают землю и движимость, так как они не могут искать законной защиты и доказать свое законное происхождение. Так бывает чаще всего в тех случаях, когда свободные носят то же имя, что и крепостные...»⁹. Возможно, что речь идет о наиболее бесправной части обычных держателей – так называемых «срочных копигольдерах» или «нююгольдерах», вопреки правовой теории державших копигольд на домене лорда (нередко по его же инициативе). Их права были «не старше вчерашнего дня», так как их не защищало не только общее право, но и обычай манора. Такие люди, чьи держания возникали буквально на глазах, не могли надеяться на защиту обычного права, а их имена, очевидно, могли заноситься в книги регистрации держателей в качестве имен лично несвободных. В описях Пемброков, правда, мне не приходилось встречать случаев закрепощения в недавнем прошлом свободных людей, но это не означает, что подобных случаев не могло быть в действительности английской деревни XVI века.

С другой стороны, в эпоху Тюдоров «последние вилланы», очевидно, нередко могли пользоваться теми же правами, что и обычные держатели. Так, Норден в своей рукописи «Survey of Certain Crown Manors»¹⁰ указывает на случай, когда виллан имел реверсию, т.е. право возобновления держания, что вообще-то, как

мы знаем, было привилегией держателей по копии, причем чаще при смене наследников (т.е. в случаях наследственного, привилегированного копигольда).

Зададимся далее таким вопросом: мог ли виллан XVI в., несвободный лично, держать в маноре или вне манора не вилланскую землю, а участки иного юридического статуса (скажем, фиксированные в документах курии в качестве фригольда или даже аренды)? Практика показывает, что такое случалось не так уж редко. Из 14 вилланов в манорах Пемброков шестеро держали в соседних манорах землю указанных юридических статусов. «Последние вилланы» Гластонберрийского аббатства, чьи условия держаний исследовал А.Н. Савин, также держат по несколько боват¹¹ как обычной, так и свободной земли¹².

Как и во времена Брактона, по отношению к вилланам XVI в. была приложима все та же известная формула, подчеркивавшая личную зависимость виллана от манориального лорда, которая гласила: *tenementum non mutat stum* (держание не меняет статуса). По-прежнему виллан XVI в., как и его предок XIII–XIV вв., не становился свободным или обычным держателем только потому, что он держал «свободную» или «обычную» землю. Его статус виллана был врожденным.

С копигольдерами XVI в. дело нередко обстояло по-иному. Статус держания мог в некоторых случаях менять статус держателя в маноре: если, например, обычный держатель одного манора держал в соседнем участок фригольда, он числился в курии этого последнего как свободный.

Итак, мы видим, что в реальной жизни «последних вилланов» было немало «материальных черт», роднивших их с обычными держателями (наряду с различием их юридического статуса).

Но несравненно более тяжелым должно было быть моральное состояние «последних вилланов». Свободное население манора смотрело на них пренебрежительно¹³ и считало ниже достоинства родниться с ними. В этом смысле при Тюдорах и Стюартах вилланам жилось гораздо хуже, чем при Плантагенетах. В XIII–XIV вв. экономическое положение вилланов, возможно, было тяжелее, но в повседневности они должны были чувствовать себя лучше. Составляя в то время основную часть деревенского населения, рядовой виллан мог считать себя «членом влиятельной местной общины и представителем самого большого класса нации»¹⁴. Соседи не могли тогда попрекнуть виллана его «рабской кровью» – они сами были крепостными. Однако в XVI в. положение «последних вилланов» в этом смысле изменилось. Они стали для общества «нежелательным напоминанием об исчезнувшем порядке вещей»¹⁵. Во времена Генриха VIII, а особенно Елизаветы бондмены старались скрыть свое крепостное происхождение и избегали встреч с составителями описей.

Вот что писал А.Н. Савин о положении «последних вилланов» XVI в.: «Принадлежать

к презираемому общественному классу трудно даже тогда, когда он очень велик; бремя презрения становится невыносимой тягостью, когда оно не облегчается сознанием, что другие разделяют те же страдания»¹⁶. Очевидно, что получение личной свободы должно было быть страстной мечтой «последних вилланов». Однако эта цель не могла быть достигнута, например, женитьбой на свободной. В подобном случае, скорее, свободная «затемняла» свой статус фактом вступления в брак с вилланом, как это было прежде, в век крестьянской несвободы.

В XVI столетии виллан мог быть отпущен на волю лишь при условии уплаты большого выкупа, так что стремление к свободе разбивалось об угрозу утраты материального благополучия. Размер этого выкупа, зафиксированный в делопроизводстве Augmentation Office (Курии прибылей), равнялся одной трети всей движимости и недвижимости вилланов¹⁷. Это делает понятным обилие отпусков в XVI в.: особенно часто это явление наблюдалось на коронных землях. Освобождение «последних вилланов» было выгодной политикой.

Так, 7 января 1575 г. королева Елизавета обратилась с открытым письмом к сэру Генри Ли. В этом письме он назначался комиссаром по герцогству Ланкастерскому (коронные земли) с правом разыскивать «последних вилланов» и принудительно отпустить на волю 200 человек из их числа. Через полгода этот достойный человек получил от королевы второй патент, дававший ему право разыскать и отпустить на волю еще 100 вилланов¹⁸. Указанные цифры, кстати, свидетельствуют о значительном количестве «последних вилланов» среди сельского населения Англии XVI в.

Но совпадала ли политика правительства, направленная на освобождение вилланов, со стремлением к подобному действию хозяев этих крепостных, которые в первую очередь, вроде бы, должны были стремиться наложить руки на имущество бондов?

Рабочая сила этих последних представителей системы былого рабства была, может, почти и не нужна, но из них еще вполне можно было выжать некоторое количество денег. Ведь «последние вилланы», как пишет А.Н. Савин, нередко были очень зажиточными, могли держать до 10 виргат земли; 1/3 имущества таких крестьян оценивалась в 60–100 фунтов! Они и впрямь были весьма зажиточны – наши исследования также свидетельствуют об этом все еще малообъяснимом факте. В этом смысле можно сослаться на мое исследование манора Россендейл начала XVII в., который входил в поместный комплекс Рочдейл на Северо-Западе Англии. В этом маноре удалось обнаружить целую колонию «последних вилланов», вполне зажиточных, чьи условия держаний характеризуются, в частности, очень низкими рентами и файнами и основательными земельными участками¹⁹.

Вполне понятно, что манориальные лорды, особенно те из них, которые вели коммерче-

ски поставленное хозяйство, часто не хотели продавать зажиточным вилланам отпускных грамот, требуя от них завышенные фэйны, меркеты, герियोты и другие платежи и зачастую предпочитая именно эту политику процессу перевода бондменов на аренду (ведь аренда с ее полуфеодальными и даже краткими сроками не всегда была более выгодной по сравнению с политикой «выжимания» денег с материально обеспеченных «последних вилланов»). Еще

менее манориальные лорды стремились предоставлять короне возможность принудительно отпускать своих вилланов на волю, поскольку не хотели терять перспективы длительного или одномоментного обогащения.

Каков же был имущественный облик «последних вилланов» в манорах Пемброков в Уилтшире? Какова была судьба этих вилланов? Для того чтобы ответить на первый из этих вопросов, обратимся к табл. 4.

Таблица 4

Имущественный облик «последних вилланов»

Название манора	Имя держателя	Площадь участка, акр	Рента, шиллинги, пенсы	Файн, фунты, шиллинги
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд Ричард Годвин	45 32	6s.3d. 4s.	4£ 2£
2. Broad Chalke	Роберт Гров Ричард Пейн	23,5 19	3s.4d. 3s.	2,5£ 1,5£
3. Fuggleston	Томас Гуд Даниэль Сэнд	58 10	10s. 2s.	5£2s. 15s.
4. West Overton	Марта Бишоп	8	1s.10d.	1£
5. Wylve	Эдуард Горнси Кристина Пеготт	9,5 13	2s. 2s.6d.	1,5£ 1,8£
6. Olvediston	Агнесса Кенфик	30	4s.8d.	2£ 0,4s.
7. Bishopston	Томас Колмен	5	1s.	3s.
8. Chilmark	Мэри Витуайт Уильям Джонс	18 3	2s.9d. 0,5s.	2£ 1,5s.
9. Burcombe	Кристина Беймен	64	18s.	3£
Итого	14	338	61s.	23£ 47s.

Мы видим, что в числе «последних вилланов» во владениях этих графов не было чрезмерно зажиточных крепостных. Площадь трех наиболее крупных держаний равнялась 45, 58 и 64 акр. (в целом – 167) и составляла около 50% всей вилланской земли. Три малоземельных бондмена из 14 держали 4,7%.

Остальная земля (155 акр., или приблизительно 54%) находилась в руках того самого «среднего класса» вилланов, о которых А.Н. Савин писал как о крестьянах, вроде бы получивших свободу в конце XIV – начале XV века. По сравнению с целым рядом копигольдеров и даже свободных держателей в этих же манорах держания вилланов отличались явной стабильностью.

Как мы видим, в «порах» маноров юго-западной Англии все еще сохранялись следы былой несвободы именно в среде земледельческого крестьянского ядра. Это происходило, казалось бы, вопреки общей тенденции, которая, по свидетельству А.Н. Савина, специально занимавшегося этим вопросом, проявлялась в XVI в. в стране в целом. Она, по его мнению, была связана с консервацией в поместьях зажиточных и сверхзажиточных вилланов. Савин, в частности, приводит в пример одну исключительно богатую семью, целиком состоявшую из крепостных и уже во второй половине XV в. сосредоточившую в одном

из маноров значительное движимое и недвижимое имущество. Это достаточно хорошо известные Гензы, крупные мануфактуристы, чье имущество еще в 1435 г. оценивалось в 3000 марок²⁰.

Думается, что наличие в Уилтшире в 60-е гг. XVI в. вилланов-полувиригариев является во многом отражением специфики этого региона по сравнению с другими областями Англии – спецификой, связанной с малоподвижностью и традиционностью аграрных структур Юго-Запада. Так, наряду со сдачей домениальной земли в аренду, графы Пемброки сохраняли и барскую запашку (о чем свидетельствует уже факт наличия большого количества обработок в среде «последних вилланов» и части обычных держателей). Очевидно, манориальные лорды предпочитали постоянный и устойчивый доход, который приносила обрабатываемая вилланами-средняками земля, незначительному и «одномоментному» пополнению своего кошелька, которое могло бы последовать в результате выплаты этими вилланами 1/3 части их имущества, весьма незатейливого. Графы Пемброки и без того преуспели в коммерциализации своих поместий: они, как мы видели, превращали в аренду не только копигольд, но (с нарушением правовых норм) и фригольд, взвинчивали фэйны, «запускали» пашню под пастбище, изменяли условия держаний в невыгодную для крестьян сторону

и т.д. Думаю, с учетом этого обстоятельства, что они не слишком нуждались в пополнении доходной части своего бюджета за счет незначительных поступлений с «последних вилланов».

В этих манорах, кроме того, была значительной прослойка зажиточной копигольдерской аристократии (держателей участков типа мелких вотчин, площадь которых превышала 150 акров и достигала подчас 500–600 акров). Таковых в манорах Пемброков в XVI в. насчитывалось около 14%; они сосредоточили в своих руках примерно 34% площади обычного держания. Похоже, что именно эта прослойка в значительной мере удовлетворяла растущие запросы лордов в их стремлении к повышению доходности поместий – более чем потенциальный денежный вклад в манориальный бюджет от отпуска на волю «последних вилланов».

Некоторые данные о «последних вилланах» мы можем почерпнуть также из описей маноров Уалсден и Россендейл (упомянут выше) поместья Рочдейл в Ланкашире, которые фиксируют их наличие даже и для более позднего времени, а именно для первой четверти XVII столетия²¹.

Итак, мы видим, что анализ положения «последних вилланов» в Англии XVI столетия вносит определенные коррективы в наше понимание аграрной специфики этой страны в период генезиса капитализма и способствует несколько иному, отличному от традиционного, взгляду на проблему соотношения различных юридических категорий английского крестьянства в канун революции.

Примечания

¹ Вопрос о «последнем вилланстве» изложен также в моей монографии об английском маноре. См.: *Ви-*

нокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004, С. 217–228.

² *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 46.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ См.: *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–67* / Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909.

⁶ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 19.

⁷ См. также: *Винокурова М.В.* Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI века? // *Средние века*. М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.

⁸ Здесь мы, не вдаваясь в тонкости терминологии манориального права, ставим знак равенства между обычными держателями и копигольдерами (собственно, в историографической практике эти понятия традиционно считаются практически идентичными).

⁹ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Бовата составляла примерно 15 акров.

¹² См.: *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 47–52.

¹³ Там же. С. 40–52.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43, 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 46 и след.

¹⁹ См.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора... С. 289–345.

²⁰ Там же. С. 55–57.

²¹ См.: *The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majestys Attorney General, made in 1626* / Ed. by H. Fishick. Manchester, 1913.

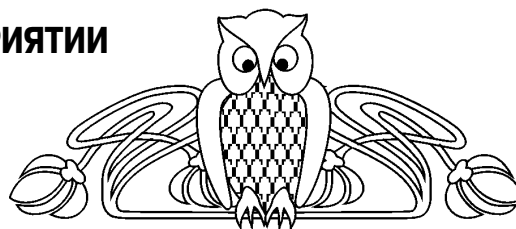
УДК 950

ВЛАСТЬ В ВОСТОЧНОМ ГОРОДЕ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О.В. Королева

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема складывания представлений английских путешественников о властных отношениях в восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Для реализации своих интенций европейцы нуждались в других культурных ареалах. Восточные города в их восприятии были местом концентрации государственной «бюрократической» власти, представленной наместниками верховного правителя, и где отсутствовали какие-либо намеки на автономию, не говоря уже о каких-то правах горожан. Путешественники

предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности, что позволяло европейцам в раннее Новое время заявить о своем превосходстве над мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями.

Ключевые слова: образ власти, образ Другого, восточные правители глазами английских путешественников, восточный город, путешествия англичан в раннее Новое время, записки английских путешественников, диалог культур.

Power in Eastern City in Perception of the English Travellers at the End of XVI – Beginning of XVII Centuries

O. V. Koroleva

This article has analysed the portrayal of eastern countries as «another» culture by English travellers. The endeavour was to show what were early modern English perceptions of «Eastern» power. The «backwardness» of the «others» was portrayed in the English travel writings through critical remarks concerning the political system of the eastern countries. English traveller had the same view and thought that eastern cities were rich but they needed a good government. In the English travel writing of East, a ruler quickly becomes the focus of the civilized/barbaric binary. Eastern ruler (supreme or local) and his power were depicted as despotic if not tyrannical, controlling all aspects of his subjects' lives. Travellers preferred to write about the absence of freedom, safety and private property that allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-european civilizations during early modern time.

Key words: early modern English travels, eastern rulers through English travellers eyes, English travel-writing, Eastern city, cultural Dialogue, English image of Eastern Other, English imaginary of «Eastern» power.

Исследования по истории европейского средневекового города позволяют говорить о том, что город в эпоху стремительного подъема городской цивилизации Запада играл особую роль в сознании человека того времени, а описания городов занимали важное место в средневековых книгах о путешествиях европейцев на Восток. С расцветом крупных торговых центров и ростом политического влияния городов Европы интерес путешественников к городам усиливался. Интересно проследить, вызывал ли город, как феномен, интерес у путешественника в раннее Новое время? Выбор города в качестве площадки, где происходит соприкосновение культур, представляется интересным, поскольку образ города вмещает в себя множество различных образов и культурных символов. Город представляет интерес «как сложный социальный организм, и как поле политических битв и манифестаций, и как сосредоточие культурных и цивилизационных достижений, и как пространство особого языка и особой речи»¹. Но, прежде всего, город является пространством, организованным по своим собственным законам, со своей социальной и политической жизнью. «Наконец, – как пишет Ф. Бродель, – не существовало городов без власти, одновременно и защищающей и принуждающей, какова ни была форма такой власти, какая бы социальная группа ее ни воплощала»².

В связи с этим интерес представляет реакция европейских путешественников, в частности англичан, на общественные отношения в восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Какой представлялась им власть в восточном городе, какое место в жизни города занимала верховная власть, что они думали о правах горожан? Каково было их отношение к виденному? Решение этих

задач даст возможность понять, какие проблемы интересовали английских путешественников как носителей европейской городской культуры.

По словам Д.Н. Замятина, в процессе формирования образа путешествия задействованы «механизмы осознания и осмысления пространства»³. Исследование ментальности английских путешественников на Восток позволяет, используя диалогический подход к взаимоотношению культур, интерпретировать диалог между «своим» и «чужим» с точки зрения места и роли в нем человека. Записки англичан о своих путешествиях к востоку от Персии, ставшие объектом нашего исследования, представляют собой, в некотором роде, путевые отчеты – описание перемещения в пространстве, занесенное в дневник в соответствии с соблюдением хронологии. Среди тех, кто познакомил английских читателей со своим видением восточных стран, были торговцы, капитаны, доктора, священники, руководители экспедиций, но всех их объединяла непосредственная причастность к Ост-Индской компании. Руководство Ост-Индской компании с уверенностью заявляло, что может извлечь максимум выгод, приложив лишь небольшие усилия, чтобы достигнуть соглашения с местными властями⁴. Поэтому путешественники наделялись не только особыми торговыми полномочиями, но и должны были в своих отношениях с восточными властями представлять короля Англии.

Попытаемся ответить на вопрос – понимал ли европеец принципиальные отличия отношений восточного города с центральными и местными органами власти?

Прежде всего, обратимся к проблеме взаимоотношений городов Востока с центральной властью. Для европейцев было привычно, что у городских корпораций есть свои права, которые признаны не только различными государственными структурами, но и верховными правителями. Эти права (как, впрочем, и обязанности) фиксировались документально. С чем же сталкивались европейские путешественники в восточных городах?

В записках путешественников восточное государство предстает как деспотическое, а персонификацией произвола и своеволия является сам деспот в лице правителя. В один голос представители всех наций, путешествовавшие по Могольской империи, будь-то во времена Джахангира, Шах-Джахана или Аурангзеба, говорили о высокой концентрации власти в руках верховного правителя. Поэтому не случайно в записках путешественников образ восточной страны неотделим от образа восточного правителя. Необходимо отметить, что английские путешественники до прибытия в Могольскую империю и «знакомства» с «Великим Моголом», как они называли падишаха, имели опыт общения с «Великим Туркой», правителем другой восточной страны – Османской империи. Свой опыт пребывания в Османской

империи и поведения при дворе османского султана они охотно распространяли на другие восточные страны. Наличие опыта общения с правителями восточных государств в некоторой мере влияло и на «отбор» кандидатов на роль представителей Англии при могольском дворе. Так, в официальных документах Ост-Индской компании назначение Томаса Роу на должность английского посланника при дворе Джахангира объясняется тем, что он характеризуется как «мужчина богатого ума, оратор, трудолюбивый ученый с приятной внешностью», а «такая комбинация качеств полезна в любой дипломатической миссии, но это особенно ценно при восточном дворе», где «личное мнение монарха определяет и общественное мнение»⁵.

Однако после прибытия в Индию английским путешественникам казалось, что они вступили в новый, чужой для них мир, к встрече с которым они были не достаточно подготовлены. Неудачные попытки англичан заполучить шахский фирман на свободную торговлю в Индии показывают непонимание ими природы могольской власти. Журнал Роу как нельзя лучше отражает восприятие ее англичанами. Перед английским послом при дворе Джахангира стояла задача заключить надежное соглашение, которое бы гарантировало свободную торговлю англичанам на территории Могольской империи и, таким образом, положило бы конец постыдным притеснениям, произвольным пошлинам и конфискациям, которые англичане терпели от рук местных властей⁶.

Необходимо отметить, что даже благосклонность падишаха не давала Ост-Индской компании 100%-ной гарантии для спокойной торговли в стране. По фирману Компания должна была платить пошлину только в порту⁷. Однако английские путешественники жаловались на местные власти, которые нередко чинили англичанам препятствия, а порою, как они писали, «обманывали» их. Так, капитан Уолтер Пейтон возмущался непомерными поборами со стороны могольских чиновников в Сурате, куда он прибыл 18 сентября 1615 г. Оскорбленный путешественник пишет, что их, как и всех торговцев, тщательно обыскивали, даже карманы. «По обычаю этой страны, – пишет Пейтон, – человек должен заплатить таможенную пошлину за каждый доллар в его кошельке, или хороший нож в его кармане; а если у него имеется какая-нибудь редкая вещь, с полной уверенностью можно сказать, что ее у него изымут под предлогом покупки»⁸.

Несмотря на то, что европейские путешественники в один голос заявляли об очень высокой концентрации власти в руках верховного правителя – падишаха, местные правители находили способ обмануть его, пользуясь тем, что не было четкого определения прав и обязанностей во взаимоотношениях «элиты» общества с властью. Т. Роу сообщал о злоупотреблении правителями

портовых городов привилегиями, дарованными «королем». Они были наделены правом сбора налогов и торговых пошлин, которые, как пишет Роу, часто «обращают их к своей собственной прибыли»⁹. Отсутствие законов «на бумаге», по его словам, развязывало руки как верховному правителю и его придворным, так и его заместителям в городах.

Термин «взятка», употреблявшийся англичанами по случаю вынужденного подношения ценных подарков падишаху и местным властям, верно отражал ситуацию, но был неуместен применительно к восточному обществу. Здесь подарки были не нарушением закона, а нормой поведения нижестоящего лица по отношению к вышестоящему. В восприятии англичан это было еще одним проявлением варварской сущности Востока.

Обвиния в своих записках восточную власть в коррупции, путешественники, казалось, забывали, что отношения патроната в европейских странах считались вполне естественными и необязательно воспринимались как коррупция. Однако, по своей сути, они именно такими и были, поскольку подразумевали плату для патрона или маклера. Лишь в конце XVIII в. этот буржуазный взгляд на подношения как на взятку возобладал в европейском обществе¹⁰.

Несмотря на почти трехлетнее пребывание Роу при дворе падишаха, он так и не смог получить «надежного» письменного документа, в котором бы перечислялись торговые права англичан. Как свидетельствует путешественник, Джахангир мог дать письменное разрешение – фирман, которое шло вразрез с более поздним устным соглашением¹¹. Когда Роу понял, что его ожидания были обмануты, вместо того, чтобы увидеть причину неудачи в собственном высокомерии и заносчивости, он сделал вывод, что для Моголов сила письменного слова ничего не значит. Покидая эту «страну без кодекса и закона, управляемую капризом и волей монарха», он восклицал в гневе: «... тяжелый труд с варварами и бесчестными людьми выше моих терпений»¹². В письмах руководству компании Роу неоднократно жаловался на прием, сетуя на то, что «аборигенам» не под силу понять, что в Европе значит статус и ранг посла. Он рекомендует в будущем нанять агента для исполнения подобных обязанностей, который мог бы стерпеть эти публичные унижения и обиды, которые он, как посол, не мог вынести¹³. Это заблуждение англичан насчет шахского фирмана было одним из многих случаев перенесения европейцами своих понятий на восточные реалии. Они полагали, что он будет таким же обязательным к исполнению и эффективным, как хартия, полученная от английского короля. Однако для самого падишаха ограничение его власти какими-то обязательствами было странным и нежелательным.

Первые англичане, прибывшие в Могольскую империю, с трудом могли разобраться в системе

управления городов. Английские путешественники отмечали, что в одном городе могло быть несколько «правителей», что приводило их в замешательство при прибытии в тот или иной город, поскольку они не знали, к кому из них нанести первый визит. Например, с этой проблемой столкнулся Уильям Хоукинс, прибывший в Сурат 24 августа 1608 г. На таможене он узнал, что правление Суратом принадлежало двум «вельможам» – «вицекоролю Декана Хан-Хану» и «вицекоролю Гуджарата Мукроб-Хану»¹⁴. Необходимо заметить, что морские порты, в частности Сурат, ввиду их особой значимости не были в ведении провинциальных, областных или окружных властей. Назначение сюда чиновников производилось непосредственно из центра. Так, порт Сурат оставался в распоряжении падишахской казны. Два правителя Сурата, упомянутые Хоукинсом, вероятно, были мутасадди¹⁵ Сурата Мукарраб-Хан и назим Гуджарата Хуррам¹⁶. Когда «посланник короля Англии Якова IV», как назвал себя Хоукинс, обратился к главному чиновнику таможенной службы с намерением основать факторию в Сурате и торговать английскими товарами, тот ответил, что он сам ничего не может сделать без распоряжения «хозяина», как он назвал Мукарраб-Хана, который в то время был в Камбее. Тогда англичанин отправился к «Хан-Хану», который в то время находился в городе, но ему было отказано в приеме по причине его плохого самочувствия. Интересно то, что сам Хоукинс был уверен, что правитель, будучи «человеком в возрасте», злоупотребил опиумом. Однако и визит к нему на следующий день не принес путешественнику никаких результатов, поскольку, выслушав рассказ о торговых планах англичан в Сурате, он ответил, что решение таких вопросов не входит в его компетенцию, а все вопросы торговли и мореплавания находятся в ведении Мукарраб-Хана. Однако, как оказалось, Мукарраб-Хан, ответ от которого из Камбея привез посыльный, не мог позволить англичанам основать факторию и торговать в городе без санкции на то «императора» и советовал отправиться ко двору¹⁷. Таким образом, в записках У. Хоукинса Сурат предстает бюрократическим городом, не имеющим самостоятельного, автономного управления, подчиненным непосредственно власти «Великого Могола». И экономическая жизнь города была под полным контролем центральной власти, о чем будет сказано ниже.

Для понимания положения и роли восточных городов важно учитывать, что, по сообщениям большинства европейских путешественников, земля в Могольской империи была собственностью государства. Значительная часть земель, в том числе и города, отдавалась на правах условного ненаследственного служебного владения военачальникам. На доходы от этих наделов они были обязаны содержать отряды воинов, количество которых соответствовало чину военачальника и

размеру земельного владения. Английский дипломат Томас Роу рассказывал, что правитель Паттана, который в то же время являлся правителем четырех бенгальских городов, получал огромный доход от своих владений. В его гарнизоне насчитывалось 5 тысяч лошадей¹⁸. Также Т. Роу описал свою беседу с этим правителем относительно доходов казны падишаха и способов их увеличения. Англичанин узнал, что казна верховного правителя пополнялась разными способами: за счет конфискаций, подарков и вычетов у главных чиновников. Правительство каждой провинции должно было ежегодно платить определенную ренту «королю».

Ф. Бернье характеризовал способ существования гражданских и военных чиновников как паразитический. По его словам, такая полная зависимость наместников от верховной власти превратила их в «распутных нахлебников»¹⁹. В рассказе англичанина Э. Терри также встречаются похожие слова в адрес чиновников. Он называет их «распутниками», в которых они превратились благодаря огромным доходам от владений, полученных ими от падишаха за службу и благодаря его покровительству²⁰. Однако, как пишет Э. Терри, это был не единственный источник их доходов. Он жалуется на городских чиновников, которые только и ждали «проявления милости» со стороны правителя и подарков от всех, кто к ним обращался, по любому случаю. С некоторой долей иронии он пишет о том, что если им не хватало подарков, то они сами просили их, а если это не помогало, то грозились уйти в отставку²¹.

Свое недовольство местными правителями оставил в журнале и У. Хоукинс, который отмечал, что ни Акбар, ни Джахангир не могли справиться с произволом властей в отдаленных провинциях²². По его словам, в своих провинциях они делали все, что хотели, и «порою игнорировали самые элементарные статьи законов»²³.

Английские путешественники говорят не только о беззаконии в государстве, но и о бесправию местных городских властей. Так, со слов Э. Терри мы знаем, что падишах в целях ограничения влияния правителей на местах не позволял наместникам долго оставаться на одном месте, чтобы избежать приобретения популярности, и обычно они ежегодно перемещались с места на место²⁴. Ф. Бернье объяснял отсутствие в Могольской империи крепких и крупных землевладельцев тем, что им не была гарантирована сохранность их владений. По словам путешественника, неотъемлемой частью их жизни было беспокойство о том, чтобы у «короля» не изменилось настроение и отношение к ним. Для могольского «омраха»²⁵, как пишет французский путешественник, «улыбка короля предвещала жизнь и благополучие, а его недовольство влекло за собой если не смерть, то разорение»²⁶. Ф. Бернье неоднократно подчеркивает в своих записках, что отсутствие частной собственности на землю непременно влечет за

собой такие последствия, как тирания, несправедливость, нищету и варварство, поскольку, когда землю прекращают обрабатывать, она превращается в унылую пустыню, что, по его словам, является прямой дорогой к разорению королей и краху народов.

Европейские путешественники писали о «странном» способе получения титулов в Могольской империи. Ф. Бернье отмечал, что он не зависел от обладания землей. У. Хоукинсу также показалось «необычной» социальная иерархия в Могольской империи, которая носила военный характер. Он пишет, что в отличие от «христианского мира, где титулы принцев, герцогов, маркизов, графов говорили о знатном роде их обладателей, моголы определяли их по количеству лошадей, которые были в их распоряжении»²⁷. У. Хоукинс попытался разобраться в титульной системе Могольской империи и пришел к заключению, что самые высокопоставленные особы, кому «король» благоволил, «удостаивались чести» называться «ханами». «Султанами» могли быть лишь сыновья падишаха, которые командовали самыми большими войсками из 12 тысяч всадников, а «эмирами» – сыновья его брата. Титул «хана» У. Хоукинс считал эквивалентным европейскому титулу «герцог», хотя в Персии он по важности соответствовал «графу» или «князю» в Европе²⁸. Попытки У. Хоукинса разобраться в этом вопросе, вероятно, вызваны двумя причинами. Во-первых, представлялось очень важным и полезным выяснить, к кому же обращаться за поддержкой в коммерческих делах англичан, поскольку, как оказалось, в городах было несколько правителей. Во-вторых, падишах предложил У. Хоукинсу остаться при его дворе, даровав ему имя «инглес хан», что сам англичанин перевел как «английский лорд». Путешественник принял предложение «императора» с мыслью, как он пишет, что «это будет на благо его отечеству»²⁹. Не последнюю роль сыграло королевское «жалование», составлявшее 4200 стерлингов в год, что соответствовало оплате командующего 400 всадников, и обещание, что оно будет расти ежегодно.

По словам английского посланника ко двору Джахангира Т. Роу, чиновники-военачальники, назначенные из центра и управлявшие могольскими провинциями и городами, были важнее особ королевской крови. Он пишет, что у «принцев» были лишь их «королевское имя и богатство», а заправляли всем военные³⁰. Эти слова путешественника, хотя и свидетельствуют о непонимании им природы могольской власти, показывают, что могольский город с его мощными крепостными стенами воспринимался англичанами как «военный лагерь», единственной целью которого было усиление правящего режима путем укрепления военной мощи.

В глазах путешественников хорошо укрепленные города были символом сильной власти восточных правителей, от которых зависели не

только судьбы подданных, но и самих городов. С этой же целью они часто писали об огромных размерах восточных армий, как о признаке могущества восточного правителя и как об инструменте, с помощью которого этот тиран-деспот мог навязать подданным свои самые разные желания. Английские путешественники отмечали, что восточные правители командовали армиями, которые были намного больше (но не лучше), чем у европейских монархов. Восточная армия была не только инструментом для расширения владений правителя, удовлетворяя его непомерные аппетиты в богатстве и «жажде крови», она была призвана держать в подчинении его подданных. Это основывалось на убеждении европейцев в том, что отношения между правителями-«тиранами» и подданными строились на страхе, а не на любви и обожании, как казалось на первый взгляд.

Так, власть правителя Пегу, которая распространялась и на соседние государства, в представлении английских путешественников обеспечивалась его исключительной силой и военной мощью. Р. Фитч был впечатлен огромной армией короля, который в то время отправлялся войной на Аютию в Сиаме. Королевское войско, состоявшее из 5 тысяч слонов, кожа которых «настолько толстая, что является непроницаемой для пуль мушкетов», и 300 тысяч человек, было практически непобедимым и опасным для соседей³¹. Однако Фитч видел многие недостатки военной организации бирманцев и считал, что они не устояли бы перед европейцами. По его оценкам, войско короля Пегу не могло представлять серьезной опасности для европейцев, поскольку «оружие у них очень плохое, их мечи короткие с тупым лезвием», а «из аркебузов плохо стреляют»³².

При всех недостатках, которые английские путешественники приписывали «деспотичному» восточному правлению и которые неминуемо, по их словам, вели страну к упадку, они смогли увидеть положительные моменты в управлении государством. С одной стороны, Т. Роу ничуть не сомневался в том, что Могольская империя в скором будущем будет разорвана на куски из-за обременительной и неконтролируемой власти падишаха и будет охвачена беспорядками³³. В то же время он одобрял инициативу «Великого Могола» принимать участие в решении различных государственных дел, чтобы быть в курсе всего, что происходит в его владениях. По словам английского посла, оставившего описание распорядка дня Джахангира, ежедневно в 8 часов вечера, после ужина падишах вместе с самыми знатными лицами государства обсуждает государственные вопросы, принимает решения по разным делам, которые регистрируются присутствующим здесь секретарем³⁴. Для английского посла важным представляется то, что «любой человек, кому интересно, за два шиллинга может посмотреть этот официальный список»³⁵. Таким образом, отмечает он, простые люди при желании могли

знать о государственных делах столько же, сколько советники падишаха. Кроме того, ежедневная информация о действиях короля и его резолюциях распространялась в качестве новостей, и любой человек, даже мошенник, мог ее свободно обсуждать и даже критиковать. С трудом верится, что эти слова в адрес могольской центральной власти принадлежали высокомерному Т. Роу, который постоянно указывал на недостатки могольского правления. Вероятно, в такой трактовке восточной власти нашли отражения фобии и предпочтения самого Роу, поскольку в «Чужом» видят то, чего не достаёт или не допущено у себя. Тем не менее английскому путешественнику удалось увидеть, что восточный правитель не мог действовать только по своей прихоти. Мусульманский правитель никогда не ставил под сомнение правила, сложившиеся с давних пор, и был связан нормами и условностями, регулирующими его поведение. Т. Роу пишет, что такой распорядок дня падишаха могли нарушить лишь болезнь «короля» или пребывание его в состоянии опьянения, что всегда предавалось огласке. Это позволило Роу сделать вывод о том, что не только все поданные падишаха были рабами, сам он также зависел от них, что было связано с соблюдением этого распорядка. В противном случае люди, не увидев однажды в окне своего короля и не получив «толкового» объяснения причины его отсутствия, подняли бы мятеж³⁶.

В Европе, обеспокоенной вопросами о формах государственного правления, не только образ Могольской империи неразрывно связывался с восточной тиранией и правителем-деспотом, подчинившим себе все и всех в своем владении. В записках английских путешественников встречаются негативные определения и эпитеты в отношении властных структур других восточных государств.

В описаниях индийских государств английские путешественники развивают мысль о том, что чем богаче восточный правитель, тем он могущественнее. Богатством, в представлении английских путешественников, было «все то, что необходимо для потребления и удовольствия – красивые города, сильные крепости, приятные поля и лучшие минералы, множество рек, которые улучшают землю, которая дает зерно, скот, фрукты»³⁷. Обладание богатством и властью, по словам европейцев, позволяло восточному правителю относиться с презрением к своим соседям. Так, Малабар воспринимается Т. Гербертом как «богатая и известная часть Индии», которая находится в подчинении «Великого Самарина» (по аналогии с «Великим Моголом» или «Великим Туркой». – О.К.). Мало того, что он, по словам англичанина, ходит голым, т.е. одет «не поцивилизованному», его управление и поведение также далеки от идеала в их представлении. На страницах рассказа Герберта «Великий Самарин» предстает в образе «высокомерного тирана»³⁸.

Говоря об отношениях между центральной и местной властями в этом «королевстве», он изумлялся покорностью местной «аристократии», которая позволяла «королю» обращаться с собой, как с рабами. Герберт пишет, что представители знати «добровольно терпели вольности деспота», что самому англичанину казалось недопустимым обращением, «противным природе»³⁹. Однако, как подчеркивает Герберт, со своими подчиненными они обращались точно так же, как «Самарин» с ними, тем самым копируя его поведение.

Кроме «Великого Могола» и «Великого Самарина» английские путешественники упоминали и других индийских правителей, которые, на их взгляд, могли называться влиятельными и могущественными. По словам Герберта, любого индийского «короля» можно считать «значительным» монархом, поскольку все они очень богаты⁴⁰.

Правители индонезийских государств мало чем отличались от индийских монархов. По словам Джона Дэвиса, главным «законом» «королевства» Ачех было желание султана. Он пишет, что в его владениях невозможно было найти ни одного вольного человека, поскольку «жизнь и собственность каждого человека находились во власти короля»⁴¹. Султан, по сведениям Дэвиса, управлял своим королевством с помощью 5 главных министров и 4 «субадаров». «Субадаром» англичане называли главного чиновника таможенной службы портового города, о котором также писали, как о «короле» порта. Эти главные государственные лица, как отмечал Дэвис, располагали собственными чиновничьими аппаратами и обладали всеми властными полномочиями⁴².

Власть в приморских городах (а англичане путешествовали и основывали свои фактории именно здесь) принадлежала наместнику, обычно связанному родственными узами с семьей верховного правителя и высшей аристократической верхушкой. Однако рассказ Д. Дэвиса об истории Ачеха и жизни султана «Аладдина»⁴³ свидетельствует о том, что даже простой рыбак мог стать «королем». Отличившийся храбростью и сообразительностью на войне командующий королевскими галерами «Аладдин», который до этого занимался ловлей рыбы, как и многие местные юноши, заслужил покровительство предыдущего «короля» и был назначен «адмиралом»⁴⁴. Вскоре, по сведениям Дэвиса, он стал командовать не только морскими, но и всеми сухопутными силами Ачеха. Кроме того, «Аладдин» получил в жены ближайшую родственницу «королевы». После внезапной смерти «старого короля», несмотря на возражения знати, он стал опекуном маленького наследника, который был сыном его единственной дочери. Однако впоследствии в рассказе путешественника «Аладдин», который казнил более тысячи вельмож, убил наследника и провозгласил себя правителем Ачеха, из героя превратился в алчного и кровожадного «зверя»⁴⁵.

Вместе с ним к власти, по словам англичанина, пришли «мошенники». Таким образом, в восприятии Дэвиса «Аладдин» предстает деспотом, который ради собственной выгоды и безопасности насильно с помощью подчиненных ему военных сил установил режим террора и издал «новые законы». Дэвис пишет: «Он силой держит королевство 20 лет, и нет угрозы для незаконно захваченной им власти»⁴⁶.

В глазах английских путешественников власть в Бантаме практически ничем не отличалась от власти в Ачехе. По словам Э. Скота, вся власть здесь сосредотачивалась в руках «абсолютного» монарха, полномочия которого ничем не ограничивались, и распространялась на весь остров. В его представлении власть была тиранической, и поэтому несправедливой⁴⁷. Кроме того, чтобы эта власть выглядела по-настоящему восточной, он пишет, что «люди, стоящие у власти – большие взяточники»⁴⁸.

Письма первого в Японии англичанина У. Адамса, в которых он восторженно отзывается о японцах и государственном управлении этой страной, на первый взгляд могут показаться странными, поскольку европейцу не свойственно такое «дружелюбное» отношению к «варварской» стране. Роберт Маклей в своей статье утверждает, что, изображая в письме Японию как идеального потенциального торгового партнера, У. Адамс, пытался «завлечь» англичан на остров для своего спасения⁴⁹. По его словам, У. Адамс, многие годы служивший советником при дворе Токугавы Иэясу, хотел вернуться на родину. В его описании японцы «добродушны, чрезмерно учтивы и отважны в бою, строго исполняют законы»⁵⁰. Что касается управления государством, то англичанин признает его безупречным. В письме к жене он писал, что «ни в одной стране мира не найти лучшего управления государством», и признавал это правление «цивилизованным»⁵¹. Его слова находят подтверждение и в отзывах о своем пребывании в Японии другого английского путешественника Артура Хатча. Он отдает должное ее правлению и признает, что в этом отношении она «может выдержать сравнение со многими, если не большинством в Христианском мире»⁵². Далее А. Хатч продолжает, что, несмотря на то, что у «императора всего пять личных советников», государство управляется «мудро, искусно и осмозрительно», чтобы «предотвратить государственные измены и восстания, соблюсти закон и сохранить мир и спокойствие»⁵³. Тем самым А. Хатч признавал сильную власть токугавского правителя. Следует заметить, что, как правило, европейские путешественники, английские в их числе, в текстах о Японии «императором», реже «королем», называли сёгуна. Чаще всего «королями» они считали владетельных князей – даймё, а провинции, которыми они управляли, – королевствами. Так, в письме Хатча «императором», управляющим Японией, именуется сёгун Токугава Хидэада, сын Токугава Иэясу⁵⁴.

В сочинениях английских путешественников Япония изображается страной, где все подчинено «императору» и закону. Англичанам, занятым поисками деловых контактов и налаживанием торговых связей, было некогда постигать духовный мир японцев, их культуру и религию. Это не входило в их задачи. Поэтому порядок, как в общественной, так и в частной сфере жизни местного населения они считали заслугой умелого правления.

Каковы были взаимоотношения между центральной и местной властями в Японии в представлении англичан? Желая дать более наглядное представление о системе жесткого контроля правительства над даймё, А. Хатч образно сравнивал «императора» с морем, а «принцев» – с реками. Он говорит: «В отличие от рек, несущих свои воды в море в благодарность за то, что берут их оттуда, принцы ничего не получают от императора, отдавая ему все, что имеют»⁵⁵. Англичанин удивлялся, наблюдая, как «принцы» лишались всего, отдавая «императору» золото, серебро, драгоценности и редкие товары, а получая в благодарность от него гусиное перо или кимано. Более того, они соревновались между собой в том, у кого лучше и ценнее подарок, как символом их преданности правителю. А Хатч объясняет это «мудростью» «императора», который таким образом препятствовал знатым людям богатеть и становиться достаточно сильными, чтобы восстать против него. Несомненно, англичанам при первой встрече с японской культурой было не под силу разобраться в ее основополагающих принципах и этических и религиозных традициях японцев. Согласно конфуцианской теории государства, преданность и доверие подданных к правителю ведут к укреплению государства и позволяют успешно управлять им. Англичане, удивляясь японцам, настроения которых превалировали в пользу централизованного государства и верховного правителя, причем в ущерб своим собственным, видели в этом лишь заслугу сильного и властного правления. С той же целью, по словам А. Хатча, увеличивались налоги на строительство крепостей, ремонт фортификационных сооружений. Р. Кокс также сообщал, что стал свидетелем того, как «управляющий» «старого короля» Семидоно с подчиненными проехал по городу Хирадо, чтобы «оценить все дома с целью обложения налогом на строительство замков, что предписывалось императорским указом»⁵⁶. Централизации и усилению власти способствовала система заложничества⁵⁷, согласно которой «принц» должен попеременно жить в своем владении и при дворе императора⁵⁸. В такой строгой зависимости князей от правителя англичанин видел гарантию спокойствия и порядка в стране.

В письме от 10 декабря 1610 г., адресованном лорду Солсбери, Кокс оценивал правление Японии как «самую большую и сильную тиранию, о которой когда-либо слышали в мире»⁵⁹. Право суда над даймё, так же как над остальными «рабами»,

было полностью в руках «великого военачальника». Кокс говорил, что малейшего подозрения или испорченного настроения «императора» было достаточно, чтобы наложить на неугодных наказание – смертную казнь посредством хакари и уничтожения рода провинившегося даймё⁶⁰.

Иллюстрацией абсолютной и деспотичной власти сёгуна в глазах англичан служит инцидент, описанный в письме от 22 мая 1616 г. английским торговым агентом в Мияко Ричардом Уикхэмом. Сёгун Иэясу приказал казнить своего врача, поскольку тот не мог вылечить его. Врач осмелился назвать «императора» настолько «старым», что «лекарство не могло действовать на его тело столь же эффективно, как на молодое»⁶¹. Однако, надо отметить, что вскоре умер и сам Иэясу, несмотря на сравнительно хорошее здоровье, по утверждениям Уикхэма, 74-летнего правителя.

Япония отличалась от других восточных стран тем, что брать «взятки» было привилегией «императора». Джон Сэрис был очень удивлен, когда один высокопоставленный чиновник при дворе сёгуна, опасаясь за свою жизнь, отказался принять от него подарок. Он, «от всего сердца» поблагодарив англичанина, ответил, что, приняв подарок, он бы нарушил приказ сёгуна и распрощался бы с жизнью. Однако в удаленных провинциях местные правители – даймё не отказывались от подарков, как своих подданных, так и от иностранных путешественников.

Если правители восточных городов и провинций, по словам английских путешественников, находились под полным контролем центральной власти и не были застрахованы от произвола со стороны верховного правителя, что уж говорить об обычных обитателях восточных городов, которые были совершенно бесправны как перед верховной властью, так и перед местной.

Англичане были ослеплены богатством и роскошью восточных городов, изобилием всевозможных ценных товаров высокого качества. Однако от глаза самых внимательных путешественников не скрылось то, что богатства и сокровища находятся в хранилищах восточных правителей и его приближенных. Путешественники отмечали, что в восточных городах не существовало особого имущественного или процессуального права, которым располагали горожане. Это, по словам У. Хоукинса, позволяло восточным правителям присваивать личное имущество своих подданных после их смерти. Он рассказывал, что видел, как после смерти одного «знатного сеньора или принца из язычников» Раджи Гаджината все его личное имущество, в том числе драгоценности, серебро и золото, перешло «Великому Моголу»⁶².

Восточный правитель был не только владельцем земли и главным вершителем судеб своих подчиненных, но и через своих ставленников, будь-то в провинциях или городах, вмешивался в такие сферы жизни города, которых европейцы и не могли представить. В условиях строгого го-

сударственного контроля велась как внутренняя, так и внешняя торговля. Э. Терри пишет, что могольский правитель был монополистом денежных средств и драгоценных камней, которые также должны были символизировать его богатство. По его сведениям, в казну падишаха «ежегодно из Европы перетекает большое количество денег, серебра, которые там и остаются» и преумножают его бесчисленные сокровища⁶³. Ведь по «законам» страны можно было только ввозить серебро, а вывозить купленные на него товары. Человек, нарушивший этот «закон», объявлялся преступником и приговаривался к смерти.

Упорядочению административно-налоговой системы и централизации власти способствовала и реформа Акбара, вводившая во всей империи единую систему денежных знаков – рупии и мохура – с твердым содержанием серебра и золота. Э. Терри не случайно оставил подробное описание денежной системы Могольской империи, связывая ее с могуществом «Великого Могола» и называя его самым великим из известным монархов Востока. Он отмечал, что деньги играли не только экономическую, но и символическую роль. Э. Терри пишет: «Каждая монета или слиток, который прибывал в эту страну, расплавляется и очищается от примесей, на них ставится клеймо Могола с его именем и его титулом, написанными на персидском»⁶⁴. Тем самым не только поданные «Великого Могола», но и иностранцы, прибывавшие в страну, должны были признать над собой его власть, хотели они этого или нет. Причем по качеству местные монеты превосходили европейские. По словам Терри, они были сделаны из более чистого серебра, чем те, которые он видел до этого. Даже испанский пиастр, который считался в Европе самой чистой монетой, проигрывал индийским деньгам в этом отношении.

По сведениям Альберта де Мандельсо, внешняя торговля находилась под строгим контролем чиновников, назначенных лично падишахом. Во избежание опустошения казны под страхом смерти нельзя вывозить за пределы империи местные деньги. Ни ремесленник, ни торговец не может расплатиться по долгам с иностранными купцами местными деньгами. Несмотря на то, что ремесленники и торговцы создавали богатства городов, и эти богатства давали много налогов правителю и его приближенным, по словам А. Мандельсо, они переживали трудные времена. Он сочувствует торговцу, которому из-за невыносимого притеснения со стороны мусульманских правителей, чтобы хоть что-нибудь сохранить, остается лишь, «притвориться, что у него ничего нет»⁶⁵. У. Хоукинс рассказывает историю о том, как один индус-торговец приобрел крупный алмаз за тысячу рупий и попытался скрыть его. Падишах, возмущенный столь дерзким поступком, поскольку лишь он может владеть «самыми прекрасными камнями», решил сурово его наказать. По «неписанным законам» империи каждого, кто решится приобрести камень более

пяти каратов, не показав его падишаху, ожидала смерть. Этого ювелира спасло лишь предупреждение, и ему пришлось преподнести алмаз в подарок правителю⁶⁶.

В провинциях и городах, которые были элементами максимально централизованной системы управления, местные правители, на их взгляд, копировали своего «владыку всего сущего». Показательны в этом случае слова правителя Ахмадабада перед посольством из Гольштейна. По его словам, местные правители должны были вести себя в своих владениях так же, как и могольский падишах. Он пишет: «Страх заставляет подавлять нас постыдные поступки. Если бы я поступал по-другому, я бы не был больше хозяином Ахмадабада»⁶⁷. Местные правители, по рассказам европейских путешественников, не стеснялись грабить разные слои городского сословия – лавочников, торговцев-разносчиков, базарных маклеров. Не были застрахованы от произвола местных властей и более состоятельные торговцы и ростовщики. Европейцы свидетельствовали о том, что «баниа или другой купец не может стать по-настоящему богатым, если не заручится поддержкой кого-либо из знати, иначе ему грозит разорение. Ибо губернатор или эмир не успокоится до тех пор, пока все сокровища, все имущество купца не окажутся в его собственных карманах и пока несчастный не будет разорен до нитки»⁶⁸.

Питер Манди рассказал о «жестоком» и «алчном тиране» – правителе Ахмадабада Абдулле Хане, который, по его словам, больше подходил для борьбы с ворами и мятежниками, чем для правления в мирное время⁶⁹. По словам англичанина, еще по прибытию его в город чиновник таможенной службы Баба Бег посоветовал ему быть осторожным, поскольку «его Хозяин был плохим человеком, которого ничто не волновало, даже сам Король»⁷⁰. П. Манди с возмущением отмечал, что жадность Абдулла Хана не знает пределов. При нем в городе было столько таможенников, что «бедные женщины, продававшие молоко в разных местах улиц, вынуждены были платить пошлину за это»⁷¹. Даже «самые главные торговцы города», как он пишет, «решили покинуть это место до тех пор, пока он не переедет отсюда, опасаясь, что он найдет повод развязать с ними ссору»⁷².

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что наблюдения английских путешественников о политической жизни восточного города, оставленные в их записках, были продиктованы не простым любопытством. Уверенность англичан в том, что собственная культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные, во многом была установкой, которая побуждала их определенным образом видеть «чужую» действительность, замечать в первую очередь те или иные черты. Из большого числа различных фактов и явлений они отбирали лишь определенные и известным образом толковали.

Европейские путешественники не случайно проявили интерес к взаимоотношениям центральной и местной власти в восточных странах. В самих европейских странах оставалось немало проблем между монархией и высшей знатью. В Англии для центральной власти оказалось весьма нелегким делом контролировать отдельных чиновников и заставлять их действовать в рамках закона, и было практически невозможно эффективно реализовать политику, противоречащую интересам королевского чиновничества или соответствовавшего ему сословия⁷³.

В восточных странах путешественники увидели единственного хозяина в лице верховного правителя. Его власть была безграничной и вездесущей. Но самое главное, по оценкам европейцев, она была «несправедливой» и «недостойной». Причем в возникновении этого негативного стереотипа решающую роль сыграли отношения между самими англичанами и государственной властью. В своих записках путешественники часто ругали восточные власти за то, что в условиях отсутствия «писаных законов» им не была гарантирована свободная торговля и безопасность. Как они смогли убедиться, правитель мог дать слово, а мог и забрать, в зависимости от настроения и каприза.

В целом восточные страны воспринимались европейскими путешественниками как тоталитарные военизированные государства с деспотической властью, где нет понятия личной свободы, где все подданные – рабы султана или падишаха. Восточные города в их восприятии были местом концентрации государственной «бюрократической» власти, представленной наместниками верховного правителя, где отсутствовали какие-либо намеки на автономию, не говоря уже о каких-либо правах горожан. Путешественники предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности, что позволяло европейцам в раннее Новое время заявить о своем превосходстве над самыми мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями. На фоне всех недостатков, которыми европейцы наделили восточную власть в своем восприятии, можно было с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ. В представлении путешественников восточные страны не могли конкурировать с Европой с ее правами частной собственности, экономически независимыми городами и законами, одинаковыми для всех слоев общества, что в их представлении было выгодно как для государства, так и для его населения.

В первые десятилетия пребывания англичан в восточных странах, когда происходило формирование доколониального представления о новых культурах, очень часто «чужая» культура оформлялась посредством репрезентации ее правителя. Подобная практика была призвана, чтобы гомогене-

низировать и упростить «чужую» культуру, делая ее легко познаваемой и, таким образом, принижая ее значение по сравнению со своей собственной. В записках путешественников верховный правитель любой восточной страны становился объектом рассуждений об экзотике, жестокости, чувственности, нравственности «чужой» культуры. Идентифицируя власть суверена с государственной властью, европейцы представляли ее через свое отношение к восточным правителям. Поэтому «тираническая власть» в их восприятии зачастую сводилась к нравственной оценке восточных правителей, которые становились персонификацией произвола и своеволия.

Бесспорно, записки английских путешественников рубежа XVI–XVII вв. далеки от систематического знания о Востоке и больше говорят о самих авторах, чем о наблюдаемом мире. Можно сказать, что английские наблюдатели видели не столько то, что там было, сколько то, что предполагали и хотели увидеть. Подавляющее большинство путешественников сильно преувеличивали власть верховного правителя. Восточный правитель, прежде всего представитель мусульманской власти, не мог действовать только по своей прихоти, не мог преступить рамок коранического закона, шариата. Он никогда не ставил под сомнение правила, сложившиеся с давних пор, и был связан нормами и условиями, регулируемыми его поведением. Он должен был воплощать собой достоинство, справедливость и щедрость, защищать подданных от произвола чиновников, начиная с его собственных наместников. Лишь немногие из путешественников смогли заметить это.

Тем не менее формирование представлений англичан о восточной власти было подчинено сложному механизму восприятия «чужого» пространства. Как и всякое первое знакомство с чем-то новым и одновременно «чужим», восприятие властных отношений сводилось к поверхностно-обобщенным суждениям, за которыми следовало их упрощение и сведение к сопоставлению со *своими* идеалами, поскольку Запад в представлении европейцев воплощал высший уровень достижений человеческой культуры, оцениваемый по критериям нравственной свободы⁷⁴.

Не осталось незамеченным европейцами и то, что обогащение отдельных людей не приводило к обогащению общества в целом. В связи с этим восточный город воспринимался ими как резиденция чиновников и больших господ, описанию которой отводилось куда больше места, чем быту ремесленников и другому простому люду.

В записках путешественников принцип построения взаимоотношений центральной и местной властей в других восточных странах мало чем отличался от такового в Могольской империи. Чиновники на местах в их представлении находились во власти верховного правителя и не способны были составить противовес всемогущей власти последнего, которая подкре-

плялась несметными богатствами и военным могуществом. Интересно замечание Дж. Дэвиса о том, что личная заслуга человека перед правителем Ачеха сопровождалась изменением его социального статуса. Здесь даже простой рыбак мог «дослужиться» до «короля».

Немного иначе в записках английских путешественников выглядит Япония. Дух зависимости и подчинения японского общества с его бюрократически-военной и семейной иерархией был чужд англичанину, главным обязательством которого было лишь обязательство перед Богом⁷⁵. Он легко находил доказательства «варварского» восточного характера ее правления. Был деспот-правитель, отсутствие личных свобод и гарантий защиты подданных. В их поведении смешались любовь, верность и страх по отношению к своим правителям, что казалось противоестественным европейцу. Однако в качестве отдельного личного мнения в записках нередко высказывается мысль о превосходстве японцев над европейцами в некоторых сферах. У. Адамс и А. Хатч с восхищением отзывались о системе управления государственными делами и поддержанием общественного порядка в стране. Они допускали, что сильная власть могла быть гарантом мира и спокойствия. В большинстве рассказов европейских путешественников граница между сильным и центральным правителем и тираном стиралась.

Как видим, для европейских путешественников не характерен взгляд на восточный город как на общину со своей социальной и политической жизнью. И можно было бы упрекнуть их в том, что созданный ими образ восточного города имел мало общего с подлинником. Однако они разглядели главную идею восточного города – город как символ власти. Не случайно из военно-политических соображений и по прихоти правителя столица Могольской империи часто перекочевывала с одного места. В стране многие города могли выполнять функции идеальной столицы и соответствовать имперским устремлениям правителя. Города в представлении европейских путешественников были продолжением центральной власти, были приспособлены к нуждам верховного правителя и элиты, представляющей его. Возможно, то малое внимание, которое путешественники уделяли в своих записках собственно городским властным структурам, можно объяснить тем, что они не увидели четкого определения прав и обязанностей во взаимоотношениях элиты общества с властью и разделения властей.

Так или иначе, английский путешественник как гражданин своей страны и продукт определенной политической системы был не готов переступить через свои собственные политические симпатии и убеждения, что закрывало для него путь к пониманию совершенно «чужого» для него типа социальной организации восточного общества.

Противопоставление сформировавшейся в Европе цивилизации «варварским» неевропейским обществам, подчеркивание ее отличительности, по словам А.В. Гордона, имели два аспекта – «самопознания новой цивилизации и ее самовоспитания»⁷⁶. Позднее односторонне обобщавшие просветителями наблюдения европейских путешественников о положении в странах Востока будут служить лучшим «пособием для воспитания в Европе ненависти к деспотическому правлению»⁷⁷.

Примечания

- 1 Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 205.
- 2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 510.
- 3 Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Человек. 2001. № 6. С. 132.
- 4 См.: Markley R. Riches, power, trade and religion: the Far East and the English imagination, 1600 – 1720 // Renaissance Studies. 2003. Vol. 17. № 3. P. 495.
- 5 Wright A. Early English adventures in the East. L., 1917. P. 133–135.
- 6 См.: Lach D.F., Van Kley E.J. Asia in the making of Europe. Vol. 3. Book 1. A Century of Advance. Chicago, 1993. P. 564.
- 7 См.: Фурсов К.А. Держава – купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006. С. 87.
- 8 The second voyage of Captain Walter Peyton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 530.
- 9 Observations collected out of the Journall of Sir Thomas Roe... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 547.
- 10 См.: Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего нового времени, 1500–1789 / Пер. с англ., послесл. Д.Э. Харитоновича. М., 2006. С. 46.
- 11 См.: Aune M.G. Elephants, Englishmen and India: Early Modern Travel Writing and the Pre-Colonial Movement // Early Modern Literary Studies. 2005. 11.1 (May). P. 15.
- 12 Lach D.F., Van Kley E.J. Op. cit. P. 564.
- 13 См.: Journal of Sir Thomas Roe, Ambassador from King James I, to Shah Jehanguiro, Mogul Emperor of Hindoostan // A General History and Collection of Voyages and Travels / Ed. by Robert Kerr. L., 1824. Vol. IX. P. 134.
- 14 Captaine William Hawkins, his relations of the occurments which happened in the time of his residence in India... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 206.
- 15 Мутасадди (араб.) – могольский администратор (в Сурате – начальник порта).
- 16 Назим (араб.) – могольский чиновник в Субе, осуществляющий «низамат» – военное наместничество, уголовную юрисдикцию и полицейские функции. Шахзада Хуррам – будущий Шах Джахан, в качестве назима правивший Гуджаратом как полунезависимый князь. Хуррам не мог быть «вицекоролем» Декана во времена путешествия У. Хоукинса, поскольку Джахангир лишь начал войны в Декане. Декан подчинился Моголам во времена правления Шах Джахана.
- 17 См.: Captaine William Hawkins, his relations... P. 206.
- 18 См.: Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 548.
- 19 Bernier F. Travels in the Mogul Empire. London, 1826. Vol. 1. P. 268.
- 20 См.: A relation of a voyage to the Eastern India. Observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 9. P. 1480.
- 21 Ibid.
- 22 См.: European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... / Ed. by Farley Oaten. Cambridge, 1909. P. 177.
- 23 Ibid.
- 24 См.: A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1480.
- 25 Представитель военной знати. По словам Терри, «омрах» переводится как «капитан».
- 26 Bernier F. Op. cit. P. 5.
- 27 Captaine William Hawkins, his relations... P. 216.
- 28 Ibid.
- 29 Ibid. P. 210.
- 30 Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 540.
- 31 The voyage of Mr. Ralph Fitch... // The principall navigations, voyages, and discoveries of the English nation / Ed. by Richard Hakluyt. L., 1599. Vol. 2. P. 260.
- 32 Ibid. P. 259.
- 33 См.: Journal of Sir Thomas Roe... P. 133.
- 34 См.: Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 542.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid.
- 37 Sir Thomas Herbert Baronet, his travels, begun in 1626, into divers parts of Africa and Asia Major and in India... // Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, a compleat Collection of voyages and travels... / Ed. by Harris Jonh. L., 1705. Vol. II. P. 460.
- 38 Ibid. P. 458.
- 39 Ibid.
- 40 Ibid. P. 460.
- 41 The voyage of Captain John Davis, to the Easterne India, Pilot in a Dutch Ship, written by himself // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 3. P. 122.
- 42 Ibid.
- 43 Султан Ала-уд-дин Рийят.
- 44 The voyage of Captain John Davis... P. 124.
- 45 Ibid. P. 122.
- 46 Ibid.
- 47 См.: A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences;

- written by Mr. Edmund Scot, containing a History of Things done from the 11th February, 1602, till the 6th October, 1605, abbreviated // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 165.
- 48 Ibid. P.166.
- 49 См.: *Markley R.* Op. cit. P. 512.
- 50 A Letter of William Adams to his wife from Japan // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 129.
- 51 Ibid.
- 52 A letter touching Japon whirh the government, affaires and later occurrents there writing to me by master Arhtur Hatch // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 10. P. 1701.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid.
- 56 Relation of master Richard Cocks cape merchant... are added divers Letters of his and others // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 396.
- 57 Система заложничества «санкин котай», в соответствии с которой даймё мог один год жить у себя в замке, а следующий (в обязательном порядке) в столице сёгуна. Семья оставалась на постоянное жительство в Эдо, составляя живой залог в руках сёгуна.
- 58 A letter touching Japon...by master Arthur Hatch... P. 1701.
- 59 They come to Japan of European Reports on Japan, 1543–1640 / Ed. by Michael Cooper. L., 1965. P. 57–58.
- 60 Ibid.
- 61 *Cocks R.* The Diary of Richard Cocks / Ed. by Naojiro Murakami. Tokyo, 1899. Vol. 2. P. 278–279.
- 62 *Captaine William Hawkins, his relations...* P. 218.
- 63 См.: A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1471
- 64 Ibid.
- 65 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 181.
- 66 См.: *Captaine William Hawkins, his relations...* P. 223.
- 67 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 177.
- 68 См.: *Аурафян К.З.* Средневековый город Индии XII – середины XVIII века. М., 1983. С. 59.
- 69 См.: The travels of Peter Mundy in Asia (1625–34) // *Ama-zons, Savages, and Machiavels: Travel and colonial Writing in English, 1550 – 1630. An Anthology* / Ed. by Andrew Hadfield. Oxford, 2002. P. 233.
- 70 Ibid. P. 234.
- 71 Ibid.
- 72 Ibid.
- 73 См.: *Кёнигсбергер Г.Г.* Указ. соч. С. 48.
- 74 См.: *Steadman J.M.* The Myth of Asia. N.Y., 1969. P. 26.
- 75 См.: *Меццержаков А.Н.* Восток-Запад. «Христианское столетие» в Японии: проблема культурного отторжения // Восток. 1993. № 5. С. 47.
- 76 *Гордон А.В.* Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.): Науч.-аналит. обзор. М., 1998. С. 55.
- 77 *Никуфоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1975. С. 29.

УДК 32.019.51(73) «46/50»

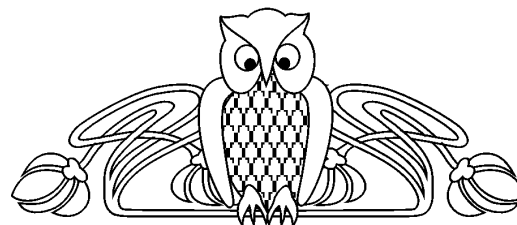
ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ 1946–1950 ГОДОВ В США

Н.Н. Бонцевич

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: bontsevitch@yahoo.com

В статье¹ поднимается спорная проблема американской историографии о влиянии общественного мнения в Америке на процесс принятия государственно важных решений в сфере внешней политики. На примере информационных кампаний, организованных управлением по связям с общественностью госдепартамента США, в правление президента Трумэна показано стремление правящей администрации держать общественное мнение под контролем и через формирование позитивного представления о внешнеполитических целях и действиях США на международной арене добиваться внутриполитического консенсуса.

Ключевые слова: информационная кампания, внешняя политика США, общественное мнение, управление по связям с общественностью госдепартамента США, план Маршалла, совет по рекламе.

American Domestic Information Campaigns, 1946–1950

N.N. Bontsevich

One of the controversial issues in the American cold war studies still remains problem of public opinion importance for the government in its foreign policies making. Historians try to seek answer on the question: was it really so important for the American government to have people's support of its foreign policy or it was just trying to have good image of themselves in public opinion, or may be something else? The author of this article makes an attempt to answer this question through domestic information campaigns of 1946-1950 analysis. Documents from the subject files of the Office of the Assistant Secretary of State for Public Affairs, Files of director of Public Affairs for the Department of State Francis H. Russell are kept in the National Archives and Records Administration, contain data which could shed a light on those processes in the postwar America relating institutional changes in the information agencies and growing government's commitment to the domestic information control.

Key words: domestic information campaign, foreign policy, public opinion, office of public affairs, Marshall plan, Advertising Council.

В американской историографии существуют разные подходы к проблеме влияния общественного мнения на процесс принятия государственно важных решений во внешнеполитической сфере. Так, например, историк Нэнси Бернхард утверждает, что администрация Трумэна была мало озабочена проблемой отношения рядовых американцев к внешней политике США и главенствующим стратегиям государства в этой сфере². Ким Мак Квейд в своем исследовании, посвященном взаимоотношениям правящих политических элит Америки и «большого» бизнеса, отмечает, что общественным мнением американцев в вопросах внутренней и внешней политики было крайне несложно манипулировать по причине невежества большинства общества в этих вопросах, за небольшим исключением. С другой стороны, продолжает Мак Квейд, как официальный Вашингтон, так и сотрудничавшая с ним корпоративная бизнес-элита предпочитали держать свою политику в стороне от широкого обсуждения³. Не случайно правление Трумэна называют риторическим президентством, имея в виду, прежде всего, незаинтересованность администрации в позитивной оценке своего курса общественным мнением⁴.

Несмотря на то, что значительный пласт исследований в американской историографии, так или иначе, затрагивает проблему влияния общественного мнения Америки на процесс принятия государственно важных решений, вопрос о том, почему после Второй мировой войны президент Трумэн распорядился о создании специального управления в госдепартаменте, ответственного за формирование общественного мнения Америки, остается открытым⁵. Чем руководствовался президент, принимая решение о необходимости держать общественное мнение своего народа под контролем: искренним желанием заручиться поддержкой общества в своей политике, простым стремлением иметь лояльный электорат или чем-то еще?

Ответить на этот вопрос помогут документы из архива управления по связям с общественностью госдепартамента, хранящиеся в Национальном архиве США. Анализ некоторых из них проливает свет на ситуацию с усилением правительственного внимания к контролю за информацией внутри страны.

Управление по связям с общественностью (УПСО) было создано в августе 1945 г. и объединило под своим началом три службы: международной информации, международного образования и собственно по связям с общественностью⁶. Целью создания нового подразделения в составе госдепартамента было установление «взаимосвязи между восприятием обществом международных отношений и доверием американцев к внешней

политике госдепартамента» в ответственный для страны период, когда США готовились к новой для себя роли лидера на международной арене. В такой момент важно было исключить возможное «неблагоприятное влияние спонтанной и критической реакции на политику госдепартамента» и обеспечить позитивное отношение к внешней политике американского правительства в обществе, считали чиновники ведомства⁷. Достижение поставленной цели предполагалось через организацию и проведение целой серии информационно-образовательных кампаний по поводу планируемых американским правительством внешнеполитических действий и их последствий для страны.

Для достижения наибольшего эффекта в деле «правильного» информирования общества директор управления по связям с общественностью госдепартамента Фрэнсис Расселл рекомендовал установить «тесные контакты с важными персонами и организациями в различных сферах коммуникации», но стараться при этом избегать методов агрессивного навязывания, а также «всяких ассоциаций с политической партией, промоутерскими или рекламными агентствами», которые успели изрядно надоесть простым американцам своей назойливостью. В одном из меморандумов Расселл отмечал уже достигнутый успех сотрудников управления в установлении контактов с различными сегментами американского общества – трудовыми коллективами, сообществами ветеранов, образовательными учреждениями, представителями бизнеса, а также разнообразными медийными группами⁸.

Приоритетным направлением деятельности УПСО являлось экономическое просвещение американцев, что не было простой случайностью. Задачи управления напрямую увязывались с внешнеполитическим планированием администрации США. Послевоенное американское стратегическое планирование базировалось на трех фундаментальных принципах: предотвращение возможного повторения Великой депрессии и войны, обеспечение безопасности и процветания Америки и ответственность за мировое лидерство. Данные принципы в главном отражали позиции и убеждения руководства страны. Президент Трумэн, госсекретарь Джордж Маршалл, его заместитель Дин Ачесон и заместитель главы экономического ведомства Уильям Клейтон были едины в мнении о том, что Вторая мировая война разразилась на почве разурегулированности мировой экономики. «Нации, которые ведут себя как враги в делах экономических, не смогут быть друзьями за столом переговоров», – предупреждал бизнесменов У. Клейтон на встрече в Детройте в мае 1945 г.⁹ Вице-президент США в правительстве Ф. Рузвельта Генри Уоллес еще в 1941 г. говорил о том, что необходимо «...считаться с экономическими факторами, в противном случае новой агрессии не избежать»¹⁰.

Политические лидеры Америки полагали, что существует прямая связь между стабильностью мировой экономической системы и ее финансовых институтов, с одной стороны, и уровнем безработицы и заработной платой рабочих и служащих в самих США, – с другой. Поэтому внешнеэкономическая политика стала главным инструментом обеспечения внутренней безопасности и стабильного развития американской экономики после Второй мировой войны. С этих позиций американскому правительству предстояла непростая задача объяснить американцам важность восстановления разрушенной войной экономики Европы. Сложность состояла в том, что в обществе не было понимания необходимости подобной инициативы правящей администрации. Доминировали сомнения по поводу того, зачем вкладывать средства на восстановление экономик других стран, когда внутриэкономическое положение в самих США угрожает ростом инфляции и безработицы? В письме, адресованном госсекретарю Дж. Маршаллу, домохозяйка со Среднего Запада задает резонный вопрос: «Зачем нам посылать туда деньги, даже не имея возможности проконтролировать, на что они будут потрачены?»¹¹.

В подавляющем большинстве американцы были настроены изоляционистски в том, что касалось внешней политики. В действиях правительства они видели угрозу настоящему благополучию, которое считали благословением божьим и которым ни с кем не хотели делиться¹². Правящая администрация воспринимала подобное состояние умов американского общества крайне негативно. Невежество в вопросах внешней экономической политики могло серьезно повредить осуществлению амбициозных планов американских лидеров в послевоенный период. Ситуацию нужно было срочно исправлять. Перед УПСО как главным информационным управлением госдепартамента была поставлена задача организации и проведения масштабной информационно-образовательной кампании под названием «Мировая торговля». Впервые ее цель была озвучена У. Клейтоном на встрече руководства совета по рекламе в Белом доме 12 февраля 1946 г. Формулируя цель кампании для представителей рекламного бизнеса, Клейтон отметил «необходимость показать суть и проблемы мировой торговли и их значимость для потребителей, бизнесменов, фермеров, работников торговли и пр.»¹³.

УПСО получило детальные инструкции госдепартамента по поводу проведения кампании уже в октябре 1945 г. В них среди прочего содержался перечень главных тем, предназначенных для обсуждения в различных информационных источниках. Так, например, предлагалось объяснить американцам, почему утверждение высоких стандартов жизни и занятость в Америке зависят от здоровой и стабильной мировой экономики; что лидерство США в деле достижения стабилизации мировой экономики обязывает их предоставлять

заемы и кредиты другим странам; что для американцев предпочтительнее, чтобы мир основывался на «сотрудничестве наций в деле расширения торговли, занятости, стандартов жизни», чем на «автаркии, высоких тарифах, ограничениях торговли и занятости...»; что «экономики всех стран взаимозависимы...»; что «только на основе полноценной кооперации объединенных наций...» американцы смогут эффективно работать по всем перечисленным направлениям. УПСО получило указание обеспечить по каждой из главных тем «простые и ясные ответы» и разослать их по всем главным информационным агентствам страны.

Особые надежды в успехе информационных кампаний госдепартамент возлагал на популярные в стране периодические издания. Предполагалось ежемесячно направлять в газеты и журналы список «горячих» тем, по которым редакторы и ведущие колонок должны были обеспечить материал. В список периодических изданий, привлеченных к сотрудничеству с госдепартаментом, вошли следующие: «Ридерс Дайджест», «Колльерс», «Лэдис Хоум Джурнал», «Лайф», «Фарм Джурнал», «Сэтдей Ивнинг Пост», «Либерти», «Лук», «Атлантик Харперс», «Нэйшнс Бизнес» и др.¹⁴.

В дополнение к печатной продукции планировалось использовать визуальные средства, например, документальные образовательные фильмы. По заказу госдепартамента в производство были запущены сразу несколько лент соответствующего информационно-образовательного содержания.

Ход информационной кампании, ее успехи и неудачи предполагалось обсуждать на совместных встречах главных редакторов газет и журналов с высокопоставленными чиновниками госдепартамента, начиная с ноября 1945 г.¹⁵.

Важно отметить, что к участию в информационных кампаниях был привлечен совет по рекламе – негосударственная организация, представлявшая интересы рекламного бизнеса, в которую входили представители руководства крупнейших рекламопроизводящих компаний Америки. Совет по рекламе обладал колоссальными связями в мире рекламного бизнеса, прессы, на радио, телевидении, в крупнейших медиа-корпорациях. Заручиться поддержкой верхушки рекламного бизнеса было задачей нелегкой, но сулящей невероятные дивиденды от возможного сотрудничества. Так получилось, что интересы и политическая философия корпоративной бизнес-элиты во многом совпали с послевоенными внешнеполитическими экономическими планами американского правительства. Обеспокоенная «вредным» влиянием идеологии государственного социализма на массовое сознание американцев бизнес-элиты даже инициировала свой, параллельный правительственному, проект экономического просвещения общества посредством рекламы. Его целью значилось создание образа американской экономики как чрезвычайно продуктивной системы свободного

предпринимательства, а американского общества – как динамично развивающегося, бесклассового и консенсусного. Ставилась задача убедить читателя, что система свободного предпринимательства выгодна всем, потому что даже, «несмотря на свои дефекты, она способна обеспечить высочайшие в мире стандарты жизни человека и величайшую свободу на земле...»¹⁶. Подчеркивая образовательный аспект спонсируемого советом по рекламе проекта, его глава Чарльз Мортимер отмечал: «если люди действительно поймут, что система частного предпринимательства значит для всех нас, то они никогда не променяют ее на государственную собственность и контроль со стороны государства»¹⁷. Самыми популярными слоганами этой информационной кампании были: «Больше производим, лучше живем» и «Будь уверен, когда мы работаем дружно, Америка движется вперед». В общей сложности на проведение информационных кампаний, пропагандирующих свободу предпринимательства в 40-е гг. бизнес-сообщество потратило 100 млн долларов¹⁸.

Совет по рекламе вместе с другой организацией бизнеса советом по экономическому развитию тесно сотрудничали с администрацией Трумэна, поддерживали его внешнеполитический курс и новую доктрину сдерживания, а также содействовали продвижению правительственных инициатив в экономической сфере. Начиная с 1945 г. встречи представителей бизнес-элиты с чиновниками госдепартамента в Белом доме стали регулярными¹⁹.

Возможно, самой масштабной информационно-образовательной кампанией, спонсируемой правительством в рамках новой экономической стратегии, стала кампания в поддержку плана Маршалла. Это и понятно, ведь именно программа экономического восстановления Европы вызвала наибольший резонанс в обществе. В соответствии с прогнозами экспертов по экономическому развитию США в администрации Трумэна, сделанными в 1947 г., было очевидно, что американский экспорт сможет быть востребованным по ценам 1946–1947 гг. еще год-полтора. Дальше ожидалось резкое снижение его объемов, которое, как утверждали эксперты, грозит Америке глубоким экономическим спадом²⁰. Как-бы суммируя прогнозы ученых и мнения политиков, в ноябрьском 1947 г. послании Конгрессу президент Трумэн подвел своеобразный итог: «Будущее нашей экономики в опасности»²¹.

80-й республиканский Конгресс отнесся к экономической дипломатии президентской администрации крайне критически. Республиканцы открыто протестовали против вбухивания доллара в то, что они называли «международным «Новым курсом»». Отражая мнение большинства американцев, конгрессмены и сенаторы опасались стремительного роста инфляции. В их представлении программа восстановления Европы могла

ее только подстегнуть и надолго задержать долгожданное снижение налоговых ставок.

К задаче продвижения плана Маршалла в массы информационное управление госдепартамента подошло ответственно. Чиновники приняли решение создать специальный комитет с пропагандистскими функциями по проблеме изменения отношения к плану Маршалла в обществе и Конгрессе США. Комитет был создан в сентябре 1947 г. и представлял собой своеобразный сплав представителей различных элитарных слоев общества, тесно связанных с правящим политическим истеблишментом. Представительство комитета впечатляло: высокопоставленные чиновники бывшей администрации, известнейшие в стране финансисты, банкиры, профсоюзные лидеры. Многие – убежденные интернационалисты, стремившиеся во что бы то ни стало восстановить довоенные демократические политические институты во Франции, Греции, Великобритании, Италии. Почти все одержимы идеей о необходимости восстановления международного торгового баланса, что, в свою очередь, было немыслимо без реконструкции экономик европейских стран²². С точки зрения профсоюзных лидеров, вошедших в комитет, реализация основных положений плана Маршалла неизбежно повлекла бы за собой увеличение покупательского спроса, рост занятости и в целом изменение содержания трудовых договоров в лучшую для наемного труда сторону.

Госдепартамент возлагал на комитет большие надежды в деле продвижения плана Маршалла. Фактически, он стал главным инструментом в процессе создания положительного имиджа программы. Чиновники в администрации Трумэна не прогадали, сделав ставку на влиятельных комитетчиков, которые должны были сыграть роль экспертов и своим авторитетным мнением склонить конгрессменов и общество на свою сторону, убедить в необходимости осуществления плана Маршалла.

Кампания в поддержку плана Маршалла началась с рассылки 200 000 копий статьи Генри Стимсона, бывшего главы военного ведомства, возглавившего комитет по осуществлению кампании. Статья «Вызов Америке» была опубликована в осеннем номере журнала «Форин Аффферс» от 1947 г. и в ней Стимсон недвусмысленно предсказывал новый мировой кризис. Сразу за статьей Стимсона рынок печатной продукции пополнили буклеты и брошюры со следующими характерными названиями: «Четыре главных составляющих программы восстановления Европы», «План Маршалла для тебя», «Обоснование цели» и т.д. В дополнение к публицистике комитет сделал подборку докладов и выступлений членов правительства по данной теме и пустил ее в обращение²³. Самые влиятельные члены комитета выступили с лекциями в банках и торговых организациях, перед собраниями прихожан, в женских клубах и самых разнообразных общественных объедине-

ниях. Активное использование в ходе кампании радиотрансляций позволило достичь повсеместного охвата населения страны.

Почти во всех публикациях, подготовленных советом по рекламе в рамках информационной кампании в поддержку плана Маршалла, настойчиво проводилась мысль о том, что Соединенные Штаты не просто ищут способ не допустить кризиса в своей экономике, но и выполняют свой гуманитарный долг, совершая весомый вклад в будущее Европы и всего мира. Поэтому единственное чувство, которое американцы должны были испытывать по отношению к программе восстановления Европы, по мысли организаторов кампании, – это чувство гордости за столь благородное начинание²⁴.

Огромная работа, проделанная комитетом по формированию положительного отношения в обществе к программе экономической помощи Европе, принесла свои плоды и на уровне Конгресса тоже. Цель склонить республиканских депутатов в нижней палате Конгресса и в Сенате на сторону правительства была достигнута. И произошло это во многом благодаря антикоммунистической риторике официальных заявлений высокопоставленных чиновников Вашингтона, а также различных периодических изданий. Так, бывший посол США в СССР Уильям Гарриман предупреждал общественность о том, что если американцы не помогут Западной Европе в восстановлении ее экономики, то в скором времени вся Европа, Скандинавия, Северная Африка и Ближний Восток могут оказаться под каблуком у Советов. Даже Британия, считал Гарриман, не устоит, европейский коллапс неизбежно отразится на американской экономике и политической жизни, создаст угрозу «нашей (американской. – Н.Б.) форме правления»²⁵. Такие аргументы, как коммунистическая угроза и советский империализм оказались очень действенным оружием в борьбе с контраргументами республиканцев в Конгрессе.

В целом складывается впечатление, что правящая администрация действительно была заинтересована в своевременном информировании общества о «фундаментальных целях» и фактах американской внешней политики. Однако вряд ли в действиях администрации Трумэна по просвещению широкой общественности в вопросах экономической политики США следует видеть стремление превратить «американское общественное мнение в существенный фактор, как в определении фундаментальных задач внешней политики, так и в приведении их в исполнение»²⁶. Скорее всего, официальный Вашингтон руководствовался простым требованием момента. Ведь было очевидно, что реализовать весьма дорогую стратегию экономического сдерживания в условиях преобладающего в обществе изоляционистского мышления и незнания большинством американцев проблем международного экономического развития, будет невозможно. Чиновники

госдепартамента исходили из того, что примерять роль лидера на международной арене и отвечать на возникающие в новой ситуации вызовы будет гораздо легче, имея «лояльный электорат», надежный тыл у себя в стране. Этот подход известен как концепция политического консенсуса, ее разделяло большинство в правящей администрации Трумэна. По большому счету УПСО было создано как раз для того, чтобы обеспечивать внутривнутриполитический консенсус или, по меньшей мере, создавать видимость общенациональной значимости тех или иных вопросов, возникающих в планах госдепартамента. И информационная кампания в поддержку плана Маршалла ярчайшее тому подтверждение.

Вся амбициозность задачи, поставленной правительством перед УПСО, видна из следующей цитаты, взятой из меморандума от 1947 г.: «Мы должны принести свет туда, где царит невежество. Все средства массового образования, все информационные кампании должны быть мобилизованы для решения поставленной задачи; должны быть задействованы школы, колледжи, дискуссионные площадки...»²⁷.

Следует также учесть, что идея мирового лидерства Америки не пользовалась большой популярностью в обществе. Для простых американцев она означала, прежде всего, активный внешнеполитический курс государства, а настроения большинства сводились как раз, наоборот, к спокойной и размеренной жизни, без какой бы то ни было борьбы. В своих информационных кампаниях официальный Вашингтон как раз и пытался убедить американцев в том, что мир мало обрести, его нужно еще и удержать.

Для успешной реализации внешнеэкономической стратегии администрации Трумэна не хватало твердой поддержки со стороны прореспубликанского Конгресса, который скептически относился к дорогим для государственного бюджета инициативам администрации. Однако и здесь УПСО госдепартамента сумело найти правильную тактику пропагандирования, которая сводилась к активному использованию антикоммунистических аргументов. Среди наиболее часто цитируемых были такие, как: «если американцы не смогут восстановить экономику Западной Европы, то вся Европа, Скандинавия, Северная Африка и Ближний Восток могут в скором времени попасть под политический контроль Советов»²⁸; или «международный коммунизм процветает на почве экономического хаоса»²⁹; или «лучший ответ советской пропаганде – социальный прогресс у себя дома»³⁰.

В конечном итоге тактику госдепартамента в отношении общественного мнения наиболее точно охарактеризовал директор УПСО Ф. Расселл: «Информационная функция госдепартамента внутри страны состоит в том, чтобы сообщать факты и давать их оценку. А как воспримет это общество – дело лично каждого»³¹.

Примечания

- ¹ Написание статьи стало возможно благодаря гранту Программы исследовательских стипендий Карнеги, администрируемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER, Вашингтон, США). Фонд не несет ответственности за изложенные в статье взгляды.
- ² См.: *Bernhard N.E.* Clearer than Truth: Public Affairs Television and the State Department's Domestic Information Campaigns, 1947–1952 // *Diplomatic History*. 1997. Vol. 21, № 4. P. 546.
- ³ См.: *McQuaid K.* Uneasy Partners. Big Business in American Politics, 1945–1990. Baltimore; L., 1994. P. 36–37.
- ⁴ См. об этом: *Parry-Giles S.J.* The Rhetorical Presidency, Propaganda and the Cold War, 1945–1955. Westport; L., 2002. P. XVIII.
- ⁵ *Foyle D.C.* Counting the Public in: Presidents, Public Opinion, and Foreign Policy. N.Y., 1999. Chap. 1.
- ⁶ См.: *Bernhard N.E.* Op. cit. P. 549.
- ⁷ Memorandum by Rowena Rommel, 24 August 1945, box 2, folder: Confidence in the Government, 1945–1951, Records of the Assistant Secretary of State for Public Affairs, Record Group 59, Files of Francis H. Russell, 1945–1953, box 1, folder: Advertising Council 1945–1952, National Archives, Washington, DC (далее ASSPA).
- ⁸ Office Memorandum by Russell, 17 July 1946, box 3, folder: OPI – F. Russell 1946, ASSPA.
- ⁹ Цит. по: *Pollard R.A.* Economic Security and the Origins of the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1985. P. 2.
- ¹⁰ Ibid. P. 8.
- ¹¹ Цит. по: Letter from secretary Marshall in reply to a letter from a Midwest housewife, 6 October 1948, box 11, folder: General 1945–1951, ASSPA.
- ¹² См.: *McQuaid K.* Op. cit. P. 38, 41.
- ¹³ Mr. Jackson and Mr. Dudley of OWMR; and Francis H. Russell of OPI, 29 January 1946, box 1, folder: Advertising Council 1945–1952, ASSPA.
- ¹⁴ Office Memo by M.R.T. Carter, 12 October 1945, box 4, folder: International Trade-Information Program 1945–49, ASSPA.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Griffith R.* The Selling of America: The Advertising Council and American Politics, 1942–1960 // *The Business History Review*. 1983. № 3. P. 400.
- ¹⁷ Ibid. P. 401.
- ¹⁸ Ibid. P. 402.
- ¹⁹ Ibid. P. 396.
- ²⁰ См.: *Pollard R.A.* Op. cit. P. 131.
- ²¹ Ibid. P. 147.
- ²² См.: *Wala M.* Selling the Marshall Plan at Home: The Committee for the Marshall Plan to Aid European Recovery // *Diplomatic History*. 1986. Vol. 10, № 3. P. 249.
- ²³ Ibid. P. 254–255.
- ²⁴ См.: Building a Free World // *New York Times*. 1948. July 25.
- ²⁵ Цит. по: *McQuaid K.* Op. cit. P. 45.
- ²⁶ Draft «Suggested letter to selected Members of Congress», 16 October 1951, box 2, folder: Congressional General, 1945–1952, ASSPA.
- ²⁷ *Public Opinion and Foreign Policy* / Ed. by Lester Markel. N.Y., 1949. P. 63.
- ²⁸ *McQuaid K.* Op. cit. P. 45.
- ²⁹ Nature of the Communism Menace to Western Democracy, box 2, folder: Communism, ASSPA.
- ³⁰ Address made off the Record before the American Society of Newspaper Editors by the Honorable Dean Acheson, Acting Secretary of State, Washington DC, 18 April 1947, box 10, folder: Secretary – Speaking 1946–1952, ASSPA.
- ³¹ Russell to Schwinn, 4 January 1950, box 7, folder: Planning Operations, Domestic and Overseas Information Programs, 1949–1950, ASSPA.

УДК 331.556

ГЛОБАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ТРУДА И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Т.В. Черевичко

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: cherevichko@inbox.ru

Основной тенденцией современного экономического развития является глобальная миграция труда. Это обусловлено тем, что в эпоху глобализации разделение труда приобретает трансграничный характер. Миграция труда – это условие и следствие глобализации экономических отношений.

Ключевые слова: миграция труда, глобализация, глобальный рынок труда, разделение труда, сетевая миграция, глобальная экономика, миграционная политика.

Global Labor migration in the world trade system

T.V. Cherevichko

Global labor migration is the principal tendency of the current economic development. It is conditioned by the fact that in the age of globalization, the specialization of labor is assuming a transnational character. Labor migration is clause and sequence of the global world trade system.

Key words: labor migration, globalization, global labor market, the specialization of labor, network migration, global economic, migration policy.

Доминирующей тенденцией мирового экономического развития в настоящее время является глобализация. К концу второго тысячелетия произошло ряд событий, которые несколько изменили социально-экономический ландшафт человеческой жизни. Технологическая революция с информационными технологиями в своей основе формирует новую материальную основу общества. Национальные экономики стали глобально взаимосвязаны, тем самым создав новую систему экономических отношений, что привело, в конечном счёте, к формированию экономики нового типа – глобальной.

В рамках исследования глобальных процессов выявлены общие закономерности международных экономических отношений. К ним относят:

во-первых, рост взаимозависимости экономического мира. Можно сказать, что в эпоху глобализации неуязвимость одной, даже самой сильной в экономическом отношении, страны невозможна. Это означает, что в международных экономических отношениях появляются общие экономические интересы, которые могут быть реализованы только совместными усилиями;

во-вторых, государства уже не единственные участники международных экономических отношений. В настоящее время значительную роль в мировой экономической политике играют транснациональные корпорации и банки;

в-третьих, главными регуляторами международных экономических отношений выступают нормы, структуры, институты и процедуры вненационального или даже наднационального характера;

в-четвёртых, зависимость поведения экономических агентов от структурных характеристик системы международных отношений. Экономические отношения развиваются в системе международных отношений, которая функционирует по своим законам. Состояние структуры международной системы является показателем её устойчивости и изменчивости, сотрудничества и конфликтности, что и обуславливает поведение субъектов международных экономических отношений.

Становление глобальной экономики – процесс достаточно сложный и противоречивый. Усиливающаяся осознание глобальной взаимосвязанности заставило многих исследователей по-новому посмотреть и на то, что принято считать глобализацией. Следует отметить, что в научный оборот пока не введено четкое и единое определение процесса глобализации. Одни учёные характеризуют этим термином формирование мегаобщества, другие – развитие культурных процессов, а третьи – «вестернизацию» мировой экономики¹. В экономической литературе традиционно под

глобализацией понимается огромное увеличение масштабов экономических процессов международного обмена, не признающих границ мировой экономики. В этой связи отмечается совокупность таких процессов, как трансграничные потоки капитала, товаров, услуг, технологии, информации, людей, пространственная и институциональная интеграция рынков.

Очевидно, вследствие этого и само понятие «глобальная экономика» в научной литературе трактуется неоднозначно. В большинстве случаев глобальную экономику сводят к деятельности и рыночным стратегиям транснациональных корпораций или к процессам интеграции. Так, по определению Г. Колодко, глобализация – это исторический процесс либерализации и интеграции рынков товаров, капитала и труда, которые прежде функционировали в определённой степени изолированно, в единый мировой рынок².

На наш взгляд, данное определение не отражает сути глобальной экономики как целостного явления, и в этой связи интерес представляют взгляды Э.Г. Кочетова, Б.М. Смитенко и Т.А. Кузнецовой. Э.Г. Кочетов определяет глобальную экономику как процесс воспроизводственной трансформации национальных экономик и их хозяйствующих структур, капитала, ценных бумаг, товаров, услуг, рабочей силы, при которой мировая экономика рассматривается не просто как сумма (совокупность) национальных экономик, финансовых, валютных, правовых, информационных систем, а как целостная, единая геоэкономическая (геофинансовая) популяция (пространство), функционирующая по своим законам³.

Смитенко и Кузнецова пишут, что «взятые вместе процессы нарастания масштабности связей, реализуемых международными экономическими отношениями, усиления системности международных экономических отношений и взаимозависимости их основных субъектов во взаимоотношенности с решением глобальных проблем человечества образуют явление, которое можно определить как глобализацию экономики»⁴.

Соглашаясь с мнением упомянутых авторов в том, что глобальная экономика отражает планетарное единство мировой экономики, развивающейся по своим законам, следует заметить, что в данном подходе не обозначен сетевой принцип функционирования глобальной экономики. По нашему мнению, глобальная экономика представляет собой единый целостный экономический организм, целостность которого достигается за счёт сетевой организации производства товаров и услуг, перемещения капитала, технологии, информации, людей, что обеспечивает пространственную и институциональную интеграцию рынков.

Таким образом, можно констатировать, что новая система экономических отношений находит проявление в глобальной экономике. В глобальном экономическом пространстве осуществляется

взаимовлияние всех компонентов системы. Особую роль в становлении новой системы международных экономических отношений играет миграция труда.

Сегодня миграционные потоки, наряду с товарными, информационными и финансовыми, становятся наиболее значимыми в формировании глобальной экономики. Миграция населения затронула практически все регионы и страны. Настоящее время ознаменовано постоянными волнами массовой миграции миллионов людей, приобретающими всё больше и больше глобальный характер. К началу XXI в. 1 из 35 жителей планеты – мигрант. Согласно оценкам ООН, в 2005 г. число международных мигрантов достигло 191 млн, увеличившись с 1960 г. более чем в 2,5 раза⁵. Масштабы международной трудовой миграции в последние десятилетия сохраняются на высоком уровне. И это не случайно, так как труд становится глобальным ресурсом и от его использования зависят целые отрасли экономики принимающих стран, например: горно-рудное производство в ЮАР; сельское хозяйство в Доминиканской Республике. В Бельгии 50% иммигрантов занято в добывающей промышленности; в Швейцарии – 40% занято в строительстве.

Труд как глобальный ресурс поступает по трем каналам. Во-первых, это фирмы, выбирающие местоположение своих главных офисов и открывающие филиалы в разных регионах мира в зависимости от качества местных трудовых ресурсов (их навыков, профессиональной квалификации), социальных условий и издержек, которые фирмы могут нести в связи с использованием данных ресурсов. Во-вторых, те же фирмы могут привлекать на работу наиболее квалифицированные и ценные кадры из разных стран и регионов мира, предлагая им хорошие условия труда, высокую заработную плату и побуждая их к миграции. И наконец, люди, движимые личными обстоятельствами, войнами, сами готовы покинуть привычное место проживания в поисках лучшей жизни для себя и своей семьи.

Глобальная миграция труда является результатом нескольких переплетающихся процессов.

1. Транснационализм мигрантов – стержень глобальной миграции труда. По мнению Г. Глущенко, современных мигрантов можно определить как «трансмигрантов», они развивают и поддерживают семейные, социальные, экономические, политические, организационные и религиозные отношения через границы. При этом экономические интересы находятся как в стране их нынешнего пребывания, так и на родине⁶. Транснациональные связи, осуществляемые мигрантами, реализуются в виде трансфертов (денежных переводов), передачи знаний и потребления мигрантами услуг экономики стран происхождения.

Наиболее ярко транснационализм миграции проявляет в форме трансфертов, это основная

форма экономической выгоды для стран выезда. Ежегодно мигранты в форме денежных переводов направляют на свою родину около 70 млрд долларов. По оценкам экспертов Всемирного банка, в начале текущего десятилетия 15 стран с развивающимися рынками (Мексика, Индия, Филиппины, Сербия и Черногория, Пакистан, Турция и др.) имели ежегодные доходы по статье платёжного баланса «Трансферты работающих за рубежом» в размере более 1 млрд долларов⁷.

Благодаря мигрантам развивается глобальная информационная, финансовая и транспортная инфраструктура, что находит проявление в форме этнического туризма. Так, большинство мигрантов регулярно посещают родину. В Доминиканской Республике почти 40% туристов – доминиканцы, живущих за границей. Такая же картина в Сальвадоре, Никарагуа и Мексике⁸.

Не случайно в научной литературе отмечается, что глобальная миграция – это организованный разветвлённый бизнес, обладающий огромными денежными средствами, манипулирующий сотнями тысяч рабочих мест по всему миру и управляемый сетью институтов и организаций, имеющих свой деловой интерес в этом бизнесе.

2. Информатизация и виртуализация, фундаментально меняющие отношения человека с окружающей его средой. В этой связи вызывает особый интерес точка зрения М. Кастельса, согласно которой материальной основой глобальной экономической системы является создание и развитие глобальной информационной сети⁹. В 2005 г. на планете насчитывалось около 870 млн пользователей Интернета. На начало 2008 г. в США пользователями Интернета являются около 90% населения, а общая численность европейской интернет-аудитории составила 37%. Россия пока уступает западным странам по количеству интернет-пользователей. Однако в России интернет-аудитория растёт самыми высокими темпами. На начало 2008 г. она охватила уже более 27 млн чел. (или 1/5 всего населения). Сети мобильных коммуникаций насчитывают 1,8 млрд абонентов, что интенсифицирует контакты людей по всему миру.

Если говорить о миграционных отношениях, то развитие информационных и коммуникационных технологий оказывает двойственное влияние на динамику миграционных потоков. С одной стороны, формирование глобальных информационно-коммуникационных сетей обеспечивает широкий доступ к международной информации по вопросам трудоустройства, что, безусловно, способствует территориальным передвижениям рабочей силы. Так, Интернет является важным информационным ресурсом, который включает разнообразные сайты, обслуживающие рынок труда. Эти сайты представляют собой виртуальные формы организаций – институтов трудоустройства, поиска и подбора кадров. К ним относятся: информационно-поисковые системы;

специализированные сайты («рабочие» сайты), которые предлагают широкие и постоянно возрастающие возможности поиска работы и подбора персонала; корпоративные сайты компаний-работодателей, представляющих различные отрасли, сферы деятельности; сайты виртуальных кадровых агентств («доски объявлений»), а также виртуальных служб занятости (job.rbc.ru) и бирж труда. Самые крупные из сайтов, посвященных поиску работы, одновременно размещают в российском информационном пространстве Интернета порядка 500 тыс. резюме и 20 тыс. вакансий ежедневно¹⁰.

С другой стороны, эти системы способствуют распространению дистанционных форм занятости, что приводит к сокращению переселенческих потоков. В этой связи актуальным становится виртуальное движение рабочей силы. Здесь речь идёт о лицах, работающих он-лайн из дома. Это движение основано на механизме сетевых технологий и обуславливает появление сетевых структур трех типов: 1) внутрифирменной сетевой структуры, которая развивается внутри структурных подразделений организации; 2) межфирменной сетевой структуры, являющейся альтернативой рынку как институту обмена; 3) сетевых структур телеработников¹¹. В США дистанционными работниками являются 5,8% населения (17 млн чел.), доходы которых почти вдвое превышают оклады стандартно занятых. В России, по оценкам специалистов, насчитывается от 15 до 20 тыс фрилансеров, которые зарабатывают от 100 долл. до 4–6 тыс долл. в месяц¹².

Виртуальное движение рабочей силы отражает тенденцию к дезагрегации труда и формированию виртуальных трудовых сетей и сетей научных коммуникаций и даже «электронных» диаспор. В научной литературе приводятся следующие данные: 99,7% европейских учёных пользуются электронной почтой, 98,9 – Интернетом, 70% имеют индивидуальную профессиональную веб-страничку¹³. Иначе говоря, современные коммуникации уменьшают или снимают проблему пространства, что сделало миграцию способом жизни.

3. Интеллектуальный процесс, относящейся к изменениям социальных ценностей, образования. В рамках этого процесса на динамику миграционных отношений оказывают влияние социальные сети. В основе теории сетей лежит понятие «сообщество мигрантов», включающее в себя межличностные отношения, связывающие мигрантов, бывших мигрантов и других людей в странах выезда и въезда. Эти отношения, охватывающие не только родственные, но и дружеские связи и взаимодействия, обусловлены таким фактором, как мигранты-земляки. В результате по прохождении некоего критического порога сообщество мигрантов начинает автономно поддерживать миграционный процесс. Сложившиеся миграционные сети используются для аккумуляции и передачи знаний.

При этом следует подчеркнуть, что сам мигрант представляет собой «персонифицированное» знание, опыт. Причём для него знание, накопленное человечеством, выступает одновременно и как исходный пункт, и как цель его движения. Его личное участие в процессе производства и накопления знания заключается в том, чтобы приплюсовать к исходному знанию (полученному в процессе образования) новое, которое осуществляется через его реализацию, его воплощение в практической деятельности. Следует отметить, что процесс производства и накопления знания никогда не начинается «с самого начала», а осуществляется как совершенствование уже наличного опыта и знания, как преобразование уже накопленного. Иными словами, имеет место процесс расширенного воспроизводства знания посредством миграции. Так как движение (миграция), в котором мигрант присоединяет к себе новое знание, есть его собственное движение, следовательно, его развитие есть самовозрастание знания. Иначе говоря, мигрант получает некую способность производить знание в силу того что он сам является носителем знания. В рамках развиваемой нами концепции можно предположить, что по мере развития общества мигрант всё более становится носителем информационных ресурсов.

4. Институциональный процесс, обуславливающий появление новой институциональной структуры. Институциональная составляющая миграционных отношений включает механизм регулирования сферы международных отношений, определения норм и правил взаимодействия субъектов рынка труда, основные институты. В этой связи выделяются наднациональные системы норм и институтов и международные структуры, регулирующие миграционные отношения.

В процессе глобальной миграции труда происходит не только формирование транснациональных экономических сетей, подчиняющих деятельность самых различных субъектов общим принципам, но и соответствующая социокультурная целостная адаптация, формируется глобальная экономика. Глобализация рыночного пространства, формирование особой его структуры создаёт объективные условия для становления глобального рынка труда и постоянного движения рабочей силы. В этом контексте рынок труда всё меньше и меньше будет ограничиваться национальными рамками. Так, создание единого европейского рынка послужило решающим стимулом для снятия ограничений с национальных рынков труда, что завершилось введением единой европейской валюты. Наряду с универсализацией одних аспектов и сетей взаимодействия (экономических, территориальных) глобализация даёт простор в развитии миграционных отношений. Более того, плюрализм, присущий постиндустриальному обществу, означает усиливающийся спрос на такое разнообразие. Миграционные отношения

в свете глобализации рыночного пространства следует рассматривать как новое специфическое экономическое явление, требующее мироцелостного исследования.

Формирующийся глобальный рынок труда имеет тенденцию сводить работу к простой экономической функции. И всё же это является одним из достижений современного социального обеспечения – высвободить какую-то часть труда из-под влияния экономики и сочетать его экономическую функцию с социальными и культурными. Социальные гарантии занятости обеспечили каждому члену общества возможность получить с помощью работы как доход, так и репутацию, и таким путём найти своё место в обществе. Развитие образования и профессионального обучения сделало возможным превратить работу в квалифицированную, с точки зрения культуры, ответственный вид деятельности для большинства людей. Свободный выбор профессии и гарантия её получения через широкий доступ к образованию, более высокие шансы на продолжение образования, получение второго образования и переобучения расширили возможности людей по формированию их личности посредством работы и самореализации.

Таким образом, глобализация как качественно новая ступень развития системы международных экономических отношений приводит к усилению процессов миграции труда, которая, в свою очередь, выступает условием формирования глобального экономического пространства. Глобализация экономического пространства, формирование особой его структуры создаёт объективные условия для развития глобального рынка труда и миграции труда.

Примечания

- 1 См.: Постиндустриальный мир и процессы глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 3.
- 2 См.: *Колодко Г.* Глобализация и экономический рост // *Мир перемен*. 2004. № 1. С. 140.
- 3 См.: *Кочетов Э.Г.* Глобалистика. Теория, методология, практика. М., 2002.
- 4 *Смитенко Б.М., Кузнецова Т.А.* Противоречия глобализации мировой экономики. Современный антиглобализм и альтерглобализм. М., 2005. С. 16.
- 5 См.: *Цапенко И.* Движущие силы международной миграции населения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 3.
- 6 См.: *Глуценко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 12. С. 50.
- 7 См.: *Глобализация мирового хозяйства*. М., 2006. С. 124.
- 8 См.: *Глуценко Г.* Указ. соч. С. 52.
- 9 См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 105.
- 10 Официальный портал по поиску и подбору персонала // www.superjob.ru
- 11 См.: *Information Society, Work and the Generation of New Forms of Social Exclusion (SOWING)*. Tampere, 1999. P. 67.
- 12 См.: *Антропов С.* Я – фрилансер, или Как навсегда уйти из офиса. М., 2007.
- 13 См.: *Цапенко И.* Указ. соч. С. 11.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 9(470) «18»

РУССКИЕ НА БАЛКАНАХ В 1876 ГОДУ В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории российской цивилизации
E-mail: kochukovsa@mail.ru

Статья посвящена мемуарному наследию Сербской войны 1876 г. Автор рассматривает формирование взглядов русского общества на балканский конфликт, а также анализирует воспоминания В.Д. Паленова, А.Н. Хвостова, В.П. Мещерского, Н.Н. Дурново. В мемуарах показаны действия русских добровольцев в сербской армии, героизм волонтеров, представления о войне с точки зрения простых ее участников.

Ключевые слова: Балканский кризис, русское общество, Восточный вопрос, публицистика, пресса.

The Russians in the Balkans in 1876 in the Light of the Personal Origin

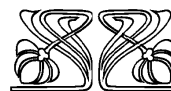
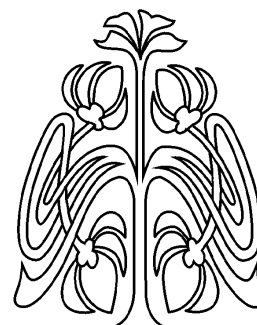
S.A. Kochukov

The article is dedicated to the memoir heritage of the Serbian war of 1876. The author considers the forming of the views of Russian society on the Balkan conflict and analyses memoirs of V.D. Palenov, A.N. Khvostov, V.P. Mescherskey, N.N. Durnovo. The memoirs represent the actions of Russian volunteers in the Serbian army, the volunteers' heroism, and shows the concept of the war from ordinary soldiers' point of view.

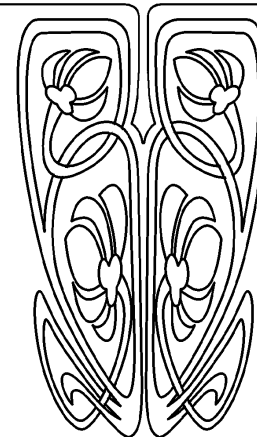
Key word: Balkan crisis, russian society, East problem, publicism, press.

С древнейших времен между русским народом и этносами Балканского полуострова существовали глубокие и многообразные связи. В период всего пятивекового пребывания под османским владычеством южные славяне не теряли надежды на помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Тем не менее военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове.

Развязка в таком наиважнейшем для России вопросе, как военная помощь южным славянам, наступила, когда в апреле 1876 г. произошло восстание в Болгарии, а 19 июля 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. На тот момент в Сербской армии уже было сколько русских офицеров, принимавших нередко в свои руки командование отрядами сербов. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая не только активно освещалась в прессе, но и представлена значительным количеством мемуарной литературы, участие русских добровольцев в войне 1876 г. изображалось крайне скупо. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров¹, но данная информация, безусловно, была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть поэтому сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

не получила в исторических исследованиях еще должного освещения. Вообще в отечественной историографии данный сюжет российской истории представлен чрезвычайно однобоко². Большинство исследователей акцентируют внимание на деятельности добровольцев в войне, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то этих аспектов практически нет. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис...»³.

Постановка вопроса о взаимосвязи ценностей и интересов в балканской политике России вполне закономерна. Тем более что история Балкан в каком-то смысле является органическим продолжением истории России, частью ее национального сознания. Балканы – это единственный регион, где внешняя политика России не только учитывала этнорелигиозный фактор, но и делала на него ставку. В данном случае речь идет, скорее, не о попытках его использования, а о национальном мифе. Согласно славянофильской мифологеме, в центре славяно-православного мира находится Россия, которой предназначено свыше и в силу своей судьбы покровительствовать и защищать славян и православных от враждебных им миров Ислама и Запада. Таким образом, политика Запада или исламских стран на Балканах неизбежно воспринималась и воспринимается как вторжение в пространство местореализации национального мифа России, а значит, возбуждает национальное сознание и создает ощущение опасности.

Несмотря на национальный миф, отношения России со славянскими народами были довольно сложными. Так, освобождение с помощью русской или советской армии не привело к тому, что, как ожидалось, все балканские народы бросятся в объятия освободителей.

В определенной степени такая неожиданная для России ситуация на Балканах во многом была вызвана ее же политикой. В прошлом официальный Петербург был крайне консервативен в своих воззрениях и очень осторожно относился к любому веянию свободы на Балканах, хотя вроде бы это способствовало ослаблению его геополитического соперника – Турции. В свое время в России не вняли призывам греков помочь их восстанию против Турции. То же самое повторилось в канун Апрельского восстания в Болгарии 1876 г. А позднее, с большим подозрением относясь к болгарским либералам, царское правительство поддержало государственный переворот болгарского князя Баттенберга, отменившего либеральную конституцию и установившего самодержавное правление. В связи с этим в одном из донесений из Софии русского посольства в Петербург из Болгарии констатировалось, что Россия не оправдала ожидания болгар, ее «беспрестанная перемена взглядов... переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму... поколебали наш нравственный кредит»⁴.

Большие проблемы у России возникали в связи с острыми противоречиями между самими Балканскими государствами. Каждое государство стремилось заручиться поддержкой одной из великих держав, в том числе и России. Соответственно интересы держав и балканских государств причудливо переплетались, создавая сложные международные проблемы, которые не раз готовы были привести к войне не только на Балканах, но и в Европе. Для России порою «славянское братство» становилось тяжелым бременем. Притом что «братья», случалось, и меняли пророссийскую ориентацию на союз с той или иной европейской державой.

Стоит вспомнить, что Болгария была противником России в двух мировых войнах. На примере динамики российско-болгарских отношений можно выявить такую закономерность: каждый уход российской армии с Балкан приводил к тому, что ее балканские союзники изменяли свой внешнеполитический курс. Примерно в таком же контексте развивались отношения с другими балканскими государствами вплоть до наших дней. Дело в том, что все победы российской армии не приводили к тому, чего и без оружия или с помощью его добивались западные державы: экономическому присутствию на Балканах. Но для этого необходимо было перестроить саму Россию – прежде всего национальное сознание, а это как раз сложно.

Россия даже не то, что просто избегала военного развития, но и боялась такого развития событий. Опасения связаны, конечно же, прежде всего с Крымской войной. Вариант подобного же развития событий, как и 20 лет назад, всерьез рассматривался и сковывал политику России, суживая её до дипломатических кругов. К тому же, Черноморского флота не было. Восстанавливающийся после отмены статей парижского договора, он обладал незначительными силами, с которыми рассчитывать на победу в сложившихся условиях было бы весьма опрометчиво. В работе С.Л. Чернова «Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг.» также отмечено стремление русской дипломатии к предотвращению вооруженного конфликта в целом и военного вмешательства России, в частности. Ещё существовала надежда на мирное разрешение будущего конфликта⁵. Тем временем Россия поощряла поддержку и помощь воюющим славянам, как деньгами, так и оружием, и, конечно же, поощрялось добровольчество. Так, многие офицеры получали отпуска и тотчас же перебирались поближе к военным действиям. Современники отмечали, что «движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, затем быстро двинулось вперед»⁶. Ездивший добровольцем в Сербию известный писатель Д.А. Клеменц писал в своих воспоминаниях, что «на пароходе и на железной дороге только и слышал, что нельзя оставлять славян на съедение туркам»⁷.

Не стоит, однако, забывать, что среди добровольцев было множество всякого рода авантюристов. По мнению многих современников, главным недостатком сербской армии был ее разноплеменный состав. Один из многочисленных русских добровольцев В.Д. Паленов так характеризовал эту армию: «каких только национальностей нет в здешней армии. Славяне всех родов и видов, румыны, греки, немцы-прусаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы и даже англичане»⁸. Протестуя против грубого и бестактного поведения многих наших добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – “что делать в России”? Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли “пострадать за веру” и защитить “честной крест”⁹. Безусловно, не стоит сбрасывать со счетов и «ура-патриотические» настроения, они многочисленны, но не отличались разнообразием в измышлениях¹⁰.

Возвращаясь к русским добровольцам, следует, конечно же, отметить главную фигуру в Сербской войне 1876 г. – генерала М.Г. Черняева (1828–1898). Он являлся членом Петербургского Славянского комитета. По приезду в Сербию генерал принял сербское подданство и вскоре был назначен главнокомандующим сербской армии. Вообще, дать оценку деятельности и позиции генерала по балканскому вопросу достаточно сложно. В советской историографии, например, Черняев представлялся боевым заслуженным генералом, известным как покоритель Ташкента, и его появление на Балканском полуострове благожелательно отразилось на боевых действиях – такова позиция историка С. Клисунова¹¹. Точка зрения историка И. Козьменко более выдержанная. Исследователь, в частности, считал, что главная причина медлительности генерала Черняева заключается в его ожидании совместного выступления Сербии и Черногории: это должно было придать больший размах военным действиям¹². В Сербии имя Черняева не пользовалось такой известностью, как имя генерала-публициста Р.А. Фадеева. Если в России Черняева отправляли с величайшим возбуждением, то на Балканах его встретили сдержанно¹³. Там он был известен в первую очередь как издатель «Русского мира», патриотические статьи которого в пользу Сербии и Черногории за восставших перепечатывались сербскими газетами.

Кроме того, сам Черняев отправился на Балканский полуостров с определенными «приключениями». В частности, шеф жандармов П.А. Шувалов пригласил к себе Черняева и в разговоре с ним взял с него слово, что он «к этим разбойникам не поедет»¹⁴, хотя сама идея поездки на юг Европы

у генерала возникла еще за десять лет до кризиса 1876 г.¹⁵ Однако эта поездка состоялась вопреки запрету правительства. Необходимо отметить, что правительство России в славянском вопросе в это время придерживалось крайне противоречивых позиций. С одной стороны, оно негласно поощряло славянское движение, деятельность славянских комитетов, движение добровольцев, посылало финансовую помощь, с другой стороны, оно запрещало торжественные проводы добровольцев. Оно нигде не заявило о своем сочувствии балканским народам. В частности, в российской прессе, в газетах «Московские ведомости», «Голос» не только не сочувствовали восставшим, но, сообщая о сражениях босняков и герцеговинцев с турками, называли их не иначе как инсургентами¹⁶. Единственной официальной реакцией России явилось опубликование в «Правительственном вестнике» документов о турецких зверствах¹⁷. Верность «союзу трех императоров», сознание своей слабости, страх перед новой европейской коалицией побуждали официальный Петербург воздержаться от каких-либо решительных действий. Несмотря на все трудности, на войну 1876 г. из России было отправлено 3 992 человека, из них больше всего из Одессы – 2 000 человек, из Москвы – 1176 и Петербурга – 816 соответственно¹⁸. Однако эти силы не могли существенно изменить ситуацию. В первую очередь потому, что Россия сама была к войне не готова. Во-вторых, вызывал сомнения сам состав добровольцев. Князь В.П. Мещерский, который в 1876 г. путешествовал по Балканам, очень тонко нарисовал первых добровольцев: «Первые партии были именно те, которые шумели, кричали, кутили и испытывали непреодолимое желание давать знать о себе, о своей удалости, о своем ухарстве всему миру – дескать, знай наших: мы идем турка бить!»¹⁹. В результате приходилось преодолевать «шапкозакладательские» настроения через боль потерь. В одном из самых ожесточенных боёв, Джунисском, 12 октября 1876 г. погибло более половины русских добровольцев²⁰. После этого поражения, 18 октября, Россия официально вмешалась в ход войны, предъявив по просьбе сербского князя Милана ультиматум.

Считается, что Сербия потерпела поражение в этой короткой войне. Но смотря что считать поражением. Да, локальную борьбу сербы сдали врагу. Причины этого можно найти в разных сферах, но сам царь Александр II заявил в конце октября 1876 г., что поражение лежит на сербах и их трусости²¹.

Короткая война 1876 г. завершилась, но конфликт на этом не был исчерпан, наоборот, все вопросы оставались по-прежнему болезненными для обеих сторон. Восточный кризис переходил в новую стадию, как минимум не уступающую по остроте и накалу предшествующей. Кризис вступал в стадию, на которой Россия стала действовать более чем активно. Восточный кризис переходил в кульминационный период.

Примечания

- ¹ См.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 260–307.
- ² Там же; *Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; *Он же.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; *Козьменко И.* Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.
- ³ См.: *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
- ⁴ *Чернов С.Л.* Некоторые аспекты внешнеполитической программы России на заключительном этапе восточного кризиса 70-х гг. XIX в. // Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1981. С. 216.
- ⁵ Там же. С. 20.
- ⁶ Цит. по: *Хвостов А.Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 9.
- ⁷ Цит. по: *Клеменц Д.А.* Из прошлого // Русские ведомости. 1910. № 232.
- ⁸ *Паленов В.Д.* Дневник русского добровольца // Пчела. 1877. Т. 3, № 9. С. 138.
- ⁹ *Драгоманов М.П.* Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.
- ¹⁰ В своих письмах о сербской войне 1876 г. историк Д.И. Иловайский отмечал: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну беспощадную, без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. Вот почему на русских патриотов производили и производят тяжелые впечатления и слухи о колебании в Белграде и постоянные переговоры о перемириях. Нельзя, впрочем, винить исключительно сербов, ввиду известий о том, что на них производят давление в этом смысле не одни враги славянства. Тол-

- ки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения. Чтобы протестовать против всякой попытки заключения постыдного мира, армия выдвигает вопрос о королевском достоинстве» (*Иловайский Д.И.* Письма о сербско-турецкой войне // Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. М., 1888. С. 234).
- ¹¹ См.: *Клисунов С.* Русские добровольцы в Сербской войне 1876 г. и взгляды консервативной мысли русского общества и развитие Восточного кризиса и роль России в его разрешении // <http://www.epistema.ucoz.ru>.
- ¹² *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- ¹³ *Богданович Л.А.* Два десятилетия Великой освободительной войны. М., 1902. С. 49.
- ¹⁴ *Дурново Н.Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. 1899. Т. 75, № 2. С. 531.
- ¹⁵ В своих воспоминаниях Н.Н. Дурново приводил высказывания самого генерала Черняева по вопросу поездки на Балканы: «С самого возвращения моего (имеется в виду Черняев. – С.К.) из Средней Азии я имел желание проехать по славянским землям, и не состоявшееся поездка моя в 1867 г. нисколько не ослабила этого желания. Теперь, когда на долю Сербии выпала трудная задача, от решения которой зависит дальнейшая историческая судьба княжества, поездка эта сделалась для меня нравственной потребностью» (*Дурново Н.Н.* Указ. соч. С. 535).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- ¹⁸ См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁹ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 54.
- ²⁰ См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- ²¹ Там же. С. 92.

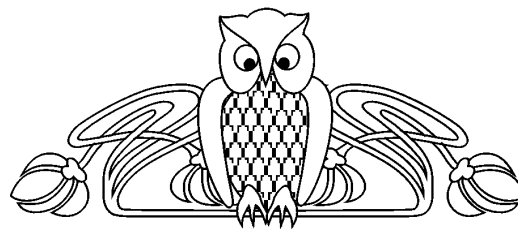
УДК 1(470):34+929[Толстой+Молочников]

ДЕЛО «ТОЛСТОВЦА» В.А. МОЛОЧНИКОВА (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье через призму судебных процессов рассматривается философско-религиозный феномен «толстовства», а также ситуация вокруг юридической ответственности Л.Н. Толстого и его последователей. В центре исследования – конфликт между личностью и властью, совестью и произволом, свободомыслием и официозом и, в частности, проблема распространения

толстовского учения и связанного с этим судебного преследования сторонников писателя. В статье рассмотрены меры, предпринятые Львом Толстым по организации правовой защиты попавшего на скамью подсудимых его единомышленника – В.А. Молочникова. Исследование всех перипетий судебных разбирательств проводится на основе анализа писем Молочникова, выявленных автором в отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: «Толстовец», Молочников, Толстой, дело, защита, письмо.

Suit «tolstovtsa» V.A. Molochnikova (On Material Archive Document State Museum L.N. Tolstogo)

Yu.V. Varfolomeev

In article through prism of the lawsuits is considered philosophical-religious phenomenon «tolstovstva», as well as situation around legal responsibility L.N. Tolstogo and his followers. In the centre of the study – a conflict between personality and power, conscience and arbitrariness, free thought and semi-official publication, and, in particular, problem of the spreading tolstovskogo teachings and connected with this criminal prosecution supporter writer. In article are considered measures undertaken Livom Tolstym on organizations of legal protection defendant V.A. Molochnikova. The Study all vicissitudes judicial hearing is conducted on base of the analysis of the letters Molochnikova, revealed by author in division of the manuscripts State museum L.N. Tolstogo.

Key words: «Tolstovets», Molochnikov, Tolstoy, Suit, legal protection, letter.

Наблюдая за движением по распространению его учения, Л.Н. Толстой недвусмысленно заявлял: «Я Толстой, но не “толстолец”»¹, хотя никогда не дистанцировался от так называемых «толстовцев» и неизменно приходил им на помощь, и в первую очередь в случае их уголовного преследования. Известен случай, когда писатель, пытаясь защитить одного из своих последователей – Н.Е. Фельтена, даже обращался к судебному следователю, который вел это дело, с официальным заявлением об освобождении Фельтена от всякой ответственности и о возбуждении судебного преследования против него, Толстого, мотивируя это тем, что власти, организовав гонения на идеи, развиваемые им, Толстым, запрещая его книги и брошюры, должны прежде всего привлечь к ответственности его самого, как автора и распространителя этих идей и сочинений, а никак не третьих лиц².

Действительно, «Логика и закон требовали возбуждения дознания против самого Толстого и привлечения его, как главного виновника по настоящему делу, – констатировал жандармский офицер А.И. Спиридович, – но на Толстом был запрет, и его трогать было нельзя никому. Все мы в отделении слышали не раз, что существует Высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае. Лев Толстой находился под защитой Его Величества»³.

Ситуация вокруг юридической ответственности Толстого и «толстовцев» на самом деле складывалась парадоксальная. Но, «Правосудие, – восклицал адвокат и политик В.А. Маклаков, – должно быть равным для всех!.. И поэтому, пока государственная власть самого Толстого не привлекает к ответственности, она не имеет права карать тех, кто его учение повторяет. Отношение государства к Толстому понятно. Но из трогательного оно становится соблазнительным, если его будут вымещать сугубым преследованием тех, кто от Толстого научился; и самая безнаказанность

Толстого превратится в изощренное мучительство, если его заставлять смотреть, как, не касаясь его, поступают с его учениками»⁴. Эту же мысль несколько позднее подчеркивал и В.Д. Набоков: «за последние тридцать лет Толстой лишен был возможности на родине своей свободно и открыто проповедовать свое учение!.. преследования, которым подвергались ученики и последователи Толстого, были сугубой и сугубо-лицемерной жестокостью по отношению к нему самому...»⁵.

Обо всех единомышленниках, попавших в беду, Л.Н. Толстой принимался хлопотать, прося разъяснения или непосредственного участия в том или ином деле у многочисленных знакомых юристов, таких как: А.Ф. Кони, Н.В. Давыдов, М.А. Стахович, В.А. Маклаков, Н.К. Муравьев и др.

Пожалуй, самым известным по неоднократным судебным процессам в те годы стал многострадальный «толстолец» В.А. Молочников. Впервые он был привлечен к суду в 1908 г. «Опять схвачен в Новгороде всеми знающими его уважаемый небогатый человек Вл. Молочников и заперт людьми, называющими себя судьями, на год в тюрьму, – с негодованием писал в редакцию газеты “Русь” Лев Толстой. – И все это за то, что он держал у себя мои сочинения и давал их людям, желающим прочесть их»⁶.

С того момента, как Толстой узнал о привлечении Молочникова к суду, он сразу же стал хлопотать о его судьбе и первым делом написал письмо Н.В. Давыдову, приложив к нему обвинительный акт и письмо самого Молочникова. «Что мне делать? – обращался писатель с этим сакраментальным вопросом к юристу 11 апреля 1908 г. и делился с ним своими мыслями по этому поводу. – Мой план двоякий: или самому поехать в Петербург, вызваться быть защитником его или подать заявление, в котором выразить, что книги получены им от меня, что если кто виноват, то я, и если кого судить, то именно меня; <...> Как поступить в этом случае? Научите меня или составьте, если можно, такое заявление или посоветуйте ехать самому в Петербург и быть защитником»⁷.

Давыдов как опытный юрист, долгое время занимавший высокие судебские должности, отговорил Льва Николаевича от такого рода действий, понимая, что кроме скандального ажиотажа, связанного с именем Толстого, вокруг этого дела ничего не выйдет, и Молочников в любом случае будет осужден. В действительности так все и произошло. Узнав о драматичном исходе судебного процесса, 8 мая 1908 г. Лев Николаевич направил письмо Давыдову, в котором взволнованно сообщил ему об огорчившем его известии: Молочников присужден к заключению в крепости на год. «Не могу понять того, что делается в головах и, главное, в сердцах людей, занимающихся составлением таких приговоров, – искренне сокрушался писатель. – Жалею, что Вы отговорили меня от защиты. Я, разумеется, не защищал бы, а постарался

бы обратиться к голосу совести тех несчастных людей, которые делают такие дела»⁸.

Однако Толстой не терял надежды выжить из беды своего единомышленника и поинтересовался у Давыдова: «Можно ли что-нибудь сделать?»⁹. На что Николай Васильевич посоветовал писателю, что Молочникову следует предпринять все процессуальные меры, предусмотренные законом, а именно: обратиться с апелляцией на это судебное решение, и уже 13 мая Толстой пишет осужденному: «Вчера был у нас известный адвокат Муравьев¹⁰. Мы с ним говорили о вас, и он взялся сделать, что возможно. Он человек хороший, и смело обращайтесь к нему»¹¹.

Для присяжного поверенного Н.К. Муравьева исполнить просьбу Льва Николаевича было делом чести и совести, так как он был абсолютно уверен в правоте и писателя, и его последователей. Взявшись помочь осужденному «толстовцу», сразу же после встречи с писателем, адвокат направил Молочникову две доверенности, которые тот должен был заполнить на имя своих официальных представителей – Н.К. Муравьева и В.А. Маклакова.

24 мая 1908 г. Муравьев получил от Молочникова письмо, в котором тот излагал свой взгляд на эту проблему: «Лев Николаевич Толстой говорил и писал мне о Вас, как о добром и хорошем человеке, желающем принять участие в деле по оправданию меня перед судом, – обращался он адвокату. – Написанные Вами доверенности на имя Ваше и Маклакова я получил»¹². В письме Молочников также выражал искреннюю благодарность Муравьеву за «хлопоты и доброе расположение», и даже собирался лично поблагодарить его, но, будучи проездом в Москве, не застал Николая Константиновича дома. В то же время Владимир Аифалович извещал Муравьева, что «добрыми услугами» ни его, ни Маклакова он воспользоваться не может¹³.

Свое решение не апеллировать приговор суда в вышестоящей судебной инстанции – Сенате, о чем, кстати, он сообщил и Л.Н. Толстому, В.А. Молочников объяснял следующим образом: «Подать в Сенат, кроме того, что не имеет логического смысла – если бы в этом отношении я хотел пойти на компромисс, я мог бы это сделать в начале суда надо мною, – рассуждал он, – немножко не сознаться, немножко попросить и т.д. – не могу, еще повинуюсь непосредственному чувству, подсказывающему мне ненужность этого дела»¹⁴.

Эти слова убежденного «толстовца», безусловно, свидетельствовали о его непреклонной идейной позиции и следовании принципу «непротивления злу насилием». «Хочу, чтобы Вы верили моей искренности, – просил он Муравьева, – и не подумали, что рисуюсь или отказываюсь славы ради и т.п.»¹⁵. Даже знакомые Владимира Аифаловича осуждали и порицали его за отказ от защиты, но он своего решения не изменил. «Так поступить велит мне Бог, который в душе моей»¹⁶, – убежденно заявлял он. Несомненно, что в сво-

ей вере он всегда ощущал незримую поддержку своего кумира – Льва Толстого, который, приходя Молочникову на выручку в тяжелых испытаниях, желал ему: «Помогай Вам Бог оставаться в том же духовном состоянии, главное, прощать тех, кто Вас мучит»¹⁷.

Однако в отношении обреченности своего судебного дела Молочников был не прав. Таким высокопрофессиональным адвокатам, как Н.К. Муравьеву и В.А. Маклакову было вполне по силам добиться, если не оправдания «толстовца» по этому делу, то, во всяком случае, смягчения его участи. Подтверждением этого может служить другой судебный процесс над Молочниковым – в 1910 г., где они выступили его защитниками, и который закончился оправданием Владимира Аифаловича.

9 сентября 1910 г. в Новгороде на выездной сессии Петербургской судебной палаты под председательством Н.С. Крашенинникова слушалось дело «толстовца» В.А. Молочникова по обвинению его в том, что он «непублично» возбуждал нескольких лиц к отказу от военной службы, и в том, что он хранил у себя, в целях распространения, брошюры Л.Н. Толстого, «заведомо для него возбуждающие к неповиновению закону и ниспровержению существующего государственного строя»¹⁸.

И на этот раз Лев Толстой не остался безучастным к судьбе своего последователя и попросил Н.К. Муравьева и В.А. Маклакова взять на себя его защиту. «Одной из очередных защит, – вспоминал Николай Константинович, – принятой мною по желанию Л.Н. Толстого, была защита его единомышленника В.А. Молочникова, которую я провел в Новгороде вместе с Маклаковым, что было явной перегрузкой процесса защитой, настолько несложен был этот процесс»¹⁹.

В защитительной речи присяжный поверенный Муравьев, рассуждая по существу предъявленных Молочникову обвинений, утверждал, что в самом обсуждении в кругу единомышленников каких угодно вопросов нельзя усмотреть «пропаганды», даже если один из беседующих осведомленнее, начитаннее других. Адвокат высказал мнение о том, что прокурор, вторгаясь в тесный круг знакомых обвиняемого, явно смешивает преследование публичной пропаганды, по закону преступной и, безусловно, наказуемой, с распространением каких угодно учений непублично, что преследуется лишь тогда, когда пропаганда эта «не могла встретить надлежащего противодействия»²⁰.

Столь же нелогично, по мнению защитника, было бы рассматривать отказавшихся в силу убеждения от военной службы толстовцев за солдат, а письма их братьев по вере, ободряющие их и поддерживающие их душевную бодрость, – за акт возбуждения к отказу от несения службы. «И жестоки, и бесполезны законы, – резюмировал он, – которые направлены на борьбу с непреодолимым

стремлением лиц, единых по духу, и к общению, и к состраданию в минуты гонений»²¹.

Другой защитник Молочникова – В.А. Маклаков – в своей речи указал на искусственность улик, которыми доказывают, будто подсудимый преступным образом распространял учение Толстого, находился в провокационном противоречии с тем, что та же прокуратура не преследовала самого Льва Толстого, несмотря на его неоднократные о том просьбы.

В конечном итоге во многом благодаря сильной защитительной аргументации присяжных поверенных Муравьева и Маклакова Судебная палата оправдала «толстовца» Молочникова.

Буквально на следующий день, узнав из телеграммы защитников о благополучном исходе волновавшего его дела, Л.Н. Толстой пишет Муравьеву: «...очень благодарю вас, Николай Константинович, за участие в деле близкого мне человека. Мне кажется, что я уже надоел вам своими поручениями, что вы должны бы давно отказывать мне, а вместо этого вы все продолжаете делать мне доброе и приятное»²².

В одном великий писатель оказался не прав – он, конечно же, не «надоел своими поручениями» адвокату Муравьеву, который и после смерти Толстого продолжал «доброе и приятное» для Льва Николаевича дело – отстаивал в суде права его единомышленников.

В 1914 г. В.А. Молочников в очередной раз оказался перед царским судом за свои убеждения и проповедь учения Л.Н. Толстого. Памятуя о советах Льва Николаевича, он обратился к присяжному поверенному Муравьеву: «Могу ли я рассчитывать на Вашу защиту 24 ноября в Петроградской Судебной Палате? <...> осталась неделя, а во мне нет достаточно духовных сил, чтобы покориться большой воли, не предприняв меры к предотвращению предстоящих неприятностей. К тому же я не один – семья...»²³.

К сожалению, на этот раз Муравьев, связанный обязательствами защитника по другим процессам, не смог выкроить времени для приезда в Петроград по делу Молочникова. Он долго оттягивал ответ Владимиру Аифаловичу, принимая все усилия для того, чтобы приехать на защиту, но, все-таки 22 ноября 1914 г. вынужден был ему сообщить, что не может этого сделать. Вместе с тем он попросил принять на себя эту защиту известного столичного юриста М.Л. Гольдштейна – «великолепного адвоката, которому обращался несколько раз и Лев Николаевич, – писал он Молочникову. – Не сомневаюсь в его согласии. Известите меня о результатах»²⁴. Кроме того, он решил подстраховаться, и с такой же просьбой обратился еще к одному петроградскому адвокату – присяжному поверенному Н.И. Идельсону.

Однако расчет Муравьева на помощь этих опытных адвокатов провалился, как оказалось, по весьма пикантной причине – из-за специфики этого дела. «Присяжный поверенный Идельсон

откровенно сказал мне, – писал Молочников уже после процесса Муравьеву, – что как еврею ему неудобно выступать с разъяснениями Христианской религии – единственная основа для защиты – то же он сказал о Гольдштейне»²⁵. К тому же у Гольдштейна было назначено к слушанию еще одно дело в том же Департаменте Сената, но он, тем не менее, «оставался наблюдать ход моего дела»²⁶, – вспоминал Молочников. А защищал его «по назначению суда» адвокат А.А. Захарьин, который, как видно, ответственно и неравнодушно подошел к этой защите. «Он очень волновался и говорил очень горячо, – вспоминал Молочников, – заставил судей долго совещаться. А судьи... кормятся, им иначе нельзя...»²⁷, – сокрушенно подытожил Владимир Аифалович.

Итоги процесса обескуражили последователя Льва Толстого. «Холодные они в столице люди, – восклицал Молочников. – Говорить с ними как с холодной стеной. Мне почти стыдно, что защищался – этого не нужно было делать. Если уж не хватило мужества сказать им главное: мы так окружили себя стеной лицемерия, что тот у кого есть хоть капля человеческого достоинства должен заявить об этом. Вот какова должна быть моя защита. А я, чтобы спасти свою шкуру, все уверял, что не хотел оскорблять правительство и пр.»²⁸.

Хроника судебных дел Молочникова была бы неполной, если не сказать о последнем деле знаменитого «толстовца», хотя это была уже другая эпоха, другая страна. В 1927 г. советскими органами в Новгороде было возбуждено дело против владельца слесарной мастерской В.А. Молочникова, обвинявшегося в «присвоении государственного имущества». Одновременно с этим рассматривалось дело «о национализации завода В.А. Молочникова в г. Новгороде»²⁹. Защитником теперь уже «буржуя» Молочникова выступил мэтр досоветской присяжной адвокатуры Н.К. Муравьев. Однако исход этих дел советским «правосудием» был заранее предрешен, даже несмотря на все усилия выдающегося адвоката.

Время и люди сотворили печальную и несправедливую метаморфозу с убежденным «толстовцем» В.А. Молочниковым. Человек, который всю жизнь с отчаянным самопожертвованием боролся с произволом и лицемерием царских властей, отстаивал христианские заповеди и учение Льва Толстого, этот, по словам великого писателя, «уважаемый небогатый человек», стал для большевиков в одночасье «классово чуждым элементом». Такие разные дела «толстовца» Молочникова, но во всех них просматривается один и тот же конфликт: противоречия между личностью и властью, совестью и произволом, свободомыслием и официозностью.

Примечания

¹ Цит. по: Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911. С. 227.

- 2 Пругавин А.С. Указ. соч. С. 298–299.
- 3 Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 15. С. 131.
- 4 Право. 1910. № 37. Стб. 2242.
- 5 Набоков В.Д. Лев Николаевич Толстой // Право. 1910. № 46. Стб. 2749.
- 6 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное. Т. 78. М., 1956. С. 142.
- 7 Там же. С. 121.
- 8 Там же. С. 132.
- 9 Там же.
- 10 Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – присяжный поверенный. Один из организаторов и участников первой группы политической защиты «московская пятерка» в составе: В.А. Маклаков, Н.П. Малянтович, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевич. С 1898 по 1917 г. – лидер неформального объединения политических защитников «Молодая адвокатура». С марта 1917 г. по февраль 1918 г. – председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Составитель духовного завещания Л.Н. Толстого. С 1928 по 1936 г. – член Комитета по исполнению воли Л.Н. Толстого в отношении его писаний.
- 11 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 78. С. 140.
- 12 Отдел рукописей Государственного узея Л.Н. Толстого (далее – ОР ГМТ). Ф. 30. Короб 1. Д. 12. Папка 3. Л. 1.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 1об-2.
- 15 Там же. Л. 2.
- 16 Там же.
- 17 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 78. С. 140.
- 18 Право. 1910. № 37. Стб. 2241–2243.
- 19 Муравьев Н.К. Автобиографическая заметка. Ч. 1 // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 19.
- 20 Право. 1910. № 37. Стб. 2242.
- 21 Там же.
- 22 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 82. С. 148.
- 23 ОР ГМТ. Ф. 30. Короб 1. Д. 10. Папка 1. Л. 1.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 2.
- 26 Там же. Л. 2об.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 ГА РФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 284–287.

УДК: 373.3 (470.44–25) (09) «1871/1917»

ГОРОДСКАЯ ДУМА И РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВЕ В 1871–1917 ГОДАХ

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

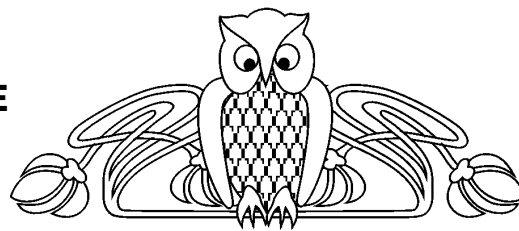
Исследование посвящено развитию муниципальной системы начального образования в Саратове в 1871–1917 гг. Автор приводит данные о численности городских начальных школ, количестве учеников, школьных помещениях, составе учительского персонала и т.д. Также в статье рассматривается деятельность Саратовской городской думы и некоторых ее членов в сфере начального образования.

Ключевые слова: городское самоуправление, Саратовская городская дума, история образования, история начальных учебных заведений Саратова.

City Duma and Development of an Elementary Education in Saratov per 1871–1917

M.V. Zaytsev

Research is devoted to development of municipal system of an elementary education in Saratov per 1871–1917. The author cites data about number of city elementary schools, quantity of pupils, school premises, structure of the teacher's personnel, etc. Also in clause activity of the Saratov city дума and also its some members, in sphere of an elementary education is considered.

Key words: city self-management, the Saratov municipal дума, history of education, history of elementary schools in Saratov.

Функционирование системы образования является одним из важнейших факторов в истории любого общества. Количество, качество и доступность образовательных учреждений во многом определяют уровень развития нации, ее интеллектуальный и культурный потенциал, политическую и экономическую конкурентоспособность на мировой арене. Поэтому изучение динамики образовательной сферы остается одним из актуальнейших разделов отечественной истории, в котором, правда, еще существуют малоизученные вопросы. В частности, специалистами пока проведено не так много исследований, посвященных развитию образования в отдельно взятых регионах и населенных пунктах, хотя такие работы могут дать очень ценный материал для дополнения и уточнения макроисторических изысканий.

Данная статья посвящена изучению основных тенденций в развитии начального образо-

вания в Саратове от городской реформы 1870 г. до революции 1917 г. Этот период выбран не случайно, поскольку в пореформенную эпоху все сферы городской жизни в Саратове, который тогда являлся одним из крупнейших экономических и культурных центров Российской империи, претерпели значительную эволюцию. Необходимо выявить изменения, происходившие в этих условиях с городской начальной школой, и определить роль городского самоуправления Саратова в этих изменениях, поскольку именно на муниципальные органы была возложена главная ответственность за развитие народного образования в городах.

Развитие начального образования в Саратове последней трети XIX – начала XX в. пока не являлось предметом специального исследования. Лишь несколько работ затрагивают эту проблему в том или ином контексте. В коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» развитие образования в Саратове специально не рассматривается. Часть «Очерков...», охватывающая период от Великих реформ до конца царствования Александра III, содержит лишь цитату из отчета губернатора М.Н. Галкина-Враского за 1871 г., в котором дана высокая оценка обеспечению нужд образования саратовским городским обществом¹. Следующая часть монографии включает параграф, где анализируется состояние народного образования в Саратовской губернии в 1905–1914 гг. и рассматриваются учебные заведения всех типов². Данный очерк содержит фактические неточности. Автор, например, утверждает: «В городах преобладали училища, основную массу которых составляли трехклассные с шестилетним курсом обучения. <...> В соответствии с правительственным решением с 1 июля 1912 г. городские училища преобразовывались в высшие начальные училища с четырёхгодичным курсом обучения. . .» (подчеркнуто мной – М.З.)³. Во-первых, преобразование училищ повышенного типа (трех- и четырехклассных) в высшие начальные училища (ВНУ) не предусматривало сокращения срока обучения, это очевидная ошибка. Во-вторых, такие училища не были преобладающей формой городских начальных школ. В частности, в Саратове до 1905 г. существовало одно четырехклассное училище, а к 1913 г. их стало 5. Они-то и были преобразованы в ВНУ в июле 1913 г. Большинство низших образовательных учреждений представляли собой муниципальные одно- и двухклассные начальные училища (соответственно с трех- и пятилетним сроком обучения), которых в губернском центре было в 1905 г. – 37, а в 1913 г. – 47⁴. На втором месте по количеству шли церковно-приходские школы (к 1908 г. в Саратове их было 24)⁵. В других городах губернии также доминировали одноклассные городские и церковно-приходские школы⁶.

Л.Н. Любомирова, рассматривая в одной из своих статей развитие начального образования на территории Саратовской губернии⁷, приводит некоторые данные и о состоянии образования в

Саратове: количество школ и учащихся в 1865 г. и в конце XIX в. (в первом случае речь идет о муниципальных школах, а во втором – о школах всех ведомств), особенности учебной программы, объем расходов городского бюджета на образование и главные проблемы, существовавшие в данной сфере.

Состояние начального образования в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв. рассматривается и в диссертации А.Н. Волконской⁸. Эта работа также содержит интересные сведения о начальных школах Саратова, которые, правда, «разбросаны» по всему тексту, поскольку автор рассматривала эволюцию системы образования в городе в контексте развития начального образования в губернии, а его, в свою очередь, в общероссийском контексте. Кроме того, большинство статистических данных охватывает все города губернии в совокупности и выводы автора не выделяют особенности начального образования в губернском центре, а оперируют общим понятием «городское образование». Поэтому проанализировать развитие образования отдельно в «столице Поволжья» довольно сложно. Тем не менее А.Н. Волконская ввела в научный оборот ряд важных для данной темы источников и осветила некоторые аспекты деятельности Саратовской городской думы в области народного образования. Наиболее значительные наблюдения были сделаны автором по поводу общих затрат городского бюджета на образование, о строительстве думой помещений для школ в 1905–1908 гг., о сословном составе учащихся в 1895–1907 гг. и о составе учителей⁹. Анализируя деятельность городской думы, диссертантка утверждает, что в этот период «народное образование в г. Саратове оказалось в надежных руках нового поколения купцов-либералов, которые своей прогрессивной общественной деятельностью пытались разрушить косность и замкнутость провинциальной купеческой среды»¹⁰. Стоит отметить, что в диссертации идет речь не только о муниципальных начальных школах Саратова, но и о финансировании городом церковно-приходских школ с 1883 по 1907 г., а также сообщаются некоторые сведения о школах других типов (национальных, воскресных, беженских и т.д.). На наш взгляд, для исследования А.Н. Волконской характерна недооценка влияния органов городского самоуправления (и не только саратовских) на развитие народного образования. Основную роль в этом, по мнению автора, играли земство, государство в лице Министерства народного просвещения и Русская православная церковь.

Авторы коллективного труда «Местное самоуправление Саратова: история и современность» рассмотрели развитие начального образования в русле всей деятельности городской думы¹¹. Конечно, рамки этой работы, в которой образовательным учреждениям Саратова всех уровней в пореформенный период посвящено лишь несколько страниц,

не позволили дать исчерпывающую картину. Но все же в книге можно найти некоторые сведения о саратовских начальных школах (рост числа школ и числа учащихся, бытовые условия в них, расходы городского бюджета на начальное образование и др.). Основываясь на этих данных, авторы приходят к выводу, что «деятельность городского управления на ниве народного образования в целом оказалась более плодотворной, чем в других отраслях»¹².

Справочно-краеведческое издание «Ученье – свет» содержит очерк истории учебных заведений Саратова конца XIX – начала XX в.¹³, в котором имеется отрывочная информация о начальных школах различных типов. Эти исключительно фрагментарные сведения достаточно скудны, а сама книга имеет скорее иллюстративное и популярно-познавательное значение.

В своей работе я хотел бы рассмотреть развитие системы начального образования в Саратове в 1871–1917 гг. Речь пойдет главным образом о городских начальных училищах, находившихся в ведении Саратовской городской думы. Хронологические рамки определяются введением в действие Городового положения 1870 г., изменившего устройство и функции городского общественного управления и Февральской революцией 1917 г., после которой муниципалитет оказался в совершенно иных исторических условиях.

К 70-м гг. XIX в. начальное образование в России имело довольно сложную структуру. Основным видом учебных заведений низшего уровня были начальные училища, которые отличались друг от друга ведомственным подчинением, источниками финансирования, а также, в определенной степени, содержанием учебной программы. Большая часть начальных училищ империи находилась в ведении Министерства народного просвещения (МНП), исключение составляли церковно-приходские школы (ЦПШ) и школы грамоты, которые подчинялись Святейшему синоду. Подведомственные МНП одноклассные и двухклассные начальные народные училища могли открываться и содержаться непосредственно самим министерством, земствами, сельскими и городскими обществами, а также частными лицами. При этом учредители школ имели право решать лишь вопросы, касавшиеся хозяйственной стороны их существования, всю же учебно-методическую часть (вплоть до утверждения кандидатов на учительские должности) контролировало МНП через систему губернских и уездных училищных советов, а также директоров и инспекторов народных училищ.

Городовое положение 1870 г. зафиксировало, что к «предметам ведомства городского общественного управления», помимо всего прочего, относится и «попечение о народном образовании»¹⁴ (аналогичный закон 1892 г. оставил трактовку этого пункта практически без изменений¹⁵). 4 января 1871 г. в Саратове начала действовать избранная по Городовому положению 1870 г. городская дума,

а в апреле – городская управа. «Наследство», доставшееся этим органам от дореформенного городского самоуправления в виде начальных школ было очень небольшим. Первое мужское городское начальное училище было открыто в Саратове в 1830 г. К 1870 г. в городе было всего 8 городских начальных школ, в том числе 4 мужских, 3 женских и 1 смешанная. Почти все школы были одноклассными, лишь первое женское городское начальное училище, открытое в 1859 г., было двухклассным¹⁶. За 40 с небольшим лет до начала Первой мировой войны саратовский муниципалитет смог добиться значительного увеличения количества школ и учащихся в них (табл. 1).

Развитие муниципальной системы начального образования в Саратове последней трети XIX – начала XX в. преодолело несколько различных по внутреннему содержанию периодов. Реформа 1870 г. резко повысила активность городского самоуправления в образовательной сфере, результатом чего стало увеличение за первые десять лет количества начальных школ в 2,5 раза, а числа учащихся – в 3,5. 1880-е и первая половина 1890-х гг. были периодом стагнации. За это время была открыта всего одна школа, а число учащихся выросло незначительно. Уже в 1889 г. в документах управы отмечалось, что число городских школ за последнее десятилетие не увеличилось. «К причинам такой неподвижности в увеличении числа городских школ, – писал член уездного училищного совета от города В.Д. Вакуров, – следует отнести сначала недостаток городских средств, а в последнее время умножение церковно-приходских школ в Саратове (с более 1000 учащихся), с открытием которых потребность образования городского населения является более или менее удовлетворенной». Вакуров подчеркивал, что ЦПШ получали на содержание субсидию от города и что «городская дума, оказывая эту помощь, усматривает в церковно-приходских школах как бы замену тех же городских, а потому не находит необходимости в увеличении последних»¹⁸.

С середины 1890-х гг. положение меняется в лучшую сторону: появляются новые школы, в существующих открываются дополнительные отделения, стремительно растет число учащихся. В 1895–1913 гг. число школ увеличилось в 2 с лишним раза, а количество учащихся – почти в 3. Скачок в развитии происходил на фоне демографического взрыва, который переживал Саратов. Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала число жителей города на уровне 137 147 чел., а к 1 января 1914 г. оно составляло уже 242 425 чел.¹⁹ Рост населения увеличивал потребность города в начальных школах, хотя и не в прямой пропорции. Дело в том, что прирост числа жителей шел в основном за счет миграции в город сельского населения. Крестьянство стремилось в первую очередь закрепиться в новых для себя условиях и добыть средства к существованию, поэтому желание дать своим детям начальное образование далеко не у всех новых горожан было в числе главных задач.

Динамика численности городских начальных училищ Саратова и учащихся в них в 1865–1913 гг.¹⁷ Таблица 1

Годы	Количество			Годы	Количество		
	училищ	отделений	учащихся		училищ	отделений	учащихся
1865	6	Нет данных	634	1891–92	21	63	2737
1870–71	8	Нет данных	854	1892–93	21	64	3042
1871–72	8	Нет данных	Нет данных	1893–94	21	63	Нет данных
1872–73	8	Нет данных	Нет данных	1894–95	21	65	3124
1873–74	13	Нет данных	1544	1895–96	23	77	3806
1874–75	13	Нет данных	1674	1896–97	24	82	4293
1875–76	13	Нет данных	1591	1897–98	26	93	4633
1876–77	16	Нет данных	1875	1898–99	26	97	4486
1877–78	16	Нет данных	2131	1899–00	26	97	4345
1878–79	19	Нет данных	2389	1900–01	26	100	4322
1879–80	20	53	2484	1901–02	26	93	4043
1880–81	20	62	2961	1902–03	28	102	4444
1881–82	20	65	3064	1903–04	31	117	4859
1882–83	20	64	3015	1904–05	34	130	5547
1883–84	20	65	3180	1905–06	37	152	6232
1884–85	20	65	3192	1906–07	42	164	6682
1885–86	20	66	3167	1907–08	43	180	7043
1886–87	20	65	3194	1908–09	44	189	7840
1887–88	20	65	Нет данных	1909–10	46	193	8065
1888–89	20	66	3081	1910–11	46	195	8217
1889–90	21	65	3025	1911–12	46	202	8621
1890–91	21	64	3013	1912–13	47	216	9155

Значительное влияние на динамику количества начальных школ оказывали субъективные факторы: отношение гласных Саратовской городской думы к развитию образовательной сферы и наличие у муниципалитета необходимых средств. Первый фактор был связан с персональным составом органов городского самоуправления. В 1870-е – начале 1890-х гг. в городской думе доминировали представители купечества и близких ему по менталитету социальных групп – почетных граждан и мещан, а более образованный слой дворян и чиновников составлял меньшинство²⁰. С середины 1890-х гг., и особенно в начале XX в., в думу стали избираться все больше гласных дворян, чиновников и разночинцев. Неуклонно повышался и образовательный уровень членов городской думы²¹. Естественно, такое изменение контингента гласных привело к более активной работе муниципалитета в области развития начальной школы, поскольку люди, сами обладающие образованием, как правило, лучше понимают его значение.

Велика была и роль отдельных личностей, причастных к муниципальному школьному делу. По утверждению гласного городской думы (1879–1917) И.Я. Славина, «городское начальное обучение у нас в Саратове за последние 30–40 лет XIX столетия неразрывно связано с именем Вакурова»²². Гласный В.Д. Вакуров с 1860-х до конца 1890-х гг. являлся наиболее активным деятелем народного образования в Саратове. Все успехи в развитии городских школ в этот

период были связаны с ним. Славин в своих воспоминаниях отмечает, что благодаря городской попечительной комиссии о начальных училищах и ее председателю Вакурову вместо нескольких дореформенных училищ «к концу семидесятых годов уже было 20 мужских и женских начальных школ, образцово, по мнению авторитетных педагогов, поставленных»²³. Признавая его большой вклад в развитие начального образования, городская дума в 1895 г. избрала Вакурова почетным гражданином Саратова и постановила повесить его портрет в зале думских заседаний²⁴. Из других гласных, энергично работавших на ниве народного образования, стоит упомянуть еще двух председателей училищной комиссии Саратовской городской думы А.М. Масленникова (1897–1908) и Н.И. Никольского (1910–1914).

Фактор наличия в городском бюджете необходимых средств оказывал во многих случаях решающее влияние на развитие начальной школы. После реформы 1870 г. бюджет Саратова значительно вырос, что дало возможность увеличить финансирование школьной сферы. 1880-е гг. были временем финансовых трудностей и стагнации в развитии городского бюджета, но с середины 1890-х для финансирования важнейших хозяйственных проектов (в том числе школьного строительства) муниципалитет стал активно привлекать займовые средства. В 1896 г. Саратовской городской думой был выпущен первый в ее истории облигационный заем, выручка от которого предназначалась

для строительства воинских казарм и помещений для школ. Из объединенного займа 1909 г. на общую сумму 3,8 млн руб. для постройки школьных зданий предназначалось 300 тыс. Привлекались денежные средства и из других источников, доходы городского бюджета росли и соответственно росла возможность развивать систему начального образования²⁵.

Рост количества городских начальных школ и учащихся свидетельствует о большом прогрессе в этой сфере, достигнутом к началу Первой мировой войны. Тем не менее, чтобы точнее представить значение этих успехов, нужно выяснить уровень

обеспеченности начальными школами потребности населения в них. Сделать это непросто, поскольку, как было отмечено выше, не все жители города считали необходимым дать своим детям хотя бы элементарное образование. Изучение этого фактора, лежащего в области социальной психологии, находится за рамками нашего исследования. Для определения обеспеченности школами потребности горожан воспользуемся исключительно внешними критериями, такими, как число отказов в приеме в городские школы и распространение школьной сети по городской территории (табл. 2).

Таблица 2

Число отказов в приеме в начальные городские школы Саратова²⁶

Годы	Число отказов	% к принятым в начале учеб. года	Годы	Число отказов	% к принятым в начале учеб. года
1875–76	270	49,1	1890–91	210	Нет данных
1879–80	516	55,2	1891–92	350	35,0
1880–81	275	21,4	1892–93	327	29,2
1881–82	304	26,3	1893–94	210	20,2
1882–83	183	15,6	1894–95	412	35,9
1883–84	287	22,7	1895–96	241	13,5
1884–85	377	32,4	1896–97	465	33,6
1885–86	416	38,1	1897–98	150	8,8
1886–87	305	Нет данных	1898–99	81	4,9
1887–88	Нет данных	Нет данных	1899–00	96	Нет данных
1888–89	Нет данных	Нет данных	1900–01	0	0
1889–90	115	10,9	1901–02	123	8,1

Данные табл. 2 свидетельствуют, что с середины 1870-х до середины 1890-х гг. для значительной части саратовских детей начальная школа была недоступна. В среднем около 29% (к принятым в начале учебного года) получали отказ в приеме в городские школы главным образом по причине отсутствия мест. С конца 1890-х картина стала меняться в лучшую сторону, поскольку городское самоуправление поставило перед собой задачу предоставлять всем желающим место в городской школе. Для достижения этой цели были привлечены значительные финансовые средства, стали открываться новые школы и отделения. Энергичные действия городской думы и управы позволили уже в 1908 г. констатировать, что «последнее пятилетие (с 1902/03 уч. года и по 1907/08 уч. г.) характеризуется отсутствием отказов, ибо городское управление открывает ежегодно новые и новые отделения, количество которых определяется осенью по окончании предварительной записи желающих поступить в школы. Наоборот, в последнее пятилетие в школы поступает более, чем предварительно записалось к поступлению. Это находит себе объяснение в том факте, что открытие новой школы в новом районе вызывает здесь, в среде местных жителей, новые желанья, новые стремления»²⁷.

Доступность школы во многом определялась и расстоянием от нее до места жительства потенциального ученика. К 1906 г. территория Саратова занимала площадь в 1 440 десятин, следовательно, каждая из 42 школ имела «радиус действия» в 34,3 десятины, а максимальное расстояние от школы до места жительства учащихся в среднем было не более 6/7 версты (около 900 м). Однако это среднее расстояние на практике довольно значительно колебалось, в связи с неравномерным распределением начальных училищ по территории города. Из 42 школ, существовавших в 1906/07 учебном году, на «Центр», который охватывали I и III полицейские части (общая граница: берег Волги, Глебушев овраг, Камышинская, Константиновская и Никольская улицы), приходилось 16 школ, вмещавших 2 183 ученика. Северные и северо-восточные окраины, именовавшиеся «Горы» и «Новое поселение» и занятые IV и VI полицейскими частями, располагали также 16 школами, в которых обучалось 2 304 чел., однако их совокупная площадь была значительно больше площади «Центра». Юго-западные «рабочие» кварталы, расположенные в пределах II и V полицейских частей, по территории превосходили каждый из двух других районов города, но имели всего 10 школ с 1 679 учащимися²⁸.

Городские начальные школы в Саратове по своему количеству и числу обучающихся превосходили школы других ведомств. По данным городской училищной комиссии, в октябре 1895 г. в городе было 33 начальных школы всех типов «с более чем 4 000 учащихся», из которых 23 муниципальных училища содержали 3 806 чел. При этом до 5–6 тыс. саратовских детей совершенно не учились в школе (данные на конец 1880-х гг.)²⁹. К началу XX в. соотношение «городских» и «не городских» школьников несколько изменилось. Учащиеся в муниципальных начальных школах Саратова в 1906/07 учебном году составляли 47,7 % всех детей школьного возраста (6 682 из 14 008). В ЦПШ, которых к 1 января 1908 г. в городе было 24, обучались в этом же учебном году 1 886 детей. Некоторое количество приходилось на национально-религиозные училища

(лютеранская школа, мектебе, хедер), частные школы и начальные классы средних учебных заведений. Точной статистики по этим заведениям пока найти не удалось, но, по приблизительным подсчетам училищной комиссии, во всех не городских начальных училищах (включая ЦПШ) обучались около 3,5 тыс. чел. Таким образом, приблизительно 3,8 тыс. детей оставались вне школы, что свидетельствует о положительной динамике в этом вопросе относительно 1880–1890-х гг.³⁰ Поскольку отказов в приеме в городские начальные училища не было уже с 1902 г., дети оставались вне школы не в связи с ее недоступностью, а по другим причинам (низкий образовательный и культурный уровень родителей, тяжелое материальное положение семьи, удаленность школ от окраин и т. д.).

Менялся и социальный состав учащихся городских школ (табл. 3).

Таблица 3

Распределение учащихся городских начальных школ по сословиям, %³¹

Годы	Купцы	Мещане	Крестьяне	Дворяне	Духовенство	Прочие
1883–1884	2,41	67,95	23,61	3,02	0,44	2,57
1892–1893	2,10	59,70	29,75	3,95	0,36	4,14
1896–1897	2,75	50,19	35,22	3,75	0,40	7,69
1903–1904	0,91	45,02	50,40	2,35	0,72	0,60
1906–1907	1,68	46,29	49,29	1,90	0,56	0,28

Увеличение доли крестьянских детей среди учащихся объясняется тем, что рост количества жителей Саратова, как отмечалось выше, происходил в первую очередь за счет пришедшего сельского населения. Менялась социальная структура всего города и отражение этого процесса имело место в начальной школе. Кроме того, муниципальная школа была доступна для детей наименее обеспеченных слоев общества. Не случайно большинство учащихся были детьми поденщиков, прислуги, рабочих и торговцев³². Плата за обучение в городской школе не была препятствием для поступления детей из небогатых семей. По данным А.В. Воронежцева, до 1897 г. обучение в городских школах вообще было бесплатным, а с этого года была введена плата в размере 2 руб. в год, но взималась она только с учеников из состоятельных семей³³. По сути, внесение платы за обучение, которая, кстати, предназначалась для закупки и выдачи беднейшим учащимся обуви и одежды, было делом добровольным. В 1903–1907 гг. часть школ вообще ее не собирали, а сумма всех поступлений снизилась с 27,1 до 7,7 % от того, что теоретически должно было вноситься. Неоднократные напоминания думы и городской училищной комиссии заведующим школ о необходимости более энергично взимать плату за обучение сборов не подняли³⁴. С 1909 г. в связи с введением в Саратове системы всеобщего начального обучения плату собирать перестали.

Помимо количества начальных школ и их доступности для населения огромное значение имеют условия, которые школы могли предоставить учащимся и учительскому персоналу. Серьезной проблемой для городского самоуправления Саратова всегда являлось изыскание помещений для школ. Изначально у думы было очень мало собственных зданий, пригодных для размещения в них учебных заведений. В 1874 г. из 13 училищ лишь 3 имели собственное помещение, остальные располагались в наемных домах. Правда, уездный училищный совет отмечал, что «помещения всех училищ отличаются большим удобством и хорошо во всех отношениях обстановкою, за исключением некоторых»³⁵. Через 16 лет член совета от города Вакуров в одном из служебных документов писал: «Немного найдется городов в России, которые бы так внимательно, не щадя никаких издержек, стремились к улучшению дела народного образования, как в Саратове. <...> Тем удивительнее покажется, что при таком взгляде на училищное дело почти все городские школы до сих пор не имеют собственных помещений». По его данным, в 1890 г. только два городских училища имели постоянные помещения, находившиеся в собственности города и МНП, а еще два занимали дома Общества купцов и мещан, которое предоставляло их городу бесплатно³⁶.

До середины 1890-х гг. все вновь открывавшиеся школы размещались в наемных домах,

но это было неудобно и невыгодно для городского самоуправления. Нанимаемые здания, как правило, изначально не должны были служить школьными помещениями и поэтому не отвечали ни учебно-методическим, ни медико-санитарным требованиям. Нередко в таких домах под одной крышей со школами находились магазины, лавки или частные квартиры, что вызывало серьезные неудобства. Кроме того, сдавались в наем помещения преимущественно в центральной части города, в связи с чем и возникло неравномерное распределение школ по территории Саратова. Высокая арендная плата была тяжела для городского бюджета. По этим причинам школы иногда «кочевали» из одного наемного помещения в другое, не находя достойных условий. Например, 12-е начальное мужское училище с момента своего открытия в 1879 г. только до 1887 г. сменило четыре различных здания³⁷.

Одним из первых среди членов саратовского муниципалитета всю важность изложенных недостатков в размещении школ осознал Вакуров. Он много лет постоянно «взывал к городскому управлению о крайней необходимости приобретения постоянных, правильно устроенных школьных помещений», но недостаток финансовых средств у города не позволял исполнить его планам. Для того чтобы решить эту проблему, Вакуров уже в 1889 г. выступил с предложением осуществить постройку школьных зданий за счет долгосрочного займа, выплаты по которому, согласно его расчетам, могли быть погашены суммами, затрачиваемыми городским управлением на наем помещений для школ³⁸. Однако только через несколько лет городская дума смогла выполнить этот проект. Как упоминалось выше, в 1896 и 1909 гг. были реализованы облигационные займы, выручка от которых позволила форсировать школьное строительство. Средства на постройку школьных зданий привлекались и из других источников, например, в виде благотворительных взносов от частных лиц. Так, в 1906 г. бывший гласный городской думы купец А.И. Красулин пожертвовал на постройку школьного здания 10 тыс. руб. и дума, заслушав доклад по этому вопросу, постановила: «приступить к постройке здания школы с весны 1907 г., для чего бесплатно отпустить с городского кирпичного завода потребное количество кирпича»³⁹.

К 1908 г. из 43 городских начальных школ уже 16 размещались в муниципальных зданиях, 3 – в зданиях Общества купцов и мещан, которое по-прежнему предоставляло их городу бесплатно, и 24 – в наемных. Но при этом только 16 из всех школьных зданий были специально выстроены для размещения в них учебных заведений (преимущественно городские)⁴⁰.

В конце 1908 г. думой было принято решение в течение 10 лет ввести в городе систему всеобщего начального образования, для чего обратились к правительству с ходатайством об отпуске из госу-

дарственного бюджета специального пособия. Со своей стороны дума обязалась не только сохранять принцип «безотказности» в приеме в городские начальные школы, но и прекратить полностью сбор платы за обучение, а также обеспечить учебный процесс всеми необходимыми условиями. Ходатайство было удовлетворено и с 1909 г. муниципалитет приступил к введению в Саратове всеобщего начального образования. За 1908–1913 гг. количество школ увеличилось на 17%, отделений – на 20%, учащихся – на 23,6% (см. табл. 1). При этом городское самоуправление открывало новые школы и отделения преимущественно на окраинах города и только при отсутствии на окраинах свободных наемных помещений новые отделения открывались в центре. К 1913 г. из 47 городских начальных училищ 28 находились на окраинах и 19 – в центре, при этом уже 21 школа находилась в муниципальном здании⁴¹.

Стоит отметить, что введение всеобщего обучения предусматривало создание в городе единой школьной сети, в которую включались начальные училища как муниципальные, так и других ведомств. Так, например, в общую сеть вошли все саратовские ЦПШ. Смысл создания школьной сети заключался, очевидно, в том, что государственная помощь по введению всеобщего обучения оказывалась через городскую думу начальным учебным заведениям всех типов. При таком способе можно было точнее рассчитать потребности всего населения города в начальных школах, а также ту сумму, которую требовалось затратить государству на этот предмет в каждом конкретном году.

Помощь, оказываемая государством в рамках введения всеобщего начального образования, позволила форсировать работу по обеспечению школ помещениями. 21 декабря 1911 г. городская дума утвердила десятилетний план школьного строительства, по которому предполагалось построить 10 трехэтажных школьных зданий (так называемых «школ-дворцов»), перевести в них более половины школ из наемных помещений и размещать при этом ежегодный прирост учащихся. В 1912–1915 гг. было выстроено 7 «школ-дворцов», однако с 1916 г. городское управление должно было прекратить дальнейшее осуществление плана школьного строительства ввиду крайней дороговизны рабочих рук и строительных материалов, вызванных войной⁴².

После помещений для школ на следующем месте по своему значению идет, пожалуй, организация здравоохранения учащихся. Необходимо отметить, что до конца 1880-х гг. систематический медико-санитарный надзор за городскими начальными школами отсутствовал. Состоявшие при управе врачи привлекались к осмотру и лечению школьников в случае начинающейся эпидемии, а постоянное наблюдение за здоровьем детей фактически возлагалось на учителей⁴³. Только в 1889 г. территория Саратова была разделена на

два участка, в каждом из которых надзор за здоровьем школьников осуществлялся одним из двух городских санитарных врачей. С этого времени «в начале каждого года все вновь поступившие ученики подробно, по известной программе, осматривались со стороны их физического здоровья и принимались меры к немедленному разобщению больных детей от здоровых и, кроме этого, прививалась им первичная и вторичная оспа. В течение учебного года школы периодически, во время учебных занятий, посещались врачами. При каждом посещении дети осматривались, заразные больные изолировались, подавалась медицинская помощь». Так дело было организовано до 1894 г., когда в Саратове открылись амбулатории, в связи с чем врачи стали только осматривать детей, поступивших в начале года, а также посещать школы в экстренных случаях. На плечах городских санитарных врачей, помимо надзора за школами, лежало множество других обязанностей, кроме того их количество росло гораздо медленнее числа школ и учащихся, поэтому все отчетливее вырисовывалась необходимость учредить должность особого школьного врача. Такая должность была введена в 1899 г., но лишь для женских школ⁴⁴. Только в 1912 г. дума постановила учредить особую школьно-санитарную организацию и пригласить в нее двух врачей⁴⁵.

Педагогический и обслуживающий персонал каждой городской начальной школы состоял из попечителя, заведующего, 1–2 законоучителей, нескольких учителей, сторожей и дворников. Попечители школ избирались городской думой и утверждались губернским училищным советом. На практике эту должность занимали, как правило, действующие или бывшие гласные городской думы. Попечители были призваны осуществлять «ближайшее заведывание начальными училищами» и нести ответственность за порядок в них, они также имели право голоса по делам своих училищ в городском училищном совете. Помимо чисто формальных функций, попечители часто жертвовали школам деньги или необходимые вещи⁴⁶.

Непосредственное руководство школой лежало на заведующем, который был одновременно и первым учителем. Законоучители-священники и учителя пения обязательно присутствовали в штате каждой школы и обычно работали одновременно в нескольких училищах. Некоторые женские школы имели в составе учительниц рукоделия. Зарплата школьного персонала был невысок. В первой половине 1870-х гг. заведующие получали 600 руб. в год, «учителя второго разряда» – 500 руб., «помощники учителей» – 420 руб., причем в эти суммы входили деньги на наем квартиры. Законоучители получали 150–200 руб. в год. К концу 1880-х эти ставки практически не изменились⁴⁷. В начале XX в. градации среди учителей уже не существовало, в штатном расписании они значились лишь «заведующий», «второй учитель»,

«третий учитель» и т.д. Содержание учителя в это время складывалось из основного жалования, квартирного довольствия (некоторые получали его от муниципалитета в натуральном виде), прибавки за выслугу лет и – для заведующих – прибавки за заведывание школой. Жалование учителя составляло 360 руб. в год, надбавка заведующего – 150 руб. Жалование законоучителя составляло 150–300 руб., а учителей пения всего 60–120 руб. Из 181 учителей общеобразовательных предметов саратовских начальных школ осенью 1907 г. только 32 пользовались квартирами от города, в основном – заведующие. Остальные получали по 120 руб. «квартирных». По подсчетам городской училищной комиссии, средний заработок учителя со всеми надбавками составлял 619 р. 04 к. в год или 51 р. 79 коп. в месяц. Такое материальное вознаграждение, говорилось в отчете комиссии, «при существующей дороговизне жизни в г. Саратове едва ли может быть признано достаточным». На скудость обеспечения учителей указывал и тот факт, что значительная их доля прибегала к заработкам на стороне, хотя это и было весьма затруднительно. Главным подсобным занятием являлись частные уроки⁴⁸. Накануне Первой мировой войны уровень учительских зарплаток несколько повысился: в 1914 г. максимальное жалование заведующего городской начальной школы составляло 1 070 руб., а минимальное жалование учителя – 420 руб. и предоставление квартиры⁴⁹.

Некоторые положительные тенденции наблюдались и в кадровом составе саратовских учителей. Повышался образовательный уровень преподавательского персонала: если в 1898 г. высшее образование имели 1,9% учителей, среднее – 74,8%, специально педагогическое – 9,3% и низшее – 14%, то в 1908 г. высшее – 2,2% среднее – 74,6%, специально педагогическое – 17,7% и низшее – 4,4% (об 1,1% сведений нет). В составе преобладали молодежь: в 1907–1908 учебном году 55,8% всех педагогов находились в возрасте от 19 до 35 лет. Интересно, что учительская профессия уже тогда была преимущественно женской, мужчины составляли среди учителей немногим более четверти, зато среди заведующих школами их было более половины⁵⁰.

Развитие начального образования характеризуется и динамикой расходов, которые выделялись из городского бюджета на данную сферу. Из всех городов 34 губерний, где действовали земское и городское положения, Саратов был в числе лидеров по бюджетным затратам на начальное образование (табл. 4).

На рубеже XIX–XX вв. Саратов являлся двенадцатым по величине городом Российской империи. Табл. 4 содержит сведения о крупнейших городах 34 земских губерний, которые несли наиболее значительные расходы на начальное образование. «Столица Поволжья» уверенно занимала четвертое место по абсолютной сумме

Таблица 4

Расходы городов России на начальное образование за 1906 г.⁵¹

Место по сумме расходов	Города	Сумма расходов на начальное образование за 1906 г., руб.	Увеличение по сравнению с 1905 г.	Место (по сумме увеличения)
1	С.-Петербург	1.685.083	+132.566	2
2	Москва	1.465.202	+142.784	1
3	Одесса	447.128	+34.833	3
4	Саратов	186.178	+34.182	4
5	Самара	103.601	+4.510	12
6	Харьков	96.581	+1.386	21
7	Н. Новгород	86.160	+3.543	16
9	Казань	82.157	+7.359	6

ассигнований и уже конкурировала с Одессой по ежегодному увеличению расходов. Любопытно, что Саратову по этим показателям уступали даже такие крупные города Поволжья, как Казань и Нижний Новгород, хотя они были не намного меньше его по количеству населения и находились примерно на том же уровне социально-экономического развития. Скорее всего, это объясняется субъективными причинами, в первую очередь – повышенной активностью саратовского муниципалитета в деле развития народного образования. Гласный думы (1891–1917) М.Ф. Волков в своих мемуарах утверждал, что народное

образование было для Саратовской городской думы приоритетным направлением деятельности, достижения в котором выражались большим количеством начальных и средних учебных заведений, содержавшихся городским самоуправлением или при его поддержке. Обрисовывая ситуацию 1907–1908 гг., Волков писал: «По имеющимся тогда статистическим сведениям гор [од] Саратов по народному образованию в процентном отношении стоял выше Киева, Одессы и Харькова»⁵².

Подробности динамики расходов городского бюджета Саратова на начальное образование содержатся в табл. 5.

Таблица 5

Расходы Саратова на начальное образование в 1871–1912 гг.⁵³

Год	Расходы города на начальное образование, руб.	Расходы на 1 жителя города, коп.	Год	Расходы города на начальное образование, руб.	Расходы на 1 жителя города, коп.
1871	8.678	–	1892	64.265	54,43
1872	8.768	–	1893	55.946	45,40
1873	10.806	–	1894	63.090	50,48
1874	10.990	–	1895	63.916	50,65
1875	23.958	24,38	1896	71.813	55,45
1876	32.645	–	1897	82.290	61,29
1877	34.157	–	1898	96.080	70,18
1878	40.651	–	1899	99.578	71,10
1879	46.845	–	1900	102.654	71,57
1880	53.165	46,26	1901	105.349	69,17
1881	54.774	–	1902	104.970	66,56
1882	55.425	–	1903	125.092	63,26
1883	55.531	–	1904	133.846	65,98
1884	51.178	–	1905	148.417	71,58
1885	53.301	45,31	1906	196.883	94,29
1886	57.112	–	1907	216.199	99,18
1887	55.940	–	1908	225.343	104,71
1888	56.421	–	1909	250.575	115,25
1889	56.022	–	1910	259.922	119,54
1890	58.161	47,00	1911	262.751	114,62
1891	56.574	45,00	1912	371.170	153,66

Насколько можно судить, авторы источников, из которых заимствованы данные табл. 5, включили в сумму расходов города не только затраты на городские начальные школы, но и пособия другим начальным учебным заведениям (например, ЦПШ) и прочие ассигнования думы, касавшиеся развития начального образования. Тем не менее эти сведения демонстрируют значительные успехи, достигнутые городским самоуправлением Саратова в рассматриваемой сфере. За 1871–1907 гг. муниципалитет увеличил расходы своего бюджета на начальное образование почти в 25 раз, тогда как число школ возросло за тот же период в 5 раз, а число учащихся – в 8. Отчасти эта диспропорция объясняется ростом стоимости товаров и услуг в городе, что современники называли «дороговизной жизни». С другой стороны, сами работники муниципалитета утверждали, что «городское управление заботилось не только о количественной, но и о качественной стороне дела начального народного образования», поэтому стоимость обучения одного учащегося городской школы выросла за 1871–1907 гг. почти в 3 раза⁵⁴.

В предвоенные годы рост расходов на начальное образование продолжился. По подсчетам городской управы за 1908–1912 гг., они увеличились на 64,7%, чему в немалой степени способствовала финансовая помощь, которую городу оказывало государство. Помощь поступала в виде безвозвратных пособий «на введение всеобщего начального обучения» и 3 %-ных ссуд на постройку школьных зданий. Безвозвратные пособия МНП в 1908–1912 гг. составляли от 56 до 68 тыс. руб. в год, а в 1913 г. эта цифра достигла 76 тыс. руб.⁵⁵. Полученные суммы тратились главным образом на выплату жалования учителям. При этом городское самоуправление не только расходовало средства на улучшение муниципальных школ, но и служило передаточной инстанцией между МНП и школами других типов (ЦПШ, русско-татарской и старообрядческой). С июля 1912 по август 1914 г.

город получил пять 3%-х ссуд от МНП на общую сумму 272 385 руб.⁵⁶. Эти деньги помогли думе осуществлять школьно-строительную программу в 1912–1915 гг.

Определенный интерес представляет отношение затрат на начальное образование ко всем расходам городского бюджета. Из бюджета 1871 г. по разделу «содержание городских учебных и благотворительных заведений» было отпущено 10 454 руб., что составляло 2,9 % всей расходной части. Источник, которым приходится пользоваться в данном вопросе, не содержит более четкой градации ассигнований, но очевидно, что суммы, отпускаемые городом на начальные школы, в это время были незначительны. В 1892 г. расходы на «учебно-воспитательную часть» составили уже 105 363 руб. (13,7% всего бюджета). Из них только на содержание и отопление городских начальных училищ было истрачено 55 415 руб. (7,2%)⁵⁷.

Рост расходов на образование достиг своего пика в начале XX в. К этому времени городской бухгалтерией был усовершенствован бюджетный учет и все расходы городского самоуправления на народное образование суммировались в § IX сметы. В 1905–1911 гг. абсолютная сумма расходов по этому параграфу прочно удерживала первое место среди всех разделов бюджета. Городская дума тратила в указанные годы на народное образование в среднем 18,3% всех средств. По поводу ассигнований на начальную школу управа в 1909 г. констатировала, что «в среднем, расходы на начальное образование составляют до 9 процентов всех городских расходов. По отношению к расходам на нужды народного образования (§ IX сметы) расходы на начальное образование составляют до 55–50 процентов»⁵⁸.

Любопытно сопоставить абсолютный и относительный размер расходов городского бюджета на начальные училища в 1913 и 1915 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Расходы на содержание городских начальных училищ в 1913 и 1915 гг.⁵⁹

Год	Все расходы городского бюджета, руб.	Расходы по § IX «Народное образование»		Расходы на содержание городских начальных училищ	
		Сумма, руб.	Доля во всех бюджетных расходах, %	Сумма, руб.	Доля во всех бюджетных расходах, %
1913	3.708.216	779.992	21	299.066	8,1
1915	6.822.605	949.370	13,9	281.390	4,1

Расходы городского бюджета на народное образование не ограничивались содержанием начальных училищ. Сюда входили также устройство и ремонт школьных зданий, пособия русско-татарской, старообрядческой школам, средним и высшим учебным заведениям, содержание библиотек и т. д. Некоторую часть средств поглощали высшие начальные училища (ВНУ). К началу 1900-х гг. в Саратове, помимо одно- и двухклассных городских училищ, существовало также

муниципальное образовательное учреждение повышенного типа – четырехклассное училище. В 1905–1911 гг. было открыто еще 4 таких учебных заведения, а 31 июля 1913 г. все они были преобразованы в ВНУ. Четырехклассные училища, а затем ВНУ содержались городским самоуправлением и отличались от начальных школ более широкой программой. Обучение в них было платным, хотя за беднейших учеников дума вносила плату самостоятельно. Количество учащихся четырех-

классных училищ в 1911–1912 учебном году составляло 981, а осенью 1916 г. в пяти городских ВНУ числилось 1 365 чел.⁶⁰

Обстоятельства военного времени, безусловно, оказали негативное воздействие на финансирование городом начальной школы. Сократилась абсолютная сумма отпускаемых средств, что было связано, в первую очередь, с закрытием части школ, а также с прекращением государственных ссуд на школьное строительство. Относительная доля расходов на начальные училища уменьшилась еще резче, поскольку выросли расходы по другим разделам и статьям бюджета, в основном связанным с обеспечением военных нужд. Отрицательное воздействие Первой мировой войны на состояние начальной школы выразилось не только в сокращении ассигнований. Как отмечалось выше, в связи с начавшимися из-за войны экономическими трудностями не был реализован до конца план строительства «школ-дворцов». Помимо этого, старые и только что выстроенные школьные здания стали использоваться для размещения войск, беженцев, пленных и лазаретов. Естественно, что сокращение учебных площадей привело к отрицательной динамике количества школ и учащихся. В последнем довоенном учебном году в 45 городских начальных училищах состояло 9 983 учащихся⁶¹. На 1914/15 учебный год было принято 10 930 чел., но к 1 января 1915 г. в Саратове числилось уже только 39 муниципальных школ⁶². Во второй половине 1915 г. более 80 % всей школьной площади было занято под военные надобности. А 10 573 чел., которые были приняты на 1915/16 учебный год (не считая приблизительно 1,5 тыс. учащихся ВНУ), городской думе приходилось размещать в 9 школьных зданиях с 52 классными комнатами. Дефицит помещений вынудил городскую думу просить учебные заведения других ведомств (ЦПШ, гимназии) предоставить свои помещения для занятий городских школ в свободное от основного контингента время. Помимо этого в свободных городских училищах занятия проводились в 2–3 смены. Такие меры, конечно, не могли решить проблему полностью, а лишь ослабляли негативное воздействие военных условий. Саратовская городская училищная комиссия в специальном докладе сообщала управе и думе, что в 1915/16 учебном году занятия в городских школах «производились в 2 смены, причем в большинстве средних и младших отделениях занятия велись не ежедневно, а лишь по 2–3 раза, а в некоторых отделениях даже по одному разу в неделю; в 41 отделениях были перерывы в занятиях от 1 до 3 недель, в 71 отделениях от 1 до 3 месяцев. Указанные выше неблагоприятные условия послужили причиной значительного понижения успешности занятий; во многих отделениях дано очень мало уроков и намеченная программа не пройдена. Ввиду этого Комиссия учащихся, а затем и общее собрание признали необходимым просить Училищную Комиссию из 148 средних и млад-

ших отделений перевести только 27 отделений, 70 отделений оставить на второй год обучения, а остальные отделения перевести при условии, если обучение будет производиться до 20 мая и если следующий учебный год будет протекать в отношении учебных занятий в благоприятных условиях»⁶³.

Ситуация в 1916/17 учебном году была не намного лучше. В распоряжении городского самоуправления оставалось лишь 12 школ (или 31% собственной школьной площади), в которых было необходимо разместить около 12 000 учащихся городских начальных училищ и ВНУ (по другим данным соответственно 9 101 и 1 365⁶⁴). Даже при занятиях в 2 смены можно было организовать учебный процесс только для 8 тыс. детей. Исходя из этого училищная комиссия, управа и дума приняли совместное решение ходатайствовать перед военным начальством об освобождении части школ. Однако это ходатайство не было удовлетворено⁶⁵. Осенью 1916 г. городское управление констатировало, что число всех учащихся в начальных и повышенного типа школах составляет 10 466 чел., что было меньше предыдущего года. «Уменьшение количества учащихся, – утверждал печатный орган городской думы, – объясняется, во-первых, тем, что многие дети, за отсутствием свободных мест в городских школах, занятых в большинстве случаев для военных надобностей, перешли в церковные школы, где обучение до сего времени производилось в более нормальных условиях; во-вторых, тем, что некоторые учащиеся вследствие призыва их отцов на военную службу оставили школу и были привлечены к работам»⁶⁶. «Отсутствие школьных помещений и вытекающие отсюда неблагоприятные условия школьной работы, – отмечала училищная комиссия, – приносят делу народного образования громадный вред: дети, лишенные возможности посещать ежедневно школу, получают слабые знания, испытывают вредное влияние улицы, приобретают дурные навыки и даже пороки»⁶⁷.

Характерно, что даже в этих непростых условиях саратовский муниципалитет не собирался прекращать работу по совершенствованию начальной школы. План школьного строительства городская дума собиралась реализовать после окончания войны. Государство не могло продолжать оказывать кредитно-финансовую поддержку школьно-строительным мероприятиям думы и после августа 1914 г. ссуды на строительство школьных зданий поступать перестали. Однако казна выполняла свои обязательства перед городом, касающиеся помощи в организации всеобщего начального обучения. Даже в 1917 г. от МНП городу было выдано пособие на это в размере 107 954 руб.⁶⁸.

Трудности военного времени, безусловно, не могут заслонить очевидного факта: за 1871–1917 гг. Саратовская городская дума и ее подведомственные учреждения проделали огромную работу

в сфере начального образования. Гласный думы (1913–1917) А.А. Минх в своих воспоминаниях утверждал, что городское самоуправление придавало делу народного образования «огромное значение, почему, можно сказать, оно и было поставлено в Саратове образцово. <...> По всему городу была раскинута сплошная сеть одноклассных и двухклассных школ, а во многих местах выделялись так называемые «школы-дворцы», на постройку и оборудование которых Городская Дума не жалела средств и путем получения правительственных субсидий и займов. Надо отдать должное учительскому персоналу, что преподавание в школе стояло на высоком уровне и велось умело, толково и любовно»⁶⁹. Значительный прогресс в развитии начального образования, которого добилось в последней трети XIX – начале XX в. городское самоуправление Саратова, был замедлен только Первой мировой войной, а последовавшие за ней внутренние потрясения не позволили завершить организацию всеобщего начального обучения.

Примечания

- 1 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894): В 2 т. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 190–191.
- 2 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917): В 2 т. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 339–352.
- 3 Там же. С. 339.
- 4 См.: Краткий отчет о деятельности саратовского городского общественного управления за 1909–1912 годы. Саратов, 1913. С. 116; Обзор деятельности саратовского городского общественного управления за 1905–1908 годы. Саратов, 1909. С. 353.
- 5 См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Саратов, 1908. Вып. 1. С. 60.
- 6 См.: Народное образование в Саратовской губернии на 1 января 1915 г. Обзор. Школы, учащиеся, учащие, бюджет. Саратов, 1915. С. 153–170.
- 7 См.: Любомирова Л.Н. О начальном народном образовании в Саратовской губернии в 60-е гг. XIX – начале XX в. // Тр. Сарат. обл. музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 11–31.
- 8 См.: Волконская А.Н. Развитие начального народного образования в России. Середина 1890-х – 1917 гг. (На материалах Саратовской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.
- 9 Там же. С. 51, 65, 70–72, 80–83, 102–104.
- 10 Там же. С. 37, 126–128, 149, 152, 174, 182.
- 11 См.: Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 95–99.
- 12 Там же. С. 95.
- 13 См.: Ученые – свет (Кем быть, или Образование в Саратовской области). Саратов, 2006. С. 7–63.
- 14 Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 2-е. Т. 45. СПб., 1874. Отд. 1. С. 823.
- 15 См.: Городовое положение 11 июня 1892 г. // ПСЗ. Собрание 3-е. Т. 12. СПб., 1895. С. 433.
- 16 См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 2. С. 2–8, 40–46, 74.
- 17 Краткий отчет о деятельности... С. 116; Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 10–11; Отчет о состоянии начальных народных училищ в г. Саратове и его уезде за 1874 гражданский год. Саратов, 1875. С. 14.
- 18 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 798. Л. 4–4 а.
- 19 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 г. Саратов, 1914. Вед. № 6.
- 20 См.: Зайцев М.В. Муниципальные выборы и состав Саратовской городской думы в 1871–1892 годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Сер. История. Междунар. отношения. 2007. Т. 7, Вып. 1. С. 38–48.
- 21 См.: Воронежцев А.В. Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34–44.
- 22 Славин И.Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 7. С. 108.
- 23 Там же. С. 107.
- 24 См.: Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума 1906–1909 гг. // Саратовский областной музей краеведения. Коллекция П.А. Козлова-Свободина. № 27745. С. 2–3.
- 25 Подробнее о финансовом положении городского самоуправления Саратова в этот период см.: Зайцев М.В. Бюджет Саратова в 1871–1892 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 97–115; Он же. Финансовое положение саратовского городского самоуправления в 1892–1913 гг. // Клио. 2005. № 2 (29). С. 162–172.
- 26 См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 41.
- 27 Там же. С. 20, 41.
- 28 Там же. С. 59–60.
- 29 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 798. Л. 9; Д. 1255. Л. 9.
- 30 Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 60.
- 31 Там же. С. 28.
- 32 Там же. С. 63.
- 33 См.: Местное самоуправление Саратова... С. 95, 96.
- 34 См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 66.
- 35 Отчет о состоянии начальных народных училищ в г. Саратове... С. 31.
- 36 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 798. Л. 11.
- 37 Там же. Д. 352. Л. 58–68.
- 38 Там же. Д. 798. Л. 11.
- 39 Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 3. С. 40.
- 40 Там же. С. 3–4.
- 41 См.: Краткий отчет о деятельности... С. 116–118, 120.
- 42 Там же. С. 119; Народное образование в г. Саратове в 1916 г. // Изв. Сарат. гор. думы. 1916. № 8. С. 122–123.

- ⁴³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 365. Л. 6–7; Ф. 568. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–61.
- ⁴⁴ Матвеев И.Н.Г. Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 146–147.
- ⁴⁵ См.: Краткий отчет о деятельности... С. 119.
- ⁴⁶ См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 103–105.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 798. Л. 6 а; Отчет о состоянии начальных народных училищ в г. Саратове... С. 29.
- ⁴⁸ См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 97–101; Вып. 2. С. 2–88.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 об–15.
- ⁵⁰ См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 1. С. 83, 85, 87.
- ⁵¹ Там же. Вып. 3. С. 52.
- ⁵² Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета... С. 3–4.
- ⁵³ См.: Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 3. С. 53–54; Краткий отчет о деятельности... С. 120. За 1896–1901 гг. приведены данные бюджетных ассигнований, за остальные годы – фактические расходы. Расходы на 1 жителя за 1908–1912 гг. – подсчет мой – М.З.
- ⁵⁴ Отчет о состоянии народного образования в г. Саратове. Вып. 3. С. 54.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3321. Л. 114; Краткий отчет о деятельности... С. 120.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4336. Л. 83 об – 85.
- ⁵⁷ Там же. Д. 26. Л. 5 об.; Отчет Саратовской городской управы за 1892 г. Саратов, 1893. С. 1, 143, 145, 149. Подсчет процентов мой – М.З.
- ⁵⁸ Обзор деятельности... С. 142, 399; Краткий отчет о деятельности... С. 35.
- ⁵⁹ Отчет Саратовской городской управы за 1913 г. С. 300, 303, 425; Отчет о движении сумм и состоянии хозяйства Саратовского городского общественного управления за 1915 год. Саратов, 1916. С. 101, 197.
- ⁶⁰ См.: Краткий отчет о деятельности... С. 122–123; Народное образование в Саратовской губернии на 1 января 1915 г. С. 163–164; Народное образование в г. Саратове в 1916 г. С. 121.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3321. Л. 114, 125–125 об.
- ⁶² Там же. Д. 3403. Л. 184 об.; Народное образование в Саратовской губернии на 1 января 1915 г. С. 164.
- ⁶³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3756. Л. 75 об.
- ⁶⁴ См.: Народное образование в г. Саратове в 1916 г. С. 121.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3756. Л. 76 об., 84, 97–99, 105.
- ⁶⁶ Народное образование в г. Саратове в 1916 г. С. 121.
- ⁶⁷ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3756. Л. 76.
- ⁶⁸ Там же. Д. 3831. Л. 30 об–40.
- ⁶⁹ Рейли Д. «Заложник пролетариата». Отрывки из воспоминаний А.А. Минха. Саратов, 2001. С. 14.

УДК 94(47+57) «1914–1918» + 929 Жилинский

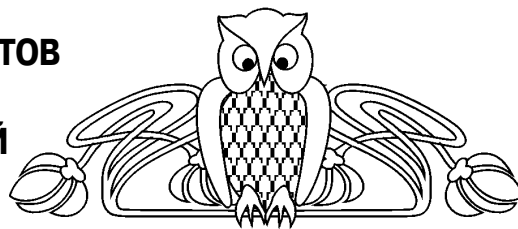
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ АРМИЯМИ ФРОНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ Я.Г. ЖИЛИНСКИЙ

А.А. Порошин

Военный институт повышения квалификации специалистов
мобилизационных органов ВС РФ, Саратов
кафедра управления мобилизацией
E-mail: Alexei_pensioner@mail.ru

Первая мировая война в массовом сознании россиян остается забытой. Высшие военачальники, не принешие славу русскому оружию в сражениях на ее фронтах, как и причины их полководческой несостоятельности, не известны широкому читателю. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский является одним из тех, кто оказался заложником порочной системы военного чиновничества, сложившейся в императорской России к концу XIX столетия. Выдвинутый ею на высшие должности в вооруженных силах, он в первых же сражениях показал свою профессиональную некомпетентность.

Ключевые слова: Первая мировая война, главнокомандующие армиями фронта, управление, профессионализм, военное образование, ценз, военная разведка.

**The Supreme Commanders of the First World War Fronts:
Cavalry General J.G. Zhilinsky**

А.А. Poroshin

The First World War in the mass consciousness of the Russians is still forgotten. The Supreme commanders who did not bring glory to the Russian army in battles and the reasons of their invalidity as military leaders are unknown to the mass reader. The Supreme Commander of the North-West Front, Cavalry General J.G. Zhilinsky, is one of those people, who happened to become a hostage of the depraved system of promotion in the army, which had been formed in the Emperor's Russia by the end of the 19-th century. Being appointed to the supreme position in the military service, J.G. Zhilinsky showed his professional incompetence in the very first battles.

Key words: the First World War, commander-in-chief of the army, management, professionalism, military education, qualification, military intelligence service.

«Военное искусство, как всякое, основывается на подборе талантов, на небольшом количестве теории и на огромном количестве практики»¹.

На рубеже XVII–XVIII вв. деятельностью Петра Великого были заложены основные положения русской военной системы, которые позволили создать мощную армию с профессиональным офицерским корпусом. В последующем Россия на долгие годы утратила приоритет в военном развитии, в том числе в вопросе профессионализма офицерского состава. Армия уклонилась с пути, указанного великими русскими полководцами, ее стали не так воспитывать и учить не тому, что надо для войны².

Это позволило некоторым исследователям, например С. Хантингтону³, считать датой рождения военного профессионализма 6 августа 1808 г.⁴, когда правительство Пруссии издало указ о порядке присвоения офицерского звания, установившего базовые стандарты профессионализма, в которых единственным основанием для присвоения офицерского звания считалось в мирное время – образование и профессиональные знания, а в военное время – выдающаяся доблесть и способность к постижению того, что требуется делать». При этом прусская система военного образования отдавала приоритет общеобразовательной подготовке, способствующей развитию инициативы и аналитических способностей офицера, перед военными дисциплинами⁵.

Эта «...способность к постижению того, что требуется делать» не может появиться без практического опыта, приобретенного военачальником во время службы на командных должностях в мирное время. Только в этом случае его профессиональные знания совершенствуются и при управлении воинскими формированиями во время войны возможно успешное выполнение боевых задач. Подтверждение этому мы находим у Сунь-Цзы⁶, Р. Монтекуколи⁷, Маршала Советского Союза И.С. Конева⁸ и многих других теоретиков и практиков военного дела различных исторических эпох.

Сложившаяся в Российской армии к концу XIX в. система выдвижения на высшие командные должности, учитывавшая такие важные аспекты службы, как полученное военное образование и «командный ценз»⁹, определяла важность подбора командования и содержала задачу улучшения качества офицерского корпуса для реализации главной цели: успешного управления войсками в войне.

Однако она была не лишена ряда крупных недостатков. Имели место назначения по протекции, формализм при аттестовании, преувеличенное значение выслуги лет в той или иной должности, неспособность учитывать совокупность всех духовных качеств личности с точки зрения военной службы и др.¹⁰. В результате чего выбор началь-

ствующих лиц был не всегда удачен, и высшие должности занимали генералы, недостаточно подготовленные к управленческой деятельности. Их командный стаж за 30–40 лет военной службы исчислялся считанными «цензовыми» годами. В 1910 г. венским военным журналом «Danzer's Armees Zeitung» было высказано сомнение в том, что Россия смогла бы с успехом выдержать большую войну. Главную причину будущих поражений авторы видели в непрофессиональности русских начальников всех степеней и в отсутствии у них привычки к самостоятельной мысли и работе¹¹.

Во время Первой мировой войны главнокомандующими армиями фронта (далее ГК) вооруженных сил России на западном направлении были 21 генерал. Многие их имена по-прежнему остаются малоизвестными, хотя, на наш взгляд, изучение пути становления военачальников, их военная карьера, в том числе практический командный опыт представляют большой интерес. Из общего числа ГК можно выделить семь генералов, осуществлявших руководство крупными операциями в ходе Первой мировой войны и оставивших след в ее истории. Это М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Я.Г. Жилинский, Н.И. Иванов, А.Н. Куропаткин, Н.В. Рузский, А.Е. Эверт.

Одним из первых ГК был утвержден по мобилизационному расписанию № 19 от 26 июня 1910 г.: командующий Варшавским военным округом генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский – ГК армиями Северо-Западного фронта (СЗФ).

Начало военного пути Я.Г. Жилинского практически укладывалось в классическую схему военной службы Петровской эпохи: дворянин, начавший службу в войсках рядовым, по выражению Петра I, – с «фундаменту», ставший офицером благодаря полученному образованию в военном учебном заведении.

Яков Григорьевич Жилинский родился 15.3.1853 г. в г. Михайлове Рязанской губернии в дворянской православной семье, русская ветвь которой происходила от польского шляхтича Петра Андреевича Жилинского, вступившего в русское подданство по взятии Смоленска в 1656 г.¹². Так как Жилинские традиционно шли по военной стезе, то и Яков Григорьевич 30.6.1873 г. в возрасте 20 лет, получив традиционное дворянское (домашнее) образование, вступил в службу в «1-й гусарский Сумской его Королевского Высочества Наследного принца Датского полк»¹³. Откуда, сдав экзамены, 27.8.1874 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище.

К этому времени военно-учебными реформами Д. Милютина не был полностью решен вопрос качественной подготовки офицеров в соответствии с принципами профессионального военного образования, заимствованными в течение XIX в. у прусской военной школы всеми ведущими армиями мира и впоследствии (к началу XX в.) ставшими классическими. Стремление к сохранению укоренившихся в армии со времен

Павла I плац-парадных традиций не только в строю, но и в учебных заведениях, не способствовало процессу обучения. Мироззрение юнкеров формировалось под воздействием узкого понимания военного дела, что закладывало у будущих офицеров пренебрежение к практической деятельности, формальное отношение к строевой командной службе, не предполагая ее методического характера¹⁴.

После успешного окончания училища¹⁵ в 1876 г. Я.Г. Жилинский начал офицерскую службу корнетом в Кавалергардском Ее Величества полку. В кавалергарды поступал цвет высшего дворянского общества с прочным материальным положением, удовлетворявший жестким требованиям полка относительно родословной, безупречности воспитания и репутации¹⁶. Присутствие кавалергардов на торжественных выходах императора и прочих церемониях, знакомство с особами императорской фамилии, необходимость ведения светского образа жизни – все это накладывало отпечаток на непосредственно воинскую службу. Офицеры благодушно игнорировали строевую службу, рутинная подготовка кавалерии проходила в отрыве от действительных требований военного дела¹⁷.

В академии Генерального штаба (ГШ), где с 1880 по 1883 г. продолжил свое образование будущий ГК, в тот период действовал следующий принцип преподавания: «...на первом месте... память, а потом – соображение»¹⁸. Такой подход не способствовал развитию у офицеров аналитического мышления, которое необходимо на войне для принятия решения¹⁹. Получив по окончании академии за отличные успехи в учебе звание штабс-ротмистра, Я.Г. Жилинский вернулся в Кавалергардский полк. Придворная направленность службы в нем в совокупности с полученным образованием продолжила формирование мироззрения будущего ГК.

В марте 1885 г. Я.Г. Жилинский был причислен к ГШ и пополнил особую категорию офицеров, предназначенных для занятия высших должностей в вооруженных силах России. Для офицера Русской армии второй половины XIX – начала XX в., желающего сделать карьеру, в строю служить было невыгодно: знания и опыт не гарантировали достижения высоких постов. Их было легче достичь в канцеляриях Главного штаба (ГлШ) и Военного министерства, но при этом утрачивалась связь со строем и, как следствие, страдало качество командования. Порочная практика краткосрочного «цензового» командования подразделениями и частями не спасала положения, так как позволяла офицеру либо формально подходить к прохождению «ценза», либо вообще его избежать. Не был исключением и Я.Г. Жилинский. С 1887 и до 1914 г. его служба была своеобразна: в основном в высших штабах, включая в себя выполнение функции военной разведки, административных и свитских пору-

чений, частично проходила в строю. В таблице представлена его офицерская практика, сгруппированная по характеру выполняемых служебных обязанностей²⁰.

Заметим, что наибольший интерес с точки зрения приобретения полководческих навыков и умений представляет строевая командная деятельность²¹. При этом служба на командных должностях, включительно до командира полка, позволяла прежде всего получить первичный практический опыт работы с нижними чинами и офицерами, научиться выстраивать с ними взаимоотношения, изучить специфику деятельности мелких войсковых подразделений при ведении боевых действий и сформировать у себя твердые навыки и умения в управлении ими во всех видах боя.

Служба в должностях начальника дивизии и командира корпуса предполагала совершенствование навыков управления и выработку способности организовывать взаимодействие в бою (операции) всех существующих в то время родов войск²². Подобный опыт, наряду со многими другими личностными качествами, являлся для военачальника основанием претендовать на роль полководца во время боевых действий.

Первичный командный опыт будущим ГК был получен в должности командира полка (!) в течение короткого срока – менее года (10 месяцев)²³. При отсутствии опыта на предыдущих строевых должностях непродолжительное командование полком, вероятно всего, превратилось в администрирование.

Командование дивизией было кратковременным и своеобразным. Почти одновременно с назначением (7.01.1906 г.) Я.Г. Жилинского на должность командира дивизии состоялся приказ (24.02.1906 г.) о назначении его временным генерал-губернатором и начальником войсковой охраны Келецкой губернии по случаю введения в ней военного положения в связи с революционными событиями 1905–1906 гг. Войска повсеместно привлекались к подавлению революционных выступлений и в течение длительного времени не занимались боевой подготовкой. Поэтому характер служебной деятельности Я.Г. Жилинского был административным, связанным с выполнением полицейских функций. В этот же период он временно (около трех месяцев) командовал 5-м Армейским корпусом (АК) и находился два месяца в отпуске. Таким образом, командование дивизией составило срок менее года²⁴.

Вероятно, что Я.Г. Жилинский вполне выполнил поставленные перед ним задачи по наведению порядка на временно вверенной ему территории, что позволило войти в число военачальников, пользующихся особым доверием императора²⁵.

Последующее достаточно длительное командование корпусом (более 3 лет) давало Я.Г. Жилинскому, обладавшему, по-видимому, командными задатками, возможность получить опыт в управлении подчиненными войсками. Но

отсутствие невосполнимого опыта на предыдущих должностях, длительные перерывы в командной практике не позволяли обеспечить необходимое качество командования, так как навыки, приобретаемые в ходе строевой службы, со временем терялись, ведущую роль занимала административная составляющая служебной деятельности. «... Офицер, не практикующийся в командовании, ... в строевом смысле деморализуется...»²⁶.

Назначение Я.Г. Жилинского в марте 1914 г. на вакантные должности генерал-губернатора в Варшаве и командующего войсками Варшавского военного округа предусматривало в случае войны с Германией автоматическое утверждение его на должность ГК СЗФ. Однако такое назначение вызывала недоумение в военных кругах, так как кандидатура Я.Г. Жилинского для должности ГК мало подходила. Тем не менее для получения высоких должностей им было использовано все возможное влияние, так как они, по-видимому, составляли смысл всей его карьеры²⁷: «...полк (Кавалергардский. – А.П.) и высший свет только трамплин для прыжка в губернаторы...»²⁸. Сомнительно, что четыре месяца пребывания в этой должности позволили что-либо добавить к получению полководческого опыта. Эта должность носила, вероятнее всего, представительский, административно-бюрократический характер.

На наш взгляд, наиболее системная деятельность Я.Г. Жилинского была в военной разведке. С февраля 1887 г. он исполнял должность младшего, с февраля 1894 г. по декабрь 1896 г. старшего делопроизводителя канцелярии Военно-ученого комитета (ВУК) ГлШ²⁹. Заграничные командировки в 1898 и 1899 гг. продемонстрировали способность Я.Г. Жилинского качественно решать задачи, связанные с разведкой и военно-дипломатической деятельностью³⁰. Вероятно, это явилось одной из причин его последующих служебных назначений.

Разведывательная функция в ВС России с июля 1900 г. вместо упраздненного ВУК была возложена на статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части ГлШ, с апреля 1903 г. – на отделение военной статистики первого отдела 2-го генерал-квартирмейстера. В обоих случаях Я.Г. Жилинский возглавлял генерал-квартирмейстерскую службу, организовывая, наряду с оперативной, разведывательную деятельность в Русской армии³¹.

Кроме военной разведки, служба в ГлШ давала опыт штабной службы в стратегическом звене, что позволяло занять должность начальника штаба (НШ) Ставки наместника на Дальнем Востоке в Русско-Японской войне 1904–1905 гг., где он был стратегическим советником адмирала Е.И. Алексеева³² и продолжал деятельность, связанную с разведкой. Впоследствии В.И. Гурко считал, что Я.Г. Жилинский не продемонстрировал военных способностей и значительных успехов не добился³³. Это же можно сказать и о его деятельности в

должности начальника ГШ, которую он занимал с февраля 1911 г. до марта 1914 г.³⁴.

Должность ГК армиями СЗФ предоставляла Я.Г. Жилинскому возможность проявить себя в боевых условиях в качестве полководца и доказать своим оппонентам правомерность своей карьеры, но первая же операция начавшейся мировой войны расставила все по своим местам.

Обещание начальника ГШ (на тот период Я.Г. Жилинского), данное союзникам о *наступлении*³⁵ (здесь и далее курсив мой. – А.П.) русских войск на 15-й день мобилизации, обрекло соединения и части фронта с началом войны на боевые действия с противником без необходимых запасов материальных средств, фуража, хлеба и пр.

План мобилизационного развертывания СЗФ, разработанный ГШ в 1912 г. для *обороны* против Германии, предусматривал для одной из двух армий фронта (2А, командующий генерал от кавалерии А.В. Самсонов) район сосредоточения по фронту до 300 км и в глубину до 120 км, что составляло огромную площадь около 30 тыс. кв. км. В исполнительный период, начавшийся с объявлением войны в 1914 г., оказалось, что при существующей системе и средствах связи это затрудняло организацию взаимодействия со стороны штаба армии между рассредоточенными на большие расстояния соединениями и частями.

С другой стороны, *наступление*³⁶ из района для обороны заставляло совершать войска 2А длительные марши в тяжелых дорожных условиях, что резко снижало боеспособность войск. Многочисленные доклады о необходимости отдыха личному составу и подтягивании тылов, формирующихся в ходе боевых действий, командованием фронта игнорировались³⁷.

Оперативное руководство 2А со стороны ГК осуществлялось в условиях:

- крупного несогласия «во взглядах штабов ГК армиями фронта и 2-й армии по основному вопросу о направлении ее наступления в Восточной Пруссии... Жилинский направлял армию вправо, а Самсонов тянул ее влево»³⁸;

- недостоверной информации о противнике, во многом основанной на донесениях командующего 1А П.К. Ренненкампа в штаб фронта, откуда ложная информация поступала в армию А.В. Самсонова;

- «...отсутствия у русских плана фронтовой операции, рассчитанных по времени и пространству согласованных действий обеих русских армий (1 и 2 армий. – А.П.), что обусловило у русских оперативный самотек...»³⁹;

- заслонно-кордонной оперативной практики командования СЗФ, совместно со штабом ставки Верховного главнокомандования расплывшимися значительную часть войск 2А на многочисленные заслоны от предполагаемого противника⁴⁰;

- отсутствия управления подчиненными корпусами и дивизиями со стороны командующего 2А⁴¹;

– перехвата немецкими связистами русских радиограмм, что делало операцию немецкого командования против войск СЗФ осмысленной и достаточно четко управляемой;

– постоянного психологического давления на генерала от кавалерии А.В. Самсонова со стороны ГК, имевшего цель ускорить движение войск армии⁴². Я.Г. Жилинскому, вероятно, очень хотелось связать окончательный успех операции со «своей» 2А, целиком сформированной (кроме 13-го корпуса) из войск Варшавского военного округа, которым он командовал перед войной.

Последнее требует пояснений. Генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский на совещании в штабе СЗФ, проходившем непосредственно после успешного сражения 1А под Гумбиненом в августе 1914 г., предложил Верховному ГК уточненный план дальнейших действий войск фронта, по которому главная роль на текущий период переходила к 2А. В ответ на единственно правильное предложение НШ Ставки Н.Н. Янушкевича о необходимости продолжать наступление 1А, ГК сказал: «Если последовать Вашему предложению, Николай Николаевич, то моей армии ничего не останется». «Гонка» 2А была необходима ГК для того, чтобы не дать ускользнуть «разбитому» противнику за Вислу и получить пленных и трофеи⁴³.

Эти факторы привели к тому, что «обстановка, позволившая совершить окружение 2А, была создана главным образом командованием армиями СЗФ»⁴⁴.

События Восточно-Прусской операции в августе 1914 г. подтвердили профессиональную несостоятельность Я.Г. Жилинского как военачальника, «потерявшего голову»⁴⁵ и оказавшегося «... совершенно не в состоянии выполнять то, что от него требовалось»⁴⁶. Действия ГК Я.Г. Жилинского по управлению соединениями и частями СЗФ явились одной из главных причин провала операции. В результате *неграмотного руководства войсками* большая часть личного состава 2А была уничтожена и взята в плен. Командующий армии генерал от кавалерии А.В. Самсонов застрелился. Генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский был отстранен от занимаемой должности и отправлен в распоряжение военного министра⁴⁷.

Анализ послужного списка Я.Г. Жилинского (таблица) до 1914 г. показывает, что на командную строевую службу у него приходилась меньшая часть служебной деятельности – 24 %. При этом строевая служба, вероятнее всего, носила административный характер. Остальное время службы было посвящено штабной, куда разведка входила составной частью, и административной деятельности.

Отсутствие системной и длительной командной практики и, как следствие, искусства командования, не позволило ему сформировать у себя полководческие навыки, необходимые для успешного управления воинскими формированиями в ходе подготовки и ведения фронтовых операций.

Служебная деятельность Я.Г. Жилинского до начала Первой мировой войны⁴⁸

Вид служебной деятельности	Занимаемые должности	Время пребывания в них
Строевая некомандная (Штабная)	– И.д. полкового адъютанта	14.01.1884 – 14.03.1884
	– Командирован для несения сл. в штат 13-й кав. дивизии	26.04.1885 – 21.09.1885
	– Ст. адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии	26.11.1885 – 11.02.1887
	– Младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба	11.02.1887 – 04.02.1894
	– Старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба	04.02.1894 – 16.12.1896
	– Командирован в полк и назначен наблюдающим за обучением разведчиков и теоретическим обучением ун.-оф. полка	12.01.1897 – 02.05.1898
	– Ген-квартирмейстер Главного штаба	03.08.1900 – 01.05.1903
	– 2-й ген-квартирмейстер Главного штаба	01.05.1903 – 29.01.1904
	– Начальник полевого штаба заместителя на Дальнем Востоке	25.02.1904 – 05.01.1905
	– Начальник Генерального штаба	22.02.1911 – 04.03.1914
Всего 20 лет 6 мес.		
Строевая командная	– Командир 52-го драгунского Нежинского полка	18.10.1899 – 03.08.1900
	– Врио командира 2-й отдельной кавалерийской бригады в течение 3 месяцев	В период с 07.11.1899 – по 20.07.1900
	– Нач. 14-й кавалерийской дивизии	01.03.1906 – 07.07.1907
	– Ком. 10 АК	07.07.1907 – 22.02.1911
	– Начальник ГШ	18.03.1911 – 04.03.1914
– Командующий войсками Варшавского военного округа	27.03.1914 – 01.07.1914	
Всего 9 лет 2 мес.		
Административная	– И.д. полкового квартирмейстера	18.08.1877 – 19.09.1877
	– Пом. заведывающего полковой учебной команды	04.11.1877 – 16.05.1878
	– Временно зав. полковой учебной командой	16.09.1879 – 07.10.1880
Всего 2 года		

Примечания

- 1 *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. Может ли Россия воевать? М.: Воениздат, 1991. С. 194.
- 2 См.: *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М.: Воен. ун-т, 2000. С. 113.
- 3 Сэмюэль П. Хантингтон (родился 18.4.1927 г.), американский политолог, заместитель директора Института исследований войны и мира в Колумбийском университете (1959–1962), директор Центра по международным делам (1978–1989), директор Института стратегических исследований Джона Олина (1989), председатель Гарвардской академии международных и региональных исследований (1996).
- 4 Все даты приведены по старому стилю.
- 5 См.: *Стратегия для России: повестка дня для президента-2000.* М.: Вагриус, 2000. С. 147.
Сегодня на Западе либеральное образование считается необходимым элементом подготовленности как врача и юриста, так и профессионального офицера. Военный специалист не в состоянии по-настоящему развить свои аналитические способности, интуицию, воображение и инициативу, если он будет тренироваться только лишь в исполнении чисто военных обязанностей. Значительно способствует этому общекультурное (иначе – либеральное, общегуманитарное) образование. Оно формирует кругозор, эрудицию, развивает речь, мышление, позволяет офицеру для должного понимания своего дела представлять себе, каким образом военное дело связано с другими областями знаний, а также как эти области знаний могут способствовать его собственным целям. Общение с людьми требует от офицера ясного понимания их особенностей, мотивации и поведения, чему также способствуют знания в области гуманитарных, естественных наук и психологии.
- 6 Сунь-Цзы, Сунь У (VI–V вв. до н.э.), древнекитайский полководец и военный теоретик. Автор трактата о военном искусстве. Утверждал, что победа в войне, наряду со многими факторами, зависит от качеств полководца. См.: Советская военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1979. Т. 7. С. 596.
- 7 Монтекукколи Раймунд (21.02.1609–16.10.1680), австрийский военный деятель, полководец и военный теоретик, фельдмаршал (1658). В военном строительстве выступал сторонником хорошо обученной армии, управляемой опытными военачальниками. См.: Военная энциклопедия: В 8 т. М., 2001. Т. 5. С. 217.
- 8 Конев Иван Степанович (16/28.12.1897–25.5.1973), советский военный деятель, полководец, Маршал Сов. Союза (1944), дважды Герой Сов. Союза. См.: Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 304.
- 9 С формированием корпуса офицеров ГШ появилось понятие «строевой ценз». Под этим во второй половине XIX в. понималось обязательное, перед выдвижением на должность командира полка, кратковременное (от нескольких месяцев до года) командование офицерами, причисленными к Генеральному штабу, ротами и батальонами в пехоте или эскадронами и дивизионами в кавалерии. См.: Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. Вып. II / Под ред. генерала-от-кавалерии Д.А. Скалона. СПб.: Типография поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф, 1910. С. 358.
- 10 См.: *Ладыженский Г.* О командном составе армии и системе его подбора // Офицерский корпус русской армии. Рус. воен. сб. № 17. С. 218; *Флуг В.* Высший командный состав // Там же. С. 268, 271, 273; *Редигер А.Ф.* История моей жизни: В 2 т. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 1999. Т. 1. С. 259; *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 24–25.
- 11 См.: *Меньшиков М.О.* Указ. соч. С. 128–129.
- 12 Потомство П.А. Жилинского было внесено в VI часть родословных книг Пензенской, Саратовской и Смоленской губерний. Герб рода Жилинских внесен в Ч. 7 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. (С. 142) (<http://gerbovnik.ru/arms/1052.html> Проект реализован Геральдикой.ру в 2006–2007 гг. http://mirimen.com/co_beo/ZHilinskie-16B5.html (с) 2003-2008 Mirimen.com. Мир имён: толкования имён. Биографии знаменитостей, тайны и истории фамилий).
Иностранцы, решившие связать свою судьбу с Россией, составляли особую группу офицеров, их называли «новокрещены». См. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. С. 33.
- 13 См.: *Лунина Л.* Дом Жилинского // Огонек. 2001. № 24. 11 июня. См. например, формулярные и послужные списки служащих Российской империи (<http://www.petergen.com/shop/docum.shtml>). В списках упоминаются Жилинский Григорий Яковлевич и Жилинский Павел Григорьевич (место службы Харьковская губерния, 1833 г. и 1850 г. соответственно). Можно предположить, что они служили в том же 1-м Сумском гусарском его Королевского Высочества Наследного принца Датского полку, так как полк до 1876 г. квартировал в Харьковской губернии (переименованной из Слободско-Украинской области в 1835 г.).
- 14 См.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 192–193; *Левцкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1936. С. 27.
- 15 По итогам учебы имя Я.Г. Жилинского занесено на мраморную доску. См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 157–951. Л. 30.
- 16 См.: *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М.: Воениздат, 1996. С. 371–372; *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 56–58; *Грачева И.* «О белом арапе» замолвите слово... // Нева. 2006. № 5. С. 236.
- 17 См.: *Игнатъев А.А.* Указ. соч. С. 63, 70.
- 18 См.: *Режепо П.* Указ. соч. С. 110–111, 123.
- 19 См.: *Свидзинский Э.* О развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии // Офицерский корпус русской армии. Рус. воен. сб. № 17. С. 224.
- 20 В соответствии со Сводом военных правил 1869 г. было установлено три вида офицерских должностей:

- строевые командные; строевые некомандные; административные. См.: Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полковника В.Ф. Новицкого. Т. 1. СПб.: Товарищество И.Л. Сытина, 1911. С. 146.
- 21 Строевая командная служба в мирное время складывалась из двух составляющих. Первая ее часть заключалась в боевой подготовке подчиненных воинских формирований к войне, что и являлось основным предназначением командира (начальника) в совокупности с личной подготовкой (приобретением военных знаний и выработкой навыков и умений прилагать их на практике). Вторая часть включала административную составляющую и организацию внутренней, караульной и гарнизонной служб. Очевидно, что вторая часть, имея мало общего с подготовкой к боевым действиям, тем не менее, прививала офицеру определенные навыки в управлении подчиненными и формировала командира, ответственного за все многообразие службы вверенного ему коллектива.
- 22 В исследуемый период в Русской армии существовали три основных рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия. Инженерные войска (саперные, железнодорожные, понтонные, связи, телеграфные и радиотелеграфные), авиационные и воздухоплавательные считались вспомогательными. См.: История Первой мировой войны 1914–1918: В 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 1. С. 100.
- 23 Из 10 месяцев командованием полком Я.Г. Жилинский в течение трех месяцев исполнял обязанности командира бригады.
- 24 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 157–951. Л. 34., Л. 37об., 41.
- 25 К умирению революционных выступлений 1905–1907 гг. в России были привлечены многочисленные соединения и части вооруженных сил. При выполнении войсками полицейских функций многие командиры показали неспособность выполнять подобные приказы власти, что служило поводом привлечь их к ответственности, увольнять в отставку.
- 26 *Апухтин А.* Командный состав армии // *Офицерский корпус русской армии.* Рус. воен. сб. № 17. С. 163.
- 27 См.: *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Росспэн, 2001. С. 64; см. например: *Гурко В.* Указ. соч. С. 24–25.
- 28 *Игнатьев А.А.* Указ. соч. С. 87.
- 29 Со времени образования Военно-ученого комитета при Военном министерстве 27.1.1812 г. ведет свое существование военная разведка, которая сложилась к концу XIX в. как особый орган. В соответствии с приказами по ВМ № 349 от 16.10.1863 г. и № 1 от 2.1.1869 г. в функции ВУК, помимо задач сбора и распространения в войсках военно-технических сведений, входил сбор информации о вооруженных силах иностранных государств. Ее предоставляли военные агенты.
- 30 Я.Г. Жилинский был командирован: в 1898 г. – в качестве военного агента для наблюдения за действиями испанских войск во время испано-американской войны на Кубе; в 1899 г. – представителем России на конференции мира в Гааге, где «...на основании своих инструкций, внес предложение пересмотра Женевской Конвенции...». За отличное исполнение особого поручения был отмечен высочайшей благодарностью. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 157–951. Л. 32 об., 40 об.
- 31 См.: *Кавтарадзе А.* Из истории русского Генерального штаба // *Воен.-ист. журн.* 1971. № 12. С. 78.
- 32 См.: *Залесский К.А.* Кто был в Первой мировой войне. М.: Астрель АСТ, 2003. С. 238.
- 33 См. *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 24–25.
- 34 См.: *Бубнов А.Д.* В царской ставке. М.: Воениздат, 2002. С. 28.
- 35 Как правило, при планировании мобилизационного развертывания войск районы сосредоточения выбираются: для обороны – в глубине своей территории за оборонительными рубежами; для наступления – возможно ближе к границе на выбранных путях наступления. См. *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение в Восточной Пруссии в 1914 г. М.: Воениздат, 1936. С. 278.
- 36 Там же.
- 37 См.: *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение в Восточной Пруссии в 1914 г. М.: Воениздат, 1936. С. 61; *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг.: В 2 т. М.: Воениздат, 1938. Т. 1. С. 139; Генерал-адъютант Пантелеев. Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. // *Воен.-ист. бюл.* № 2. Ген. штаб РККА. 1936. С. 85.
- 38 Там же. С. 84. Смещение влево корпусов армии А.В. Самсонов обосновывал необходимостью более глубокого охвата отступавших войск противника, что в последующем в ходе выдвижения армии было утверждено Я.Г. Жилинским. См.: *Кондратьев Б.* К истории операции в Восточной Пруссии // *Воен.-ист. журн.* 1941. № 2. С. 133.
- 39 См.: *Евсеев Н.Ф.* Указ. соч. С. 279.
- 40 6 АК с 4-й кав. дивизией был привязан к району Бишовсбург, 1-й АК с 6-й и 15-й кав. дивизиями – к району Зольдау, Млава. См.: *Евсеев Н.Ф.* Указ. соч. С. 279–280.
- 41 Штаб 2-й армии располагался в тылу на удалении 5 сутокных переходов (около 150 км) от корпусов, с которыми связь поддерживалась летучей почтой (конными ординарцами). На шифровку радиотелеграмм уходило много времени, а ошибки еще более удлинляли передачу и прием приказов донесений. Авиации не хватало даже для несения разведки. Таким образом, штаб армии стал органом, устанавливающим события, а не управляющий ходом их. См.: *Евсеев Н.Ф.* Указ. соч. С. 108.
- 42 См.: *Зайончковский А.* Указ. соч. С. 139.
- 43 См.: *Кондратьев Б.* Указ. соч. С. 132.
- 44 *Зайончковский А.* Указ. соч. С. 145.
- 45 Восточно-Прусская операция (Сборник документов). М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939. С. 172.
- 46 *Гурко В.* Указ. соч. С. 24, 25.
- 47 В последующем был назначен во Францию на военно-дипломатическую службу. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 157–951. Л. 35 об. 42 об.
- 48 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 157–951. Л. 30–42. В таблице в разделах «строевая командная» указано время вступления в должность. Не указаны: время учебы в военных заведениях; нахождение «в распоряжении» соответствующих начальников; длительные командировки (за исключением «цензового командования»).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

УДК 9 (470) «1616»

ДЖОН МЕРРИК НА ПЕРЕГОВОРАХ В ЛАДОГЕ 1616 ГОДА

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Работа Я.Н. Рабиновича посвящена малоизученной странице Смутного времени на Русском Севере – переговорам в Ладогe, предшествовавшим заключению Столбовского договора. В статье подробно воссоздан ход переговоров на фоне быстро менявшейся военно-политической обстановки, главным событием которой был поход Карла Гюллелельма на Псков.

Одной из ключевых фигур переговоров был английский дипломатический представитель, агент Московской компании Джон Меррик, который действовал в интересах своего правительства, совпадающих с интересами Москвы. В статье показана роль Джона Меррика в выработке условий Столбовского договора.

Автор показал, что в конкретной военно-политической обстановке конца 1610-х гг. Столбовский договор не был унижительным для России, поскольку он обеспечивал возвращение Новгорода и избавлял новую династию от войны на два фронта.

Ключевые слова: Смутное время, Ладoga, переговоры, Псков, Земский собор, Карл Гюллелельм, Столбовский договор, Московская компания, Новгород, Данила Мезецкий, Михаил Романов, Густав Адольф, английский Джон Меррик.

John Merick at the Talks in Ladoga, 1616

Y.N. Rabinovich

The article by Y.N. Rabinovich is dedicated to that period in the Time of Troubles in the Russian North which hadn't been studied in detail by other historians – the talks in Ladoga, followed by the making of the Stolbov agreement.

The article covers in detail the development of the talks on the background of quickly changing military and political situation, the main event of which was a march of Charles Gullenalm for Pskov.

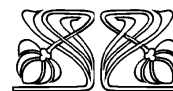
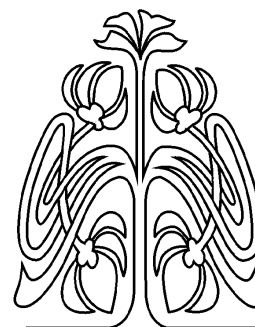
One of the key persons of the talks was an English diplomatic representative, an agent of Moscow company John Merick, who acted of interest of his government, which coincided with the interest of Moscow. The article shows the role of John Merick in working out the conditions of the Stolbov agreement.

The author showed, that in accordance with the specific military and political situation of the end of 1610, the Stolbov agreement wasn't humiliating for Russia as it provided the return of Novgorod and let the new dynasty get rid of war on two fronts.

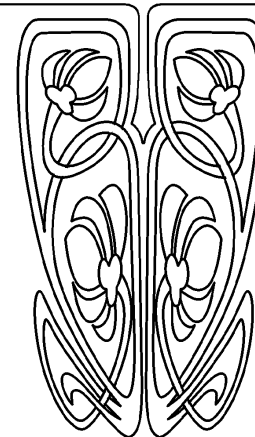
Key words: The Time of Troubles, Ladoga, talks, Pskov, Assembly of the Land, Charles Gullenalm, the Stolbov agreement, Moscow company, Novgorod, Danila Mezetsky, Michail Romanov, Gustav Adolf, Englishman John Merick.

В феврале 1613 г. в Москве на Земском соборе был избран русским царем Михаил Романов, однако Смута в России не прекратилась. Понадобилось еще шесть лет, чтобы в стране установились тишина и покой. Мало кто верил в первое время, что Михаил сумеет удержать власть. Конрад Буссов писал: «Если он удержит державу, значит ему очень везет»¹.

Перед новым московским правительством стояли следующие задачи: борьба за возвращение русских земель, захваченных в «безгосу-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

дарственное время» шведами и поляками, борьба с казаками Ивана Заруцкого. Важной задачей было доказать перед всеми странами легитимность Михаила Романова. Для этого была предпринята беспрецедентная акция – в 1613 г. почти одновременно были отправлены 8 посольств в разные страны. Послы просили правителей оказать финансовую помощь и вступить в союз с Россией, информировали об окончании внутренней Смуты (хотя до конца еще было далеко), об избрании законного царя. Одними из первых признали Михаила Романова Турция с Крымом, Иран, Империя, Англия, Дания, Голландия и Франция.

Наибольшего успеха русские послы добились в Англии, которая, имея собственные торговые интересы в России, действительно способствовала заключению мира со Швецией². Важную роль в этом деле сыграл английский посол Джон Меррик (англ. John William Merick) – баронет, агент Московской компании. В России Меррик пользовался огромной популярностью, он хорошо говорил по-русски, от прежних царей за свои услуги получил пожалование поместьями, отлично ладил со своими соседями по владениям, при всяком удобном случае помогая им³. В русских документах его называли «доброшляхетным и грозным чести одержательным и высоконаученным господином, рыцером и королевского величества комнатным дворянином», «князем Иваном Ульяновичем», «Иваном Ульяновичем Рицером», поскольку он был пожалован в рыцари самим королем⁴.

Условно пребывание Джона Меррика в России можно разделить на несколько периодов. Первый период до 1604 г. хорошо известен⁵. Второй период после начала Смуты и до избрания Михаила Романова – наиболее темный⁶. В Тушинский период и во время междуцарствия Джона Меррика в Москве не было. Где находился Меррик в 1608–1612 гг., неизвестно. Сохранились отрывочные сведения о пребывании его в эти годы в районе Холмогор⁷. В это время Меррик участвовал в реализации различных проектов покорения всей северо-восточной России от Архангельска до реки Волги, а также бассейна этой реки до Каспийского моря включительно. Авторы таких проектов рассчитывали на то, что большая часть России примет английское подданство, или, по крайней мере, признает британский протекторат⁸. Позднее, уже после избрания царем Михаила Романова, многие заинтересованные лица с русской и английской сторон пытались уничтожить все компрометирующие их документы. Третий период, когда Меррик являлся посредником на мирных переговорах между Россией и Швецией, хорошо прослеживается по сохранившимся документам, хотя изучен ещё недостаточно, за исключением некоторых переговоров в Москве, Дедерино и Столбово.

К переговорному процессу в Дедерино и Столбово обращались еще в середине XIX в. С.М. Соловьев и Н.П. Лыжин, а в советское вре-

мя – И.П. Шаскольский⁹. Однако переговорам, непосредственно предшествующим заключению Столбовского мира, историки уделяли недостаточно внимания. Это касается переговоров в Ладоге осенью 1616 г., где главную роль играл английский посол Джон Меррик. С.М. Соловьев уделил этому переговорному процессу лишь несколько строк. Подробнее об этом писал Н.П. Лыжин, но он ничего не знал о решениях Земского собора 1616 года. А ведь в Ладоге были согласованы Джоном Мерриком со шведскими представителями основные положения будущего Столбовского договора: «Шведы приняли условия, переданные им через Джона Меррика, и в декабре 1616 года был назначен съезд послов в Столбово»¹⁰. Русские послы на переговорах в Столбово, фактически занимались только техническими делами. Поэтому стоит остановиться на этих событиях более подробно, увязав их с деятельностью Земского собора. Следует также учесть, что боевые действия между противоборствующими сторонами после завершения переговоров в Дедерино не были прекращены, это также оказало влияние на ход и исход мирных переговоров в Ладоге и Столбово¹¹.

С точки зрения источниковой базы темы, на мой взгляд, недостаточно изучены Дворцовые разряды, особенно описание приемов царем и боярами Джона Меррика, а также так называемые «Арсеньевские шведские бумаги» применительно к событиям весны-лета 1616 г., где опубликованы письма Джона Меррика к шведским комиссарам¹².

Ценная информация о переговорах в Ладоге содержится в опубликованной в 2000 г. книге шведского королевского историографа второй половины XVII в. Юхана Видекинда¹³. О той обстановке, которая сложилась на Севере к лету 1616 г., к моменту прибытия Меррика и московских послов в Тихвин, а также во время переговоров Меррика со шведами в Ладоге, можно составить определенное представление, изучив документы за 1616 г., хранящиеся в настоящее время в РГАДА (фонд № 96, «Шведские дела»), которые только в последнее время начали вводиться в научный оборот Адрианом Селиным¹⁴.

Все сказанное позволяет еще раз обратиться к изучению предыстории Столбовского мирного договора и переговоров Джона Меррика со шведами в Ладоге осенью 1616 г.

Предварительные переговоры о мире между Россией и Швецией (обмен посланиями) начались осенью 1615 г. еще в период осады Пскова королем Густавом Адольфом. Англия и Голландия, заинтересованные в скорейшем окончании военных действий в России, надеясь получить торговые льготы у московского правительства, первыми откликнулись на просьбу быть посредниками на переговорах. Уже летом 1614 г. в Москву был направлен посланник английского короля Якова I Джон Меррик, а в августе 1615 г. Генеральные Штаты отправили в Новгород своих послов¹⁵.

Мирные переговоры между русскими и шведами, которые происходили в январе-феврале 1616 г. в Дедерино, завершились безрезультатно: обе стороны так и не пришли к соглашению. Поэтому английский посол Джон Меррик и голландские посредники сами выработали три условия в качестве основы для соглашения, одно из которых (а именно, второе) позднее стало базовым для дальнейших переговоров¹⁶. При этом Ладога, как и Гдов, должны были оставаться в качестве заложников у шведов, пока не будут урегулированы все финансовые и территориальные вопросы. Далее потребовались консультации с руководством обеих стран, и послы, заключив перемирие на три месяца (до 31 мая 1616 г.), разъехались из Дедерино, договорившись встретиться в дальнейшем 1 июня между Тихвином и Ладогой¹⁷. Н.Н. Бантыш-Каменский отмечал, что «запись сия отдана была на сохранение послу английскому». В «Новом летописце» кратко подведен итог этих переговоров: «И посольство у них тут не сталося и разъехошася»¹⁸. Меррик вместе с русскими послами из Дедерино отправился в Москву, куда прибыл 18 марта 1616 г.¹⁹

Если шведский король в принципе был согласен на предложенные посредниками условия, то московское правительство и слышать не хотело ни о каких территориальных уступках, кроме Корелы с уездом, считая требования шведов «чрезмерными и несбыточными»²⁰.

Михаил Романов в марте 1616 г. отправил письмо шведам, в котором писал, что не собирается ни уступать крепости, ни платить такие огромные деньги. Однако шведы, узнав от перебежчика Михаила Клементьева о фактическом состоянии дел в Московском государстве, в дальнейшем оказались неуступчивы. Когда пришло время нового съезда послов, шведская сторона соглашалась начать переговоры, только получив ответ на статьи прежнего посольства: по какому из трех вариантов русские согласны мириться²¹.

Голландские посредники отправились в Швецию, а затем, не надеясь на успешный исход переговоров о мире, вообще уехали к себе на родину. В дальнейшем переговоры вел только Джон Меррик. Он действовал в пользу России. Уже с этого времени Англия и Голландия становятся торговыми конкурентами²². Меррик стремился отстоять для России устье Невы (в соответствии с условиями Плюсского перемирия 1583 г.), чтобы наладить русско-английскую торговлю кратчайшим путем, через Балтику. Меррик уже знал о первых попытках шведов создать порт и таможню в устье Невы (Ниеншанц); как купец, он сразу оценил все преимущества этого пути, поэтому такая длительная дипломатическая борьба развернулась в ходе переговоров за Орешек и Поневье (4 погоста южнее Невы).

Шведы знали о недовольстве Москвы предложенными условиями мира²³. Густав Адольф при встрече с голландскими посланниками сказал, что

«окончание войны с Россией еще сомнительно»²⁴. Поэтому шведы строили различные военные планы, приступить к практической реализации которых планировалось сразу после окончания срока перемирия, т.е. с начала июня. К этому времени все подготовительные мероприятия должны были быть завершены.

Сам король еще 3 марта 1616 г. выдвинул свой проект ведения оборонительной войны с русскими. При этом опорой шведов должен был стать фронт крепостей и два особых лагеря на флангах, из которых самый западный (шанец у реки Великой) угрожал бы Пскову, а самый восточный (на реке Свирь) – Тихвину²⁵.

Руководить боевыми действиями против Пскова был назначен Карл Карлссон Гюлленельм, который 21 июня 1616 г. получил королевскую инструкцию относительно похода против Пскова. Ему предписывалось вначале захватить Псков штурмом, а в случае неудачи штурма крепости устроить рекомендованные шанцы на реке Великой. Также фельдмаршалу Гюлленельму было приказано попытаться захватить Печеры, Изборск, Остров и занять их гарнизоном на зиму²⁶.

Следует отметить, что враждебные столкновения между русскими и шведами не прекращались всю весну 1616 г., несмотря на то, что между сторонами было заключено перемирие до 1 июня 1616 г. На первое место следует поставить сожжение шведами посада в Ивангороде в мае 1616 года. Во время этого пожара произошла между русскими и шведами «сеча великая». Часть ивангородцев бежала в Псков, а часть жителей шведы «сослали з женами и з детми в Свею в полон»²⁷. Другим показателем неприязненных отношений шведов к русским может служить постройка шведами двух острожков на реке Сясь. Об этом воеводы Тихвина Василий Неплюев и Иван Баклановский с тревогой сообщали царю 16 мая 1616 г.²⁸. Известно также нападение «конных солдат из Новгорода», возглавляемых неким Астюшкой Сидоровым, на поместье Курапа Мякинина в Бежецкой пятине в июне 1616 г. Затем этот отряд отправился к Устьреке и к Боровичам²⁹. О рейде шведов в Ильинский погост выходцы из Новгорода сообщили московскому послу Д.И. Мезецкому в Тихвин: «...привели с собою языков русских людей человек с шесть, ... многих там на бою русских людей побили»³⁰.

В начале мая воевода Гдова Сванте Банер отправил под Псков для диверсии крупный отряд в 500 всадников из шведов, русских и черкас. Однако этот рейд закончился провалом, так как казаки и черкасы перешли на сторону псковичей³¹. Воевода Пскова И.Д. Плещеев писал Сванте Банеру о пиратских действиях шведов на Псковском озере: шведы не позволяли жителям Дерпта привозить в Псков товары, нападали на охранявшие купеческие караваны русские суда, грабили русских купцов по дороге в Дерпт, уводили их суда в Гдов и Нарву³².

В свою очередь псковские казаки производили нападения на шведские гарнизоны. В мае 1616 г. псковичи изгоном сумели захватить шведский острожек в Сумерской волости³³. В трех листах Джона Меррика (10, 20 апреля и 7 мая 1616 г.) упоминается о действиях казаков из Тихвина около Ладоги. Казаки увели лошадей, взяли в плен шведского старосту. По просьбе Меррика этого старосту Фильку, «который заслужил смерти», освободили и отослали в Ладогу к шведам³⁴.

Другим мероприятием русских явилось строительство казачьим атаманом Чеадаем Спешневым острожка на Сясьском устье³⁵. Меррик писал шведам 25 июня, что Д.И. Мезецкий приказал казакам уйти из этого укрепления. Однако фактически московские послы с ликвидацией Сяського острожка, построенного Ч. Спешневым, не торопились. Казаки организовали патрулирование на Ладоге, вели досмотр шведских судов, препятствовали вывозу из Новгорода в Швецию ценного имущества³⁶.

Обо всех этих событиях, о неприязненных действиях шведов возле Пскова и Ладоги и об ответных операциях сторонников Москвы Меррик и московские послы постоянно получали информацию, еще находясь в Москве, а также после своего отъезда из Москвы и по прибытию в Тихвин.

В мае 1616 г. московские послы Данила Иванович Мезецкий и Алексей Иванович Зюзин вместе с Мерриком в сопровождении крупного отряда стрельцов под командой Бориса Полтева выехали из Москвы в Тихвин³⁷. Перед этим Меррик неоднократно встречался в Москве с Михаилом Федоровичем. Дворцовые разряды сообщают любопытную информацию об этих встречах 14, 28 и 30 апреля. По-видимому, Меррик хорошо знал о положении дел в районе места будущих переговоров. О Тихвине ему могли рассказать стольники Семен и Матвей Прозоровские, которые были «рындами в белом платье» на церемонии 14, 28 и 30 апреля. Семен Прозоровский возглавлял оборону Тихвина в июне-сентябре 1613 г., его брат Матвей тогда же попал в плен к шведам.

О Ладоге Меррик мог получить подробную информацию от Григория Константиновича Волконского, который на этих церемониях «объявлял английского посла» и от дьяка Солового Протасьева, который был приставом при Меррике. Эти люди участвовали в боях под Ладогой зимой 1611 г.³⁸ 14 апреля в Грановитой палате в Кремле был стол: «посол английский Иван Ульянов ел у государя». 1 мая состоялась последняя встреча, «и отпущен был на съезд меж Ладоги и Тихвина мирить Государя с Свейским королем»³⁹. Трудно определить точную дату отъезда послов из Москвы. В письме шведским комиссарам от 7 мая из Москвы Меррик сообщал, что русские послы отправятся «к назначенному месту переговоров одновременно со мной в течение двух дней от сего числа». 19 мая послы уже были в Ярославле, а 30 мая находились около Устюжны⁴⁰. В Тихвин

Меррик вместе с Мезецким и другими послами прибыл 12 июня. По дороге для них всюду забирали подводы, продовольствие, мостили дороги. Из-за этого проезд послов со свитой через Устюжну окончательно разорил жителей. Через день после прибытия в Тихвин Меррик писал: «Путешествие наше было медленно по причине чрезвычайно плохой дороги, чего трудно было ожидать в начале нашего путешествия»⁴¹.

Хотя в Дедерино состоялось соглашение о том, чтобы уполномоченные для ведения переговоров о мире съехались вновь 1 июня между Тихвином и Ладогой, на деле этого в назначенное время не произошло. Приехав с небольшим опозданием 12 июня в Тихвин, Джон Меррик и московские послы узнали, что шведы еще не прибыли в Ладогу. Московское правительство не дало шведам ответа по вопросу о трех условиях, выработанных в Дедерино. Поэтому шведские комиссары во исполнение королевского приказа, никак не хотели ехать на съезд, пока им не объявят, на каком из трех условий царь согласен заключить мир со Швецией⁴².

Меррик и русские послы прилагали все силы, чтобы сломить упорство шведов. Все лето 1616 г. русские и шведские послы пересылались грамотами: русские – из Тихвина, а шведы сначала из Нотебурга, а затем из Ладоги. Меррик и его помощники постоянно курсировали между ними, осуществляя «челночную дипломатию»⁴³.

Русские послы во главе с Мезецким жили в Большом Успенском монастыре в Тихвине, при этом долго выбирали место для будущих переговоров⁴⁴. Вначале было выбрано сельцо Горки (двор Ефима Тольпина) на реке Сясь. Но это место оказалось неудобным из-за порогов на реке. Тогда Меррик предложил новое место – «имение Василия и Степана». Здесь он планировал сделать свою стоянку. «А шведы, – пишет он, – могут разместиться в версте от этого места, ... в 37 верстах от Тихвина и Ладоги, на середине пути между ними». Это и было село Столбово, возле которого москвичи построили временные дома, окружили их тыном и назвали Даниловым острожком – по имени князя Мезецкого⁴⁵.

Одновременно с выбором места русские послы и Меррик пытались уговорить шведов приступить к самим переговорам, чтобы при встрече обсудить различные условия заключения мира, но шведы были непреклонны. Только 16 августа шведы написали Меррику о своем прибытии в Ладогу. При этом они объявили ультиматум: если в течение 8 дней им не объявят, на каком из трех вариантов остановились русские, то они разорвут мир. Меррик срочно отправил письмо к русским послам в Тихвин и к боярам в Москву, прося разрешения на уступки шведам.

Задержка с возобновлением переговоров о мире являлась благовидным предложением для шведов начать новый поход против Пскова; этим шведы хотели принудить царя к скорейшему заключе-

нию мира. Уже в июле 1616 г. начался открытый поход шведов под руководством Гюлленельма из Нарвы к Пскову. Это движение шведского войска не укрылось от русских, в том числе московских послов, находящихся в Тихвине. Первая информация об угрозе Пскову была получена Д.И. Мезецким в конце июля, новые сведения поступили в Тихвин 2 августа⁴⁶. Интересные сведения о начале похода Гюлленельма сообщал Даниле Мезецкому, не стесняясь в бранных выражениях по поводу шведских военачальников, чернец Ивановского монастыря в Старой Ладогe Варсонофий. Передовой отряд шведов был уничтожен псковичами: «... посылку встретили за Елизаровом монастырем и топтали до Сыренца, и немецкий острожек взяли, а в нем было полтора ста латышей, всех посекали». Таким же образом псковичи напали на другой отряд Гюлленельма: «... так же встретили и до Вдова топтали»⁴⁷. Только собрав все силы, шведы продолжили наступление на Псков.

Трудно сказать, когда конкретно войско Гюлленельма достигло назначенного ему места в устье реки Великая. По словам шведских специалистов, «9 августа был занят шведским подразделением тракт у города Пскова». Псковская летопись сообщает о прибытии «королевича Арцыкарла» к Пскову 11 августа⁴⁸.

О приходе Гюлленельма к Пскову стало известно и московскому правительству. Об этом сообщил 12 сентября на Земском соборе дьяк Петр Третьяков⁴⁹. Из этого доклада видно, что поход Гюлленельма не скрывали даже от членов Собора. Об угрозе Пскову в августе-сентябре 1616 г. мы имеем сведения и в Книгах разрядных. Царь получил тревожное донесение псковских воевод, и уже 11 сентября, в период заседания Земского собора, московское правительство начинает предпринимать чрезвычайные меры, собирая войска и деньги для помощи Пскову: «И 11 сентября велел государь Миките Петровичу Борятинскому быть в походе подо Псковом и над Немецкими людьми промышлять и Пскову помогать»⁵⁰.

Летом 1616 г. московское правительство не хотело воевать со шведами, не хотело обострять отношения с Густавом Адольфом. Москва возлагала все надежды на Джона Меррика, который неоднократно обращался к шведским комиссарам, говоря им, что этот поход шведов к Пскову является серьезной угрозой срыва мирных переговоров. Шведы отвечали, что «им ратных людей ис подо Пскова отвести нельзя, покаместа меж великих послов о добром деле договор учинится»⁵¹.

Важные сведения о событиях под Псковом в конце августа – начале сентября 1616 г. сообщил Д.И. Мезецкому в Тихвине 18 сентября выходец из Ладоги Максим Федоров, который разговаривал с непосредственным участником этого боя, «ротмистром Монкапом». Монкап сказал, что псковичи, выйдя из города, «немецких людей многих побии, а иных ранили, а достальные немецкие люди ото Пскова отошли прочь»⁵².

Бой под Псковом происходил, судя по всему, около 1 сентября⁵³. Скорее всего, это столкновение произошло возле Снетогорского монастыря. По-видимому, Гюлленельм, как и Густав Адольф в 1615 г., планировал в этом монастыре сделать ставку шведских войск: «... велел поставить таборы на том месте, где сам король стоял». Однако эта попытка шведов в начале сентября 1616 г. захватить Псков внезапным нападением провалилась: псковичи отогнали врагов от крепости. Шведы отступили к своему острожку в устье реки Великая. В письме к Я. Делгарди от 29 августа 1616 г. Гюлленельм писал, что он уже начал постройку шанца в устье реки Великой на стороне Печор. Узнав, что русские послы в Тихвине не собираются уступать шведам, Гюлленельм в ответном письме к Я. Делгарди от 3 сентября обещал ему с «еще большим прилежанием выполнять порученное ему задание у Пскова»⁵⁴.

Первая неудача шведов под Псковом несколько облегчала положение Джона Меррика. Шведские комиссары теперь стали более уступчивыми. Также в Москве поняли, что невозможно оттягивать дальше решение вопроса о Новгороде, в котором шведы «наипаче начаша чинити Новгородцем тесноту велию»⁵⁵. Московское правительство еще в августе, узнав о начале похода шведов к Пскову, вступило на путь территориальных уступок. Царь с боярской думой неоднократно обсуждали «свейское дело». После заседания 17 августа в Тихвин был отправлен с Гаврилой Кувшиновым первый наказ: уступить шведам Ивангород, Ям и Копорье с уездами. После вторичного обсуждения «свейского дела» 5 сентября к послам в Тихвин был отправлен с Григорием Нероновым дополнительный наказ об уступке Орешка с Заневскими погостами. На следующий день в Думе вновь обсуждался этот вопрос и был отправлен с Петром Батюшковым третий наказ. Судя по дальнейшим действиям Меррика, в этом наказе говорилось об уступке ряда Поневских погостов и выплате некоторой суммы денег. 11 сентября в Москву прибыл из Тихвина от Данилы Ивановича Мезецкого гонец с последними известиями о ходе переговоров. Он же привез грамоты Меррика и ультиматум шведов. В этот же день царь приговорил передать дело на рассмотрение Земского собора, который в это время заседал в Москве⁵⁶.

Члены Собора после бурного обсуждения склонились к уступке шведам части территории страны. Они также согласились дать еще денег⁵⁷. В тот же день, 12 сентября, в Тихвин с Данилом Губиным была отправлена грамота⁵⁸. Собор утвердил приговоры, которые были посланы ранее с Гаврилом Кувшиновым и с Григорием Нероновым⁵⁹. В грамоте Даниле Мезецкому указывалось объявить Меррику, а через него шведским уполномоченным первый наказ об уступке шведам Ивангорода, Яма и Копорья с уездами. Сами послы должны были в дальнейшем действовать, в зависимости от обстановки, по второму

и третьему наказам, посланным с Нероновым и Батюшковым.

Обстановка в конце августа для русских послов в Тихвине оставалась весьма сложной. Из Москвы еще не поступили указания идти на уступки шведам. О Пскове было известно только то, что шведы приступили к осаде города. Продолжение войны казалось неизбежным. Обе стороны сосредоточили в районе Тихвина и Ладоги крупные силы. Видекинд сообщает о планах Делагарди совершить нападение на Тихвин, если переговоры летом 1616 г. будут сорваны. Однако Густав Адольф скептически отнесся к этим планам, зная об упорстве тихвинцев, которые уже однажды (в 1613 г.) выдержали осаду⁶⁰. Возможно, шведам также было известно, что «на Устюжне для оберегания послов» находились «Лев Иванов Долматов-Карпов и Илья Васильев-Беклемишев», а с ними по наряду – 925 человек⁶¹.

Эту взрывоопасную ситуацию разрядило прибытие из Москвы в Тихвин в конце августа Гаврилы Кувшинова с первым наказом об уступке Ивангорода, Яма и Копорья с уездами. Теперь Меррик, имея новые инструкции, стал действовать смелее. Уже 3 сентября в Ладогу прибыл помощник Меррика Томас Смит, который заверил шведов, что из Москвы получены новые инструкции об уступках шведам, и если начнутся переговоры, то мир обязательно состоится. Смит спрашивал у шведов разрешения для русских послов прибыть в Ладогу, даже если они не откроют Меррику окончательного решения своего государя. Вновь Смит вернулся в Ладогу 16 сентября и сообщил, что окончательное решение русских Меррик обещал передать на встрече послов в местечке Столбово на реке Сясь. Однако шведы потребовали, чтобы Меррик сам прибыл к ним вначале в Ладогу и сообщил решение русских⁶². Это был дипломатический успех русской стороны, теперь можно было «торговаться» со шведами.

3 октября Меррик был встречен на реке Сясь Лоренцом Вагнером с почетным эскортом (галера, 4 ладьи и рота солдат). 5 октября на обеде в Ладоге Меррик сообщил шведам, что русские согласны уступить Швеции в вечное владение Ивангород и Ям, а затем добавил «как будто лично от себя, еще Копорье с областью»⁶³.

Тем самым Меррик выполнил условия первого наказа, отправленного из Москвы 17 августа с Гаврилой Кувшиновым. Получив отказ шведов, он просил отсрочки на день. К этому времени в Тихвине уже были получены второй и третий указы, а также грамота с решением Земского собора от 12 сентября, так что Меррик и русские послы имели резерв для маневра. Они не собирались сразу открывать все свои карты, а надеялись добиться уступок со стороны шведов. По наказу, Меррику разрешалось уступить шведам Ивангород, Ям и Копорье и уплатить 100 тысяч рублей, но удерживать Орешек, или, в крайнем случае, выторговать за него другие города и волости⁶⁴.

При следующих встречах Меррик добавил к трем крепостям 10 тысяч рублей. Шведы со своей стороны продолжали требовать Орешек, но уже были не прочь довольствоваться половиной суммы, на которую они соглашались в феврале в Дедерино. Это условие (4 крепости и 100 тыс.) шведы объявили Меррику 31 октября. Английский посол настаивал на 3 крепостях и 100 тыс. Таким образом, позиции сторон еще более сближались. Меррик попросил отсрочки, чтобы встретиться с русскими послами и спросить у них, в состоянии ли они принять последнее предложение шведов⁶⁵.

В течение ноября в Ладоге велись упорные дипломатические баталии за Орешек и земли севернее и южнее Невы (Заневье и Поневье). 12 ноября Меррик предложил шведам Орешек и Заневье без доплаты, выполняя второй наказ, отправленный из Москвы с Гаврилой Нероновым. При этом он стремился удержать 4 погоста в Поневье, чтобы граница проходила по реке Неве. 15 ноября на новой встрече он добавил два западных погоста в Поневье (Ижорский и Дудоровский), но просил оставить два восточных погоста, примыкающих к Орешку (Лопский и Ярвосольский). После отказа шведов Меррик заявил: «Великий князь согласился уступить и два вышеупомянутых погоста, так что крепость (Орешек. – *Я.Р.*) со всей областью будет целиком принадлежать Швеции, но сверх того великий князь не собирается дать ни гроша». Шведы после четырехдневных переговоров (16–19 ноября) снизили сумму доплаты сначала до 50, а затем до 30 тыс. После того, как Меррик предложил 10 тыс., обе стороны 21 ноября согласились на 20 тыс. рублей. Эти условия (4 крепости с доплатой 20 тыс. рублей) стали базовыми для дальнейших переговоров, которые в декабре начались в Столбово⁶⁶.

События под Псковом в сентябре-октябре 1616 г. вынудили шведов пойти на такие финансовые уступки.

После того, как попытка фельдмаршала Гюлленельма с ходу захватить Псков провалилась, у шведов оставалась надежда лишь на шанец в Устье. К 14 сентября строительство этого укрепления было завершено⁶⁷. Иван Михайлович Мышецкий, который сопровождал Гюлленельма в походе к Пскову (поэтому он хорошо знал о состоянии этого укрепления), при тайной встрече в Ладоге с русскими дьяками, помощниками Меррика, так отозвался о шанце: «... а подо Псковом де земляной острожек добре крепок зделан, а в нем сидят семь сот человек немецких солдат»⁶⁸. Однако псковичи, постоянно совершали нападения на шведов, не давая покоя незванным гостям⁶⁹.

Построив этот шанец, Гюлленельм уехал в Гдов. Сохранилось его письмо к Я. Делагарди из Гдова от 25 сентября 1616 г.⁷⁰. Из этого письма видно, в каком крайне удрученном состоянии находился шведский военачальник уже в конце сентября. Он писал Я. Делагарди, что надо срочно

заключать мир с русскими, иначе шведы под Псковом могут оказаться в тяжелом положении.

Следующее письмо Гюлленельм написал Я. Делагарди 2 октября уже из Ивангорода. Оттуда он отправился в Новгород, а затем в Ладогу к шведским послам⁷¹. Дальнейшие события под Псковом происходили уже без его участия. Псковичи не собирались равнодушно смотреть на то, что устраивали вблизи Пскова шведы. Защитники города производили вылазки из крепости, всемерно стараясь помешать приготовлениям шведов.

Об одной из таких вылазок псковичей стало известно Мерику и русским дьякам в Ладоге. 12 ноября Соловой Протасьев и Василий Волков из Ладоги писали московским послам Д.И. Мезецкому и А.И. Зюзину, что псковичи пытались взять штурмом шведское укрепление под Псковом, но потерпели неудачу⁷². Фактически псковичи после этого не отступили в Псков, а продолжали блокаду шведского укрепления. В гарнизоне распространились болезни, «великий голод», началось дезертирство шведских солдат. Сто двадцать воинов из укрепления перебежало к псковичам⁷³. Сведения об этой осаде шведского укрепления под Псковом и о неудачной попытке захватить шанец приводит и Юхан Видекинд⁷⁴. Скорее всего, данные события происходили в конце октября или в первых числах ноября 1616 г.

Гюлленельм с 10 ноября находился в Ладоге. Лучше других зная положение дел под Псковом, он фактически помогал Меррику и его помощникам, пытаясь ускорить заключение мирного договора, заставляя Делагарди и других шведских комиссаров идти на некоторые уступки.

В итоге сложных переговоров 21 ноября Меррик договорился в Ладоге со шведскими послами об условиях мира с русскими. Н.Н. Бантыш-Каменский отмечал: «Английский посол Мерик, находясь в Ладоге, усильнейше шведских послов соглашал сделать прежде премилинарные мирные между собой статьи, в чем и успел; ибо 3 декабря оные на мере поставлены, английским и шведскими послами подписаны и разменены»⁷⁵.

С этого момента всякие враждебные действия между сторонами прекращались, шведы не имели права вывозить после 20 ноября из Новгорода и других городов колокола и пушки. Шведские военачальники теперь вроде бы не имели повода беспокоиться за судьбу своих солдат, осажденных псковичами. Меррик сразу же отправил своего помощника Юрия Родионова в Псков с указанием выпустить шведов из укрепления со всем их имуществом. Однако события под Псковом развивались стремительно. Псковские воеводы прислали Д.И. Мезецкому 7 января 1617 г. в Столбово грамоту с новгородцем сыном боярским Докучаем Харламовым, который устно привел некоторые подробности этих событий⁷⁶. Псковичи во главе с воеводой Григорием Бобровым вынудили шведский гарнизон в укреплении под Псковом капитулировать. При этом были захвачены бога-

тые трофеи, в том числе вся артиллерия шведов⁷⁷. Причина сдачи шведами шанца в Устье вместе с нарядом достаточно ясна – голод: «Псковстии же мужие сами своими головами обседоша градец их, гладом изморивше и взяша их»⁷⁸.

Согласно условиям капитуляции, шведы отпустились домой «до рубежа» без артиллерии и боеприпасов в сопровождении псковичей. Всего из укрепления вышло 250 шведских солдат, оставшихся в живых⁷⁹. В отписке псковских воевод дата капитуляции указана 13 декабря 1616 г.

О разгроме находившегося в шанце шведского отряда говорится и в Псковской I летописи. Здесь дата капитуляции указана на три дня раньше, 10 декабря⁸⁰. Не прошел мимо этого события и автор «Повести о приходе свейского краля с немцы под град Псков». Причем в этой повести конкретно говорится о взятии псковичами в качестве трофеев всей шведской артиллерии и отправке этих пушек в Псков⁸¹.

Капитуляция шведского отряда в острожке произошла через двадцать дней после подписания договоренности между Мерриком и шведами. Это вызвало у шведских послов сильное раздражение, что отмечал в статейном списке царский посол Д.И. Мезецкий⁸².

Шведы упрекали Меррика, что он специально послал гонца в Псков с задержкой по времени. В ответ Меррик говорил, что он сразу отправил Юрия Родионова с указанием псковским воеводам, чтобы они беспрепятственно выпустили шведский гарнизон из шанца⁸³.

Меррик сам предложил, чтобы русские послы провели расследование, как все произошло. Послы согласились. Выяснилось, что переводчик Меррика Юрий Родионов долго находился в Новгороде, он прибыл в Псков с грамотой английского посла только 16 декабря, то есть через три дня после сдачи шведами укрепления⁸⁴.

Несмотря на это, шведские послы заявляли, что они не отдадут наряда русским в Новгороде и в других городах, если русские не возвратят им наряда, захваченного в острожке близ Пскова. Требование шведов все же полностью не было удовлетворено. Эти трофейные пушки были поставлены в Пскове у Нижних решеток⁸⁵. Еще через 13 лет после описываемых событий эти трофейные шведские пушки оставались в Пскове⁸⁶.

Окончательные условия, на каких шведские послы согласились заключить мир, Данила Мезецкий и Джон Меррик отправили в Москву. Правительство сочло нужным сообщить об этом земским выборным в декабре 1616 г., сразу после получения этой важной информации. Эти условия оказались более выгодными для русских, чем рассчитывали в сентябре выборные Земского собора. В тексте документа, который привел Г.А. Замятин, отчетливо видна радость Михаила Романова и выборных по поводу успешного окончания дела. Также подчеркивалась важная роль в этом успехе английского посла: «...и английский посол князь

Иван Ульянов прислал к государю писаря своего рыцера Свифта с тем, что... агглинский посол, князь Иван со свейскими послы о добром деле, о мирном постановленье .... договор учинил». Думный дьяк Петр Третьяков зачитал членам Собора условия мира. После перечисления городов, которые шведы возвращали русским, и городов, уступленных шведам, следует запись: «да к тому придати им денег только лишь двадцать тысяч рублей, чем бы солдат из государевых городов без рассоренья вывести, а болшие последние запросы 80000 рублей свейские послы по государеву счастью отставили»⁸⁷.

Это сообщение П. Третьякова об условиях заключения мира вызвало всеобщее одобрение: «... у них у всех и в разуме не было, что свейскому королю на такие *малые деньги* такого великого Новгородского государства с пригороды поступитись; да то учинилось божьею милостью, а его государевым счастьем и премудрым разумом». В заключение члены Собора говорили при государе вслух, что они воздают хвалу Богу, Богоматери и великим чудотворцам, царю и его родителям, «что такое великое дело совершается»⁸⁸.

На самом деле окончание переговоров со шведами было ничуть не легче их начала. Спор теперь шел о том, чтобы шведы не брали в заклад городов до исполнения договора о размежевании. Одним из таких городов-заложников стала Ладога.

31 декабря 1616 г. русские и русские послы встретились в Столбово «на подворье английско-го посла, в 3 милях от подворья шведских послов, и положили доброе начало переговорам»⁸⁹. Подробно ход переговоров в Столбово изложен у К. Якубова, который опубликовал Шведский статейный список № 13 из Московского Главного архива МИД⁹⁰. Обе стороны в итоге согласились, чтобы передача Новгорода, Старой Русы и Порхова была произведена через 14 дней после подписания договора. Если неудача Карла Гюленгейма в 1616 г. под Псковом привела к смягчению шведских требований на переговорах с Джоном Мерриком в Ладоге (шведы согласились уменьшить размер контрибуции со 100 тыс. до 20 тыс. рублей), то капитуляция шведского гарнизона в Устье привела к тому, что шведские комиссары в Столбово отказались от Ладоги в качестве залога. После долгих и жарких споров шведы вынуждены были уступить Ладогу и Сумерскую волость. Теперь единственной крепостью, которую шведы удержали в качестве заложника, остался Гдов. Забегая вперед, стоит сказать, что русские послы предчувствовали длительную задержку с передачей Гдова. И если деньги (20 тыс.) Россия сумела выплатить быстро (с помощью кредита Англии) и так же быстро (в течение полутора лет) обе стороны ратифицировали мирный договор (в июне 1618 г.), то процедура размежевания на границе растянулась на несколько лет. В итоге Гдов был возвращен России только в сентябре 1621 г.

Обе стороны уже стремились к быстрейшему завершению процедуры подписания договора. Русские послы знали об угрозе со стороны Польши, о неприятностях под Смоленском, хотя при этом сами «распускали слухи» о том, что Гонсевский потерпел поражение, и было взято в плен 1700 поляков. Определенную роль в уступчивости шведов сыграли меры по дезинформации, которые предпринял польский король Сигизмунд III. Его люди распускали повсюду слухи о подготовке широкомасштабного похода в шведскую Ливонию⁹¹. Польский король, возможно, преследовал при этом свои цели, надеясь усыпить бдительность русских накануне своего похода на Москву.

Русским послам приходили тяжелые известия из Новгорода. Пятиконецкие старосты прибыли в Столбово, рассказали о критическом положении в городе и слезно умоляли послов поскорее закончить процедуру подписания договора. Но реально Данила Мезецкий мог только просить Меррика, чтобы он «замолвил слово» за новгородцев, а также быстрее договариваться о технологии передачи городов и судьбе их населения⁹².

В итоге обе стороны относительно быстро решили спорные вопросы о титулах монархов (каждое слово в титуле говорило о претензии государя на определенную территорию). 19 февраля шведы согласились написать договор с короткими титулами обоих монархов, а также не требовать титулярства английского короля⁹³.

27 февраля 1617 г. был подписан «великими послами» первый в царствование Михаила Романова договор о вечном мире. Главная цель – возвращение Новгорода с уездом – была достигнута. Шведы обязаны были уже через две недели очистить Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость (ст. 5), а еще через неделю очистить Ладогу с уездом (ст. 6). В этой же статье (ст. 6) говорится о сложной процедуре передачи Гдова⁹⁴.

Меррик и его помощники в марте 1617 г. участвовали в передаче русским властям освобожденных шведами городов, они также следили за выходом на русскую территорию жителей тех городов, которые оставались у шведов.

Новый Летописец кратко подвел итог этим событиям: «Помиришася вековечным миром, и перебезшиком ни с одной стороны не перебегаги, и Новгород и иные города Немцы государю отдаша, а государь в немецкую землю поступился городов: Ивана города, Яма, Копорья. Орешка. Туто ж послы разыдошася. Князь Данило ж с товарищи поиде в Новгород и Новгород при у Немец. Посол же Аглинской прииде к Москве. Государь же тово посла пожаловал и даде ему честь великую и отпусти ево в Аглинскую землю»⁹⁵. Говоря о «великой чести» для Джона Меррика, автор «Нового летописца» обошел молчанием неудачу Меррика при решении вопросов о льготах для английских купцов (транзит по Волге в Персию, поиск путей из Сибири по реке

Объ в Китай и Индию). Меррик вновь поставил эти вопросы на переговорах в Москве с боярами Ф.И. Шереметевым и Д.М. Пожарским в июне 1617 г. Это дело отдали на рассмотрение комиссии, составленной из русских торговых людей, которые вынесли отрицательное решение, сославшись на трудное для России время⁹⁶. Некоторые льготы англичане все же получили (свободное занятие в России разными промыслами, разведка железорудных запасов, добыча алебастра, производство канатов, парусов и т.д.). Меррик добился «новой жалованной подтвержденной грамоты для 18 английских купцов, торгующих в Москве», чтобы «английские подданные нанимали российских лопарей по 20 и больше для ловли оленей на новом острове, который англичане нашли на море». Также Меррик на время сумел ослабить позиции конкурентов-голландцев в России. В дальнейшем, в свой последний приезд в Россию в 1620 г., Меррик вновь пытался решить вопрос о транзитной торговле для англичан, но так и не сумел ничего добиться.

Современники считали Столбовский мир довольно выгодным для России. Об этом свидетельствуют не только награды всем участникам переговорного процесса (Мезецкий стал боярином, Зюзин – окольничьим, а Меррик получил множество ценных подарков⁹⁷), но и грамоты Михаила Романова к воеводам разных городов. В грамоте в Кетский острог к воеводе Чеботая Челищеву царь «велел созвать всяких наших служилых и жилецких людей, прочесть им во всеуслышание, чтоб всем людям то доброе дело было ведомо, и молебны петь со звоном, и из наряду велел стрелять из большого и из ручного, чтоб про то было вам явно и ведомо»⁹⁸. По этому поводу С.М. Соловьев писал: «В Москве и Стокгольме были очень довольны Столбовским миром; возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительную потерю нескольких городов: теперь было не до моря!»⁹⁹

Однако все историки почему-то приводят только слова Густава Адольфа: «У России отнято море, и теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек». Действительно, король был чрезвычайно доволен, так как теперь русские были не страшны шведам. В советское время считали этот мир унижительным для России и ставили его на одну чашу весов наряду с Деулинским перемирием 1618 г. с Польшей. Но заключение Столбовского мира позволило стране направить все силы на борьбу против более опасного врага. Ведь уже весной 1617 г. поляки начнут свой поход на Москву¹⁰⁰. Летом 1617 г. в районе Дорогобужа будут происходить тяжелые бои с переменным успехом, осенью того же года королевич Владислав захватит Дорогобуж и Вязьму; в районе Калуги Дмитрий Пожарский с трудом будет сдерживать лисовчиков Чаплинского и Опалинского, а летом 1618 г. русская армия в Можайске едва вырвется

из окружения, и, наконец, осенью 1618 г. поляки вместе с запорожцами Сагайдачного будут с двух сторон штурмовать Москву (даже ворвутся в Белый город). Трудно сказать, как бы развивались события под Москвой, если бы значительная часть русских войск в это время оставалась на Севере, продолжая вести боевые действия против шведов.

Подводя итоги, можно сказать, что ведение военных действий в 1616 г., особенно поражение шведов под Псковом в декабре 1616 г., оказало влияние на ход и содержание Столбовского мира, ускорило его подписание, спасло Ладугу от участи Гдова (быть крепостью-заложником до 1621 г.).

Военная победа в тяжелейшей борьбе с Польшей в 1618 г. (которая, по мнению В.В. Похлебкина, не была закреплена дипломатически) будет одержана благодаря Столбовскому миру, важную роль в заключении которого сыграл Джон Меррик.

Примечания

- ¹ Буссов Конрад. Московская хроника 1584–1613. М.: Л., 1961. С. 191.
- ² «Более чем где-либо участие новый государь нашел на далеком Западе у морских государств Англии и Голландии». Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Т. 9–10. М., 1995. Кн. V. С. 71–72.
- ³ Автор считает Джона Меррика «первым дуайеном дипкорпуса в России, ибо с 1622 г. (опечатка в дате. – Я.Р.) стал первым постоянным иностранным представителем (посланником, а затем и послом) при русском дворе в Москве». Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. Т. 1 «А–М» / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 78. См. также: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн. 1. Европа и Америка: Справочник. М., 1995. С. 199.
- ⁴ Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 112, 129, 132 и т.д.
- ⁵ О Меррике упоминается в ряде документов начиная с 1584 года. Агент в Ярославле (1584), приказчик королевы Елизаветы, отправленный в Псков (1588), агент в Москве (1592), член Московской компании (1596), Меррик в царствование Бориса Годунова выполнял ряд конфиденциальных поручений русского царя, связанных с поисками женихов и невест для детей Бориса (1600–1602). Он же сопровождал в Англию первых русских студентов, из которых позднее никто не вернулся на родину (1602).
- ⁶ Являясь дипломатическим агентом Англии в Москве, Меррик с 1605 г. осуществлял руководство всей деятельностью английской дипломатии в Русском государстве. Известно о его переговорах с Лжедмитрием I и Василием Шуйским в 1605–1607 гг., в результате которых английские купцы получили новые привилегии (аналогичные тем, что были при Иване Грозном в 1569 г.).

- 7 Крупнейший исследователь русско-английских отношений XVI–XVII вв. И.И. Любименко отмечала: «К сожалению, многие пункты биографии Меррика остаются до сих пор невыясненными». (*Любименко И. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. № 11. С. 11.*)
- 8 Один из таких проектов Меррик сам доставил в Лондон осенью 1612 г. До этого, в июле 1612 г., Меррик переводил на русский язык грамоту иноземцев-англичан, прибывших в Архангельск. Это происходило «в съезжей избе» по просьбе воеводы Ивана Долгорукого и дьяка Путилы Григорьева (данную грамоту Яков Шау передал Д.М. Пожарскому 10.8.1612 г.). См.: Дело о приезде Якова Шау // Акты времени междоусобицы (1610 – 17.7.1613) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябиной. М., 1915. С. 51–61
- 9 *Лыжин Н.П.* Указ. соч.; *Соловьев С.М.* Указ. соч.; *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.
- 10 *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 84.
- 11 О ходе боевых действий на Севере после отступления Густава Адольфа от Пскова и вплоть до заключения Столбовского мира см.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в. Рукопись // Древнехранилище Псковского гос. объединенного ист.-архит. и худож. музея-заповедника (далее – ПГОИАХМЗ). № 1205.
- 12 Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Новгород, 1911–1912. Вып. V, VI.
- 13 *Видекин Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.
- 14 В 1940-е гг. к документам данного фонда обращался Г.А. Замятин при написании своей работы о Пскове. См.: *Селин А.А.* Ладога при московских царях. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.
- 15 Отчет голландских послов о переговорах см.: Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 24. СПб., 1878; Письма Джона Меррика см.: Сб. НОЛД. Вып. V, VI; *Лыжин Н.П.* Указ. соч.; *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 327.
- 16 Согласно первому условию русская сторона должна выплатить немислимую сумму денег (2 млн рублей – 40 бочек золота), получив взамен все захваченные шведами русские крепости, кроме Корелы, по второму и третьему – уступить 4 крепости с Сумерской волостью (район озера Самро), либо без нее, с доплатой шведам 100–200 тыс. рублей. При этом шведский король возвращает России Новгород, Старую Руссу, Порхов, Гдов и Ладогу. См.: Сб. РИО. Т. 24. СПб., 1878. С. 283–288.
- 17 См.: Сб. РИО. Т. 24. С. 371.
- 18 *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 148; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. СПб., 1910. С. 139.
- 19 «Марта б шведские и голландские послы в Стокгольм, а английский и российские из Осташкова отправились в Москву, куда марта 18 прибыв, донесли государю о причине несостоявшихся мирных договоров». *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 148–149.
- 20 Сб. РИО. Т. 24. С. 488, 547.
- 21 *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 372–373. См. также: *Коваленко Г.М.* Сообщение М. Климентьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. СПб., 1993. Вып. 4 (14). С. 128–131.
- 22 Ост-Индские компании Англии и Голландии уже начали между собой войну в Индонезии. Апогей этого конфликта наступит в 1618 г. в период борьбы за Джакарту, а также за господство над районом острова Медвежий и Шпицбергом. Англия хотела добиться преимущественного права на торговлю в России, стремилась получить доступ к китайским и иранским рынкам, к богатствам Русского Севера (английских купцов манила «златокипящая Мангазея»).
- 23 О том, что Москва недовольна предложенными условиями мира, Делгарди написал 10 марта Джону Меррику из Новгорода. В ответном письме к Я. Делгарди от 10 апреля 1616 г. Меррик с грустью подтверждал: «... в таком мнении ваша милость не весьма заблуждается» (Лист Джона Меррика от 10 апреля 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI. Новгород, 1912. № 4. С. 15).
- 24 Сб. РИО. Т. 24. С. 488, 547.
- 25 См.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 398.
- 26 См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков... См. также: Generalstaben. Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 552–553.
- 27 О пожаре Ивангорода в 1616 г. имеется свыше десяти свидетельств русских людей (Матвея Блаженкова и др.) См.: Расспросные речи Матвея Блаженкова в Москве. 1616, июнь // Российский государственный архив древностей (далее – РГАДА). Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 91–95. Также рассказ об этом пожаре Ивангорода встречаем и в отчете голландских посредников. См.: Сб. РИО. Т. 24. С. 27.
- 28 Тихвинские воеводы сообщали в Москву, что эти укрепления поставлены «на Сяском устье», а также на той же реке Сясь «в деревни на Бардовщине от Тихвины за сорок верст ... и теми, государь, острожки отняли у нас заонежскую дорогу». См.: Отписка тихвинских воевод В.Ф. Неплюева и И.И. Баклановского в Посольский приказ 1616, май // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 94–95.
- 29 См.: Лист Джона Меррика от 25 июня 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI, № 45. С. 37–39.
- 30 Расспросные речи новгородских посадских людей, кожевников Ивашки Ананьиной и Ивашки Назарьева. 1616, июня 26 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 391.
- 31 См.: Расспросная речь в Москве в Разряде черкашенина Федора Яковлева. 1616, июнь // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 102–106.
- 32 См.: Отписка псковского воеводы Ивана Дмитриевича Плещеева к наместнику Гдова Сванте Банеру от июля (день не указан) 1616 г. и копия ответа последнего от 24 июля 1616 г. (*Кордт В.А.* Из семейного архива графов Делгарди) // Учен. зап. Императорского Юрьевского ун-та. 1894. Т. 2, № 2. С. 88–91.

- ³³ О разгроме шведского острожка сообщил в своем донесении в Москву 15 июня Д.И. Мезецкий после распроса трех выходцев из Тесова. См.: Распросные речи Ивашки Степанова, Афоньки Степанова и Сеньки Васильева. 1616, июня 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.
- ³⁴ Листы Джона Меррика от 10 и 20 апреля 1616 г., от 7 мая 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI, № 4–6. С. 17–18, 20, 23–24.
- ³⁵ Отписка послов кн. Д.И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чеадая Спешнева о построенном на Сясьском устье остроге. 1616, июня после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 242–244. О действиях отряда Чеадая Спешнева см.: *Селин А.А.* Указ соч. С. 63–64. Контакт с этим казачьим атаманом, который подчинился московской администрации, был, по мнению А.А. Селина, «большой удачей тихвинских воевод».
- ³⁶ См.: Лист Джона Меррика от 25 июня 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI. № 13. С. 38–39.
- ³⁷ См.: Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР). Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 116. Здесь перечислена свита послов: стольник – 1, дворяне московские – 4, жильцы – 5, дворяне и дети боярские – 386, московские стрельцы – 500 человек.
- ³⁸ Г.К. Волконский был одним из руководителей войска новгородцев в период освобождения Ладого от французов Пьера Делавила зимой 1611 г., Соловой Протасьев также находился под Ладогой во время её осады Иваном Салтыковым.
- ³⁹ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). СПб., 1850. Т. 1. Стб. 219, 224, 225.
- ⁴⁰ Сб. НОЛД. Вып. VI, № 6–8. С. 22–28. Н.Н. Бантыш-Каменский отмечал, что русские послы отправились на съезд «19 мая купно с английским посредником, а июня 12 пришли в Тихвин», но первая дата не может считаться днем отъезда из Москвы. См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 149.
- ⁴¹ Лист Джона Меррика от 14 июня 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI, № 10. С. 30.
- ⁴² Джон Меррик стоял на другой точке зрения. Он писал Я. Делагарди 30 мая: «Такие важные дела, как абсолютное заключение вечного мира или хотя бы временного перемирия ни в какой стране не делаются через письма и через посланцев, сообщая полностью все содержание полномочий раньше, чем комиссары обеих сторон сведутся вместе» (Лист Джона Меррика от 30 мая 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. VI, № 8. С. 26–27).
- ⁴³ *Козляков В.Н.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴⁴ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 443. «Послы, ... отправили посланцев к безбожным варягам, чтобы договориться о встрече с ними в назначенном месте для заключения мира. Сами же послы в то время жили в обители Пресвятой Богородицы».
- ⁴⁵ *Файнштейн Л.А., Шаскольский И.П.* Тихвин: ист.-краевед. очерк. Л., 1961. С. 32; *Мордвинов И.П.* Тихвин и Столбово в 1609–1617 гг. Тихвин, 1917. С. 16–20; *Он же.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: ист. очерк. Тихвин, 1925. С. 27–28 (2-е изд. СПб., 1999). См. также: Сб. НОЛД. Вып. VI, № 10, 14. С. 31, 41.
- ⁴⁶ Уже в конце июля 1616 г. русские послы в Тихвине Д.И. Мезецкий и др. узнали об угрозе Пскову (от посланных в Новгород лазутчиков Ротки-Нехорошки Григорьева и Куземки Яковлева, а также благодаря информации, полученной из Новгорода от тайных сторонников Москвы Семена Лутохина и Матвея Мурavyева). Через несколько дней, 2 августа, Мезецкий получил более подробные сведения от кашинца Михаила Ипатьева, который был свидетелем прибытия Гюлленейма в Нарву и отправки шведского войска «за Гдов», а также от новгородца Степана Яковлева. См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. ... Л. 212–213. Распросные речи этих лазутчиков и выходцев см.: РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 246–331.
- ⁴⁷ Вестовая память строителя Ивановского монастыря Варсонофия // Селин А.А. Ладoga при московских царях. С. 160.
- ⁴⁸ Псковские летописи (далее – ПЛ). Изд. М.П. Погодина. М., 1837. С. 234; ПЛ. Вып. 2. М., 1955. С. 278–279; *Sveriges krig 1611–1632.* Bd. 1. S. 549.
- ⁴⁹ «А подо Псков пришел ратной моршалою Яганов королев непрямою жены сын, а с ним многие ратные свейской и иных земель люди, и подо Псковом стал и Псков всякими мерами теснит». *Замятин Г.А.* Два документа к истории земского собора 1616 г. // Ученые записки Воронеж. гос. ун-та. 1925. Т. 1. С. 298.
- ⁵⁰ КР. Т. 1. Стб. 213–222.
- ⁵¹ *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. ... Л. 223–224.
- ⁵² Там же. Л. 215–216.
- ⁵³ Монкап рассказывал об этом бое Максиму Федорову в Ладогe 13 сентября, а бой, по его словам, произошел «недели тому с две».
- ⁵⁴ Это письмо из архива Делагарди в Тарту опубликовал В.А. Кордт. Приведенная фраза позволяет уснить связь между переговорами о мире и военными операциями шведов у Пскова. См.: *Кордт В.А.* Указ. соч. С. 22–24; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 405.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 139.
- ⁵⁶ См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 224–225; *Замятин Г.А.* Два документа к истории земского собора 1616 г. С. 299–302.
- ⁵⁷ «Мир делати на города (а не на деньги), да к тому еще хоти денег придати, ... как бы его государеву делу было прибыльнее, а к его великим российским государствам не к большому убытку». Там же. С. 301.
- ⁵⁸ Собор, бывший при царе Михаиле Федоровиче, об условиях заключения мира со шведами. 1616 г. сентября 12 // Там же. С. 302–305
- ⁵⁹ Там же. С. 306–307.
- ⁶⁰ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 398.
- ⁶¹ КР. Т. 1. Стб., 116–117.
- ⁶² См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 89; *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 60–63; *Форстен Г.В.* Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. XI. С. 21–22; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 410.
- ⁶³ Там же. С. 411
- ⁶⁴ См.: *Козляков В.Н.* Указ. соч. С. 83; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 89.

- ⁶⁵ См.: *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 62
- ⁶⁶ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 418–421; *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 62–64.
- ⁶⁷ В письме к Филиппу Шедингу от 14 сентября 1616 г. Гюлленельм сообщал, что шанец у Пскова уже готов. Это письмо было перехвачено псковичами, отправлено в Москву. В настоящее время находится в РГАДА. См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 220.
- ⁶⁸ Эту информацию И.М. Мышецкий, прибывший в Ладогу 10 ноября вместе с Гюлленельмом, передал Соловому Протасьеву и Неустрою Кушникову. И.М. Мышецкий сообщил также важные сведения о дальнейших планах шведских руководящих лиц. В случае задержки с подписанием мирного договора Гюлленельм должен срочно собрать деньги в Нарве, теплую одежду в Невском Устье (Ниене) и отправить их в острожек к Пскову. Самому Гюлленельму предстояло убить в Новгород, собрать ратных людей и деньги и отправлять их также под Псков. См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 221.
- ⁶⁹ В своем письме от 3 сентября, написанном в лагере в Устье, Гюлленельм сообщал, что «русские ежедневно убивают шведских обозных служителей, когда те выводят лошадей для кормления; даже в тот день они убили некоторых, а лошадей отняли». (*Кордт В.А.* Указ. соч. С. 22–24)
- ⁷⁰ Гюлленельм писал, что из-за недостатка провианта пришлось отправить многие части из-под Пскова в разные районы, в том числе в Копорский уезд. Он считал, что военные операции «с голыми руками и без всякого запаса продолжать невозможно». См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 221–222.
- ⁷¹ «Вскоре Гюлленельм с людьми поехал на зиму в Новгород, оставив на зиму в укреплении 300 чел. из роты Рехенберга и устроив продовольственный склад в монастыре, расположенном возле самого укрепления». Этот монастырь – церковь Николы в Устье. *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 405.
- ⁷² «Приходили из Пскова государевы люди и к острожку приступали и острожку ничего не учинили и назад де отошли от острожка во Псков». *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 226.
- ⁷³ «...и ис того де городка передалось неметких людей на твое государево имя в розных числах сто двадцать человек, а иных многих неметцких людей побили, а иные с голоду в осаде померли». Там же. Л. 226–227.
- ⁷⁴ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 420. «Укрепление под Псковом было тогда осаждено русскими, которые, правда, впоследствии были отбиты».
- ⁷⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 149.
- ⁷⁶ См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 226–229.
- ⁷⁷ Было взято «...немецкого наряда четыре пищали полуторных, да шестнадцать пищалей полковых, да четыре пикарды, да десять бочек больших зелья». Также псковичам достались в качестве трофеев шведские корабли. О трофеях, взятых псковичами в острожке, мы имеем сведения и со стороны шведов. 11 января 1617 г. шведские послы прислали Д.И. Мезецкому «роспись, сколько у них взято наряду и зелья и запасов», требуя их возвращения. Эти цифры не отличаются от приведенных выше, имеется только ряд уточнений. Там же. Л. 226–227.
- ⁷⁸ О прежнем нашествии Немецком и нынешнем на Новгородскую землю и о нашествии богомерзкого Свейского короля Густава с погаными Латыни на Русскую землю и о клятве их // Псковские и Софийские летописи / ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851 (Прибавления к псковским летописям). С. 54.
- ⁷⁹ «...и твои де государевы люди, договорая с ними, выпустили их из городка до Рожества Христова за две недели всех с полтретья ста (250) человек». Фактически мы имеем сведения о 120 перебежчиках, кроме того, 250 человек капитулировали и их отпустили, а свыше 300 человек погибли во время осады, если считать общую численность гарнизона 700 чел. *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 226.
- ⁸⁰ В летописи читаем: «Во 125 (1616) году, декабря в 10 день, городок взяша и немец достальные выпустиша». Псковские летописи. М., 1837. С. 234. (ПЛ. 1955. Вып. 2. С. 278–279).
- ⁸¹ «... пришел Краль со Свейчи к церкви Николы Чюдотворца что в устье Великия реки, и поставиша городок на горе с нарядом, и велие утеснение творяху Псковичам, ... граждане же собравшеся ратию шедше ... в устье, град взяша а Латынь побиша, а иных живых поимаша и наряд весь у Латынь вземше во град привезоша (курсив мой. – Я.Р.)». Повесть о приходе свейского кралея с немцы под град Псков: Рукопись Спасо-Мирожского монастыря, опубликованная М.И. Семевским // ЧОИДР. 1869. Кн. 1. М., 1869. С. 8. См. также: *Попков В.И.* Повесть об осаде Пскова шведами в 1615 г. // Традиции и новаторство в русской литературе: Сб. ст. М., 1973. С. 27.
- ⁸² «9 января 1617 г. «на розезде ... свейские послы говорили о псковских делах сердиту». *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 229.
- ⁸³ Там же. Л. 230.
- ⁸⁴ Послы установили, что «шведов выпустили из острожка близ Пскова и наряд поймали 13 декабря», а Ю. Родионов «измешкал в Новгороде и приехал... во Псков с грамотою после их немецких людей здачи три дни спустя». См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков. Л. 231.
- ⁸⁵ См.: *Морозкина Е.Н.* Псковская земля. М., 1975. С. 40; Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. МАМЮ. Т. VI. М., 1914.
- ⁸⁶ «Да под навесом ж наряду, что взят в немецком городке на устье Великие реки, которой остался за отдачею во Пскове, что отдано в Ругодив: 4 пищали девятипядные медяныя с станки и с колесы; ...5 волконей медяных, что стреляют на собаках без станков; ...да себежскаго наряду пищаль полуторная, ...да другая пищаль полуторная немецкая». *Харузин Н.* Псков и его пригороды перед 2-й войной при царе Михаиле // Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. Т. 1. М., 1899.
- ⁸⁷ Собор, бывший при царе Михаиле Федоровиче, о шведских делах 1616 г. после 15 декабря. *Замятин Г.А.* Два документа... С. 309–310; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 224–226.
- ⁸⁸ *Замятин Г.А.* Два документа... С. 310.

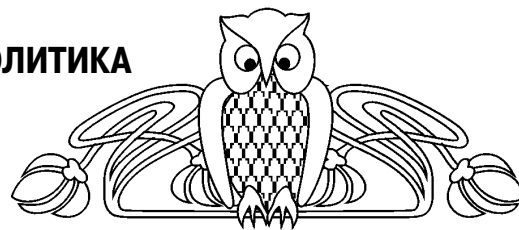
- ⁸⁹ См.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 425.
- ⁹⁰ *Якубов К.Н.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. (Сб. мат. из Моск. Главн. архива МИД и Шведского гос. архива 1616–1651 // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. М., 1897. С. 4–28.
- ⁹¹ См.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 416, 421.
- ⁹² См.: *Козляков В.Н.* Указ. соч. С. 84; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁹³ Включение какой-либо территории в объектную (географическую) часть титула монарха свидетельствовало о притязании его на господство в данном регионе. Шведы хотели, чтобы король писался Ингерманландским, а русские послы требовали для Михаила титула «повелителя северной страны». *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁹⁴ Полную публикацию Столбовского договора из 33 статей см.: *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 430–450; ПСЗ. Т. 1. № 19; *Лыжин Н.П.* Указ. соч. Прилож. № 11. С. 142–173.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 139.
- ⁹⁶ Интересно отметить, что русские люди говорили Меррику о Китае: «Про Китайское государство сказывают, что невеликое и небогатое, – добываться к нему нечего». Также бояре говорили Меррику, что Китай весь обведен кирпичной стеной: «... и потому можно знать, что место невеликое». См.: *Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁷ Меррик получил за свои хлопоты на съездах: цепь золотую с парсуной царя (в 600 крон), ковш с камнем (золотую чашу с рубинами и сапфирами в 400 гульденов), платно персидское, шелк лазорев да черевчат с золотом на соболях, образцы низаны жемчугом с камнем (парчовый кафтан, украшенный соболями, ценой в 500 рублей), шапку лисью черную (высокую), кусок бархату, кусок атласу, камку, пять сороков соболей (50 прекрасных соболей), 5000 белки (беличьих мехов). См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 101; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII стол. СПб., 1894. Т. II. С. 152.
- ⁹⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (СГГД). СПб., 1822. Т. 3, № 35.
- ⁹⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 140–148.

УДК 327 (47+57)+929 Чичерин

Г.В. ЧИЧЕРИН И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ВОСТОКА

Д.В. Редченко

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: engels-volga@yandex.ru

Статья посвящена взглядам и деятельности народного комиссара по иностранным делам Георгия Васильевича Чичерина в области советской восточной политики. На основе архивных документов автор раскрывает или уточняет роль Чичерина в ряде событий 1920-х гг., связанных со становлением и развитием отношений Советской России с ее восточными соседями. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Г.В. Чичерин, НКВД, Восток, Коминтерн, НКВД, национально-освободительное движение.

G.V. Chicherin and the Soviet Foreign Policy in the East Countries

D.V. Redchenko

The article is devoted looks and activity of folk commissar on foreign affairs George Vasilievich Chicherin in the field of soviet east policy. On the basis of the archived documents an author exposes or specifies the role of Chicherin in several events 1920-kh, related to becoming and development of relations of Soviet Russia with its east neighbours. Many of these documents are entered in a scientific turn first.

Key word: Chicherin, NKID, the East, Komintern, NKVD, national-liberation movement.

Советская внешняя политика в 1918–1930 гг. неразрывно связана с именем Георгия Васильевича

Чичерина. Дворянин, получивший блестящее образование, знаток истории отечественной дипломатии, приобретший широкую известность в годы Первой мировой войны в эмигрантских кругах, социалист (меньшевик)-интернационалист, Чичерин оказался находкой для новой Советской власти. Несмотря на свое не большевистское политическое происхождение и вступление в РСДРП(б) лишь в 1918 г., он, тем не менее, полностью разделял центральные внешнеполитические установки большевистского руководства, оформившиеся после подписания Брестского мира с Германией и ее союзниками. Именно Чичерин, участвовавший в подписании этого мира 3 марта 1918 г. и назначенный через десять дней после этого и.о. наркома (с 30 мая наркомом), стал одним из ключевых проводников той самой двойственной внешней политики большевиков, которая наиболее полно проявилась уже в 1920-е годы. Дуализм советской внешней политики состоял, как известно, в активном содействии мировому революционному движению при одновременном налаживании экономического – а в некоторых случаях политического и военного – партнерства с правительствами капиталистических стран. Диктовался он, прежде всего, необходимостью

скорейшего восстановления экономики страны, находившейся в руинах после мировой и гражданской войн, и предотвращения новой интервенции западных держав в условиях «запаздывания» мировой пролетарской революции. Несмотря на всю специфику стран Востока и взаимоотношений с ними Советской России, большевистское руководство рассматривало Азиатский регион только как один из театров своей общемировой политики. Единственной важной особенностью здесь большевики признавали широкое национально-освободительное движение, которому в конечном итоге они отводили лишь роль дестабилизатора мировой капиталистической системы. Поэтому перед наркоматом по иностранным делам с первых же дней работы на восточном направлении встали те же основные задачи, что и на западном. Одной из главных задач было предотвращение новых дипломатических конфликтов и военных столкновений с империалистическими державами.

Еще не завершились Гражданская война и интервенция Японии на советском Дальнем Востоке, как в июне 1921 г. Г.В. Чичерин вынес на обсуждение членов Политбюро ЦК РКП(б) составленный им проект о корейских повстанческих отрядах. В нем нарком предостерегал советское руководство от втягивания в вооруженный конфликт с Японией, в том числе вследствие оказываемой Москвой поддержки антияпонскому национально-освободительному движению в Корее, и выступал с соответствующим предложением. По мнению Г.В. Чичерина, «Пока Япония в борьбе против ДВР и Советской России ограничивается нынешними половинчатыми действиями без открытой войны и держится колеблющейся политики, корейские повстанческие отряды не должны иметь своим местопребыванием территорию ДВР и не должны в форме целых формирований быть отправляемы из ДВР или из Советской России в Корею. Расформированию, – уточнял нарком, – они не подлежат, но не следует допускать их открытых, тем более демонстративных передвижений на борьбу с японской властью в Корее». Данный проект, не встретив никаких возражений, и при полной поддержке В.И. Ленина был утвержден на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 10 июня 1921 года¹.

В письме секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 30 сентября того же года Г.В. Чичерин формулирует одно из правил ведения советской внешней политики и на Западе, и на Востоке, которым, по его мнению, необходимо руководствоваться, имея в виду опасность серьезных столкновений с мировыми державами: «Ввиду чрезвычайно осложненного международного положения, в которое мы теперь вступили, необходимо устранять всякий лишний повод к нападкам на нас, за который могли бы уцепиться наши противники или недоброжелатели». Причем поводом для подобных совершенно ненужных осложнений, считал нарком, может стать любая мелочь, вплоть

до названий некоторых существовавших на советской территории организаций. Поэтому в том же письме Г.В. Чичерин, обрисовывая имевшую место в Закавказье ситуацию, выступил со следующим предложением. «Английское правительство, – указывал он, – упустило из внимания, что в Баку существует так называемый Совет Пропаганды и Действия на Востоке. Ссылки на отдельность Азербайджанского Правительства и Коминтерна могут годиться для заполнения полемических нот, но Английское правительство по существу с этим не считается и поскольку речь идет о действительном устранении поводов для конфликтов, не следует полагаться на эту отдельность. Между тем самое название “Совет Пропаганды и Действия на Востоке” носит крайне вызывающий характер. В прошлом году Англия ссылалась на существование этого Совета. В данный момент она, очевидно, не знает об его продолжающемся существовании, что легко объясняется его полным бездействием, но если какой-нибудь источник доведет до сведения английского правительства о существовании учреждения с таким одиозным названием, оно, конечно, не преминет за это ухватиться. Учреждение фактически бездействует, но его название может быть источником совершенно ненужных лишних осложнений. Нельзя ли предложить Коминтерну назвать это учреждение просто “Бакинской Секцией Коминтерна” или другим подобным же безобидным названием. Зачем без нужды создавать себе лишние поводы для осложнений?»².

Проблемы, которые Коминтерн и родственные ему организации повсеместно создавали во взаимоотношениях СССР с капиталистическими державами, Г.В. Чичерину приходилось решать на протяжении всех лет работы в НКВД. Очередные неприятности на внешнеполитической арене, по мнению наркома, советское руководство ожидало в случае принятия членами Политбюро ЦК ВКП(б) предложения, поступившего в июне 1928 г. от генерального секретаря Профинтерна А. Лозовского³, об устройстве по случаю VI Конгресса Коминтерна общесоюзного двухнедельника помощи китайскому рабочему движению. «Этот план, – указывал Г.В. Чичерин И.В. Сталину и другим советским руководителям в письме от 18 июня 1928 г., – внушает мне серьезные опасения. Он означает, – разъяснял нарком, – что по всем градам и весям Советского Союза будут наперерыв ругательски ругать Японию, вытаскивать чучела премьера Танаки⁴, Микадо⁵ и т.п. и выставлять антияпонские надписи. При нашем нынешнем международном положении, и в частности при нынешнем положении на Дальнем Востоке, это может иметь чрезвычайно неприятные результаты. Но речь будет идти не только об Японии. Среди держав имеются Франция и Италия. Будут выступать с чучелами Пуанкаре⁶, Муссолини⁷, Бриана⁸ и т.д. и со всякими надписями соответствующего содержания. Если бы дело

шло об одной демонстрации профсоюзов, можно было бы отпарировать протесты. Но когда все это будет происходить одновременно в течение 2-х недель по всем градам и весям Советского Союза, никакие попытки отпарировать протесты не будут реальны. Наконец, для наших отношений по государственной линии в самом Китае это будет громадным осложнением. Я поэтому сильно сомневаюсь в том, чтобы было целесообразно устраивать такую грандиозную демонстрацию против держав и против всех буржуазных элементов в Китае»⁹. Предостережения Г.В. Чичерина возымели свое действие и стали одной из причин, по которой Политбюро приняло решение отклонить предложение об устройстве китайского двухнедельника¹⁰.

Сложности в выстраивании взаимоотношений в Азии с империалистическими державами накладывались на трудности, с которыми НКВД столкнулся в процессе налаживания отношений с самими странами Востока. Притязания Турции на большую часть Кавказа, Персии – на Азербайджан и часть Средней Азии, поддержка Афганистаном басмаческого движения – вот далеко не полный перечень тех проблем, которые уже в 1920–1921 гг. пришлось решать советскому руководству в своих отношениях с азиатскими соседями. Однако, пожалуй, самым важным фактором, усиливавшим взаимное недоверие, стало плохо скрываемое стремление большевиков «советизировать» восточные страны. Наиболее близко к этой цели советское руководство подошло в Персии уже в начале 1920-х гг., на территории которой в июне 1920 – сентябре 1921 гг. при его непосредственном участии была создана Гилянская республика, со временем получившая наименование Персидской Советской Социалистической. Правда, уже в сентябре 1920 г., разуверившись в успехе, большевики начали вывод Красной армии из Гиляна, а 26 февраля 1921 г. был заключен советско-персидский договор, устанавливавший дипломатические отношения и разрешавший все основные спорные моменты между двумя странами. Тем не менее, по информации, пришедшей в Москву от советского полпреда в Иране Ф.А. Ротштейна¹¹, в нарушение советско-персидского договора и общей линии НКВД в отношениях с Персией закавказские коммунисты во главе с С. Орджоникидзе¹² продолжали оказывать поддержку Гилянской республике.

В связи с этим 16 июля 1921 г. В.И. Ленин поручил Чичерину внести в Политбюро ЦК РКП(б) проект постановления о запрещении партийным и советским органам Кавказа нарушать русско-персидский договор и директивы ЦК и НКВД о персидской политике. В тот же день Г.В. Чичерин отправил В.И. Ленину письмо с проектом данного постановления, в котором, однако, рассматривал конфликт между С. Орджоникидзе и Ф.А. Ротштейном как очевидное недоразумение. «Принципиально в Баку нашу персидскую политику не

отвергают, – считал нарком. – Но есть опасность, [что] будут нарушать. Тов. Орджоникидзе дисциплинирован, если есть постановление ЦК. Мне кажется поэтому в высшей степени желательным, чтобы Политбюро предписало тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и советским учреждениям на Кавказе строго следить, чтобы русско-персидский договор и директивы ЦК и НКВД о персидской политике ни в коем случае не нарушались никакими советскими учреждениями и должностными лицами и партийными организациями»¹³.

Однако всего через несколько дней, 21 июля 1921 г., в своем новом письме¹⁴, Г.В. Чичерин пересматривает свою оценку и предлагает дополнительные меры: «Только что из Политупра мне переслали телеграмму из Ташкента о том, что туда прибыл из Баку представитель особой персидской бригады для набора персов коммунистов для пополнения бригады со специальным назначением. Это несомненно указывает на то, что бакинские товарищи действуют прямо-таки наперекор решениям Центрального комитета и всей нашей политике. В то время как мы заключили с Персией договор и соблюдаем с ней дружественные отношения, вербуются персидские коммунисты для какой-то авантюры. Убедительно прошу Центральный комитет сделать распоряжение о том, чтобы этим авантюрам был положен конец. К моему прежнему предложению я прибавляю поэтому еще другое. Предлагаю дополнительно, чтобы Центральный комитет предписал тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и советским учреждениям не допускать вербовок для вооруженных вторжений в Персию или военных действий на персидской территории...»¹⁵.

25 июля 1921 г. по итогам голосования членов Политбюро ЦК РКП(б) опросом по телефону проект постановления, составленный и внесенный на рассмотрение Г.В. Чичериным, был принят¹⁶.

Едва Г.В. Чичерин успел 13 августа 1921 г. в ответ на запрос В.И. Ленина подтвердить полное урегулирование конфликта с бакинцами и прекращение ими всякой помощи Гилянскому¹⁷, как в тот же день разгорелся новый конфликт. На этот раз обвинения были адресованы самим работникам НКВД и лично наркому. Авторы письма, направленного в Политбюро ЦК РКП(б), руководители Коминтерна Г.Е. Зиновьев¹⁸ и К.Б. Радек¹⁹ заявляли, что «в Наркоминделе за последнее время устанавливается такое отношение к Коминтерну, которое лишает» их «возможности отвечать за работу». В качестве одного из примеров, характеризующих взаимоотношения двух ведомств, они указывали: «Т. Чичерин посылает две депеши т. Цукерману²⁰ (в партии с 1918 г.), в которой (не сообщая нам и не спрашивая нас) в самых хлестких выражениях поручает ему следить за мнимыми авантюрами Турк[естанского] бюро Коминтерна (Сафаров²¹, Рудзутак²²). Результатом будет чудовищная склока». В заключение письма

Зиновьев и Радек просили ЦК «дать дельные указания Наркоминделу». В противном случае они слагали с себя ответственность за работу Коминтерна²³.

На следующий день Г.В. Чичерин направил в Политбюро развернутый ответ на эту критику. В довольно жесткой форме нарком указывал, в частности, что его «поручение т. Цукерману следить и сообщать центру о затеях Турк[естанского] бюро Коминтерна, являющихся вторжением в иностранную политику и опасных для международного положения республики», объясняется тем, что «если из ответственных источников» ему «сообщают о поддержке молодыми секретарями из Турк[естанского] бюро Коминтерна бандитов в Персии, прикидывающихся революционерами, об их действиях, могущих повести к немедленному союзу Афганистана с Англией против нас и т.д., то» его «священная обязанность – принять меры, и прежде всего потребовать свиданий и материалов, т.е. чтобы т. Цукерман следил и сообщал». «Склоки не будет, – успокаивал Чичерин, – уже потому, что туда поехал т. Иоффе²⁴ для разбора всех склок», но «из-за боязни склоки, – добавлял Георгий Васильевич, – нельзя жертвовать безопасностью республики, цитадели мировой революции...». «Не понимаю, – возмущался он, – почему ради Коминтерна требуется рассорить нас с Афганистаном, Персией и Китаем... Все повсеместно смешивают РСФСР и Коминтерн, и несвоевременный шаг его может создать нам катастрофу. Военных сил у нас мало. Нападение на нас Афганистана может повести к катастрофе в Туркестане. Этим нельзя играть. Считать позорною бдительность ввиду этих опасностей – это действительно позорно». Подводя итог сложившимся взаимоотношениям между двумя ведомствами, Г.В. Чичерин заключал: «Приписанная НКВД линия не существует, и зло заключается в недостатке контакта у НКВД с Коминтерном».²⁵

Согласившись с доводами наркома, В.И. Ленин направил В.М. Молотову следующее свое решение: «По-моему, поручить Зиновьеву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент “закрытым”. 17.VIII. Ленин»²⁶.

Не меньшую опасность взаимоотношениям Советского государства с другими странами (в том числе странами Востока), по мнению Г.В. Чичерина, представляла собственная пресса. «Один из важнейших вопросов, писал Георгий Васильевич в своем «Завещании»²⁷, – контроль НКВД над прессой. Никакая внешняя политика не может вестись, когда под влиянием каких-то неизвестных закулисных нажимов газеты предаются всяким безобразиям. До 1928 года все, что в “Известиях” и “Правде” имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял. Несколько раз я прямо спас положение, в особенности, когда какой-нибудь

идиот из братской компартии проталкивал чудовищную нелепость. ... Труднее было с другими, в “Веч[ерней] Москве” были нелепые сенсации, “Комс[омольская] правда” печатала иногда дикий вздор (особенно) против Кемаля²⁸). Теперь, – указывал уходящий со своего поста нарком, – связь с прессой у НКВД совсем развинтилась. Вам, – обращался он к В.В. Куйбышеву, – придется ее снова наладить. Нельзя вести политику при нынешних безобразиях прессы. ... Есть еще журнальчики, “Большевик”, “Спутник аг[итатора]” и т.д. В особенности Султан-Задэ²⁹, Китайгородский и т.п. напрягают в журнальчиках силы, чтобы испортить наши отношения с Турцией и Персией. Очень им этого хочется»³⁰.

Имел в области своей восточной политики Г.В. Чичерин критиков «слева» и в собственном наркомате. Одним из них стал в середине 1920-х гг. полпред в Персии К.К. Юренев³¹. Через него, как указывал Г.В. Чичерин, «бывший тогда в Тегеране нелепейший троцкист Вардин³² чуть не с каждой диппочтой из Тегерана посылал в Москву 18–20 писем членам Политбюро и другим влиятельным товарищам с самыми бешеными, хулиганскими нападками на меня и на нашу политику (“единый контрреволюционный фронт от Чичерина до Резы-Шаха”³³, “персидские крестьяне заслуживают помощи Красной армии”) – через нашу диппочту!». По словам Г.В. Чичерина, лишь после того как, побывав в Москве, Юренев убедился, «что Троцкий не имеет шансов на победу, он пошел на мировую со мной...»³⁴.

«Нечего сетовать, если Реза оказался не Робеспьером, но Бонапартом, – разъярял Георгий Васильевич К.К. Юреневу в письме от 6 января 1926 г., – Я никогда не видел в нем Робеспьера, и его превращение в Бонапарта меня нисколько не удивляет и не смущает. Лучше Бонапарт, чем Бурбон... Не смотрите на него вблизи, это плохая система и ведет к ложным результатам. Отступите подальше и окиньте взором и прошлое, и настоящее, и исторически необходимое будущее... Надо уметь подойти к нему не только исторически, но и психологически»³⁵. Как указывал Г.В. Чичерин еще в июле 1921 г. оному из первых советских полпредов в Тегеране Ф.А. Ротштейну: «Надо смотреть на реальности, а не рассуждать плохо сделанными обобщениями... Национальное освобождение от гнета империализма... – вот нынешняя задача Персии»³⁶.

Сходное наставление в июне 1921 г. получил и новый полпред РСФСР в Афганистане Ф.Ф. Раскольников³⁷. «Вам поручается обратить особенно серьезное внимание, – поучал нарком молодого дипломата, – на реформистскую программу эмира³⁸. В нынешней стадии развития Афганистана просвещенный абсолютизм типа нашего XVIII столетия является для него серьезным прогрессивным явлением... Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, не представляющей

для него никаких предпосылок. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самостоятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»³⁹.

Таким образом, отсутствие коммунистических воззрений у таких азиатских монархов, как Аманулла-Хан и Реза-Шах, по мнению Г.В. Чичерина, было не только естественным, но, более того, исторически необходимым явлением и не могло препятствовать становлению единого антиимпериалистического фронта большевиков с руководителями национально-освободительного движения в странах Востока.

Что же касается возникших в Азии коммунистических организаций, то в полной мере отношение к ним Г.В. Чичерина проявляется в его ответе В.М. Молотову 9 июня 1921 г. на запрос о постановлении ЦК корейской компартии, поступившем на рассмотрение в Политбюро ЦК РКП(б). С нескрываемым раздражением и удивлением он отмечал, что требования руководства корейской компартии, «чтобы Центральные Советские учреждения воздерживались без рекомендации Центрального Комитета Корейской Коммунистической Партии от каких бы то ни было сношений с представителями других Корейских политических и партийных организаций, есть нечто совершенно неслыханное и прямо таки чудовищное. Даже в передовых странах с сильным и развитым коммунистическим движением никогда коммунистические партии не доходили до того, чтобы требовать от нас для себя такой монополии на сношения и запрета сноситься с какими-либо организациями без их рекомендации». «Стеснять свободу Советского правительства в сношениях с какими ему угодно лицами и организациями, хотя бы Кореи, – указывал нарком, – конечно, совершенно не допустимо. Тем более в отсталой стране, в которой коммунизм может существовать лишь в виде крайне слабого, тепличного ростка, ставить все наши сношения под контроль этой едва родившейся неопытной коммунистической партии – просто чудовищно». «Многочисленными резолюциями съездов и конгрессов, – напоминал Г.В. Чичерин, – установлено, что на Востоке мы ставим себе задачей содействие национально-освободительным движениям; тем более, в таких совершенно отсталых странах, как Корея, где для коммунизма нет почвы, мы, оказывая, конечно, всяческое содействие только что родившейся коммунистической партии, не можем не сознавать, что это фактор весьма слабый и не можем не считаться

со всеми другими факторами, соответственно их реальному значению». «Можно, конечно, – подводил итог Георгий Васильевич, – спрашивать у Корейской коммунистической партии ее заключения, но оно должно быть для нас совершенно необязательно»⁴⁰. Получив полную поддержку В.И. Ленина в этом вопросе, Г.В. Чичерин добился отклонения членами Политбюро поступившего от корейских коммунистов предложения.

Однако далеко не всегда в своей восточной политике Г.В. Чичерин одерживал победы над ультралевыми настроениями в советском руководстве. Более того, после смерти В.И. Ленина и утверждения во главе партии И.В. Сталина Георгий Васильевич вместо активного противоборства революционным перегибам в странах Востока стал все чаще «уходить в болезнь». Так было, например, с навязанным генсеком НКВД и Коминтерну курсом на «советизацию» Китая и разрыв с лидером Гоминьдана Чаном Кайши⁴¹. В одном из писем своему другу и единомышленнику В.Л. Коппу⁴² (на тот момент полпреду в Японии) заклятый враг Чичерина и его заместитель в наркомате М.М. Литвинов⁴³ сообщал: «... после своего избрания (в 1925 г. – Д.Р.) в Центральный Комитет коммунистической партии Чичерин сделался еще трусливее на заседаниях Политбюро и не смеет буквально пикнуть, боясь, что на следующем партийном съезде его не выберут в ЦК. Трусость Чичерина дошла до того, что, боясь последствий карахановско⁴⁴-бородинской⁴⁵ деятельности в Китае, но не смея в то же время возражать Политбюро, он притворился больным и свыше месяца отлеживается на диване своего кабинета, принимая в таком виде иностранных дипломатов. Китайская же политика перешла целиком к специальной комиссии Политбюро под председательством Уншлихта⁴⁶», которого Литвинов назвал в своем письме «тупоумным фармацевтом»⁴⁷. Лишь после провала сталинской политики в Китае в апреле 1927 г., уже находясь на лечении в Германии, в письме И.В. Сталину от 20 июня 1929 г. Г.В. Чичерин дает, наконец, оценку итогам советской политики в Китае: «Ложная информация из Китая повела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики 1923–1926 гг.), вследствие которых так называемый “советский период китайской революции” уже два года заключается в ее полной подавленности»⁴⁸.

Главным средством вовлечения народов Востока в общемировую революционный процесс Г.В. Чичерин считал не коммунистическую пропаганду, а экономическое сотрудничество и экономическую помощь азиатским странам. В письме временному поверенному в делах СССР в Турции М.И. Розенбергу⁴⁹ от 24 мая 1923 г. он указывал на существование одного неоспоримого преимущества Советского Союза во взаимоотношениях с государствами Востока перед западными державами: «нас не пугает, что английские дипло-

маты “могут шептаться и даже немного больше” с деятелями Турции. Определяющим все же является то, что имеется неизлечимая склонность господ из Сити получать в колониальных странах одну маленькую вещь, называемую сверхприбылью, и имеется столь же неизлечимая склонность тех, с которых она должна быть содрана, ее не платить»⁵⁰.

Однако очень скоро Г.В. Чичерин убедился в том, что практически никаких преимуществ в этом плане СССР на Востоке себе не создал. Одним из первых на пути наркоминдела встал родственник его ведомству Наркомат внешней торговли. Характеризуя в своем «Завещании» прежние и настоящие взаимоотношения НКВД с НКВТ, Г.В. Чичерин указывал: «НКТорг является нашим внутренним врагом в Азии. Персия прикрывает Баку, Турция – вообще Кавказ; их можно было бы целиком политически купить послаблениями в торговле. Нет! Наши торгаши обдирают что есть мочи турецкий и персидский народы. Шумяцкий⁵¹ сделал всю Персию нашими врагами своим беспардонным хозяйничаньем, грабежом персов совместно с суперспекулянтами Бушери и Гайга. Все это возглавлялось Фрумкиным⁵². Когда в Персии черводарам (погонщикам верблюдов) в месте отправления выдавался недовешенный или мокрый сахар, а в месте прибытия с них за это брали штраф, вообще всячески надували и обирали (это все установлено ревизионной комиссией), и они отказались на нас работать, торгпред т. Голдберг⁵³ доносил: “Вследствие интриг Англии черводары отказываются на нас работать”. Созданные Шумяцким “смешанные” (мнимо смешанные!) общества, насквозь пропитанные торгашеством и империалистическим отношением к персам, были главным орудием наших попыток экономического закабаления Персии и сослужили громадную службу Англии». «Т. Микоян⁵⁴ внес сначала свежее, живое отношение к делу, но потом, – с сожалением отмечал Г.В. Чичерин, – он ушел с головой в высшую политику и снова усилились низшие и средние работники НКТорга, пропитанные узкоторгашескими традициями»⁵⁵.

Уже весной 1923 г. был нанесен первый удар по надеждам Г.В. Чичерина на установление особых экономических взаимоотношений Советского государства со странами Востока. 4 июня 1923 г. заместитель наркома внешней торговли М.И. Фрумкин в ответ на очередной запрос заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана заявил, что «ввиду определенного бойкота ангорским правительством органов НКВТ, а за последнее время определенного запрещения разгружать русские товары в турецких портах, НКВТ не видит необходимости посылать вместо тов. Ордынского другого представителя НКВТ»⁵⁶. Никаких мер к налаживанию советско-турецких отношений М.И. Фрумкин и стоявший за его спиной нарком внешней торговли Л.Б. Красин⁵⁷ предпринимать не собирались, возложив всю

ответственность за случившееся на турецкое правительство⁵⁸.

Ситуация грозила повториться в соседней Персии, в связи с чем 10 декабря 1923 г. Г.В. Чичерин пишет Л.Б. Красину эмоциональное письмо: «...форма организации продажи нефти в Персии есть один из самых больных вопросов наших отношений к Персии. Почему бы нефтесиндикату при сохранении своей монополии не продавать нефть персидским купцам? Отстранение последних от продажи нефти вызывает во всей Персии сильнейшее негодование. Этот слой, носитель прогрессивных идей и национализма, стремящийся ориентироваться на нас, превращается в наших врагов. Между тем персидские купцы представляют собой несравненно более дешевый и приспособленный аппарат распространения нефти, чем наши неуклюжие бюрократические официальные представительства. Персидский купец то же самое сделает дешево и великолепно, зная персидский рынок, донесет нефть до массового потребителя, в то время как нефтесиндикат ведет «беззастенчивую грабительскую политику. Он продает в Персии нефть гораздо дороже, чем внутри СССР, ибо с Персией ему нечего бояться. А к этой грабительской политике цен прибавляется вздорожание от неуклюжего дорогого официального аппарата. Все это повело к тому, что наша нефть в Персии стала недоступна для масс. ... Это одна из причин возрастающего ожесточения против Внешторга. Так же, как в Турции политика тов. Ордынского повела к краху, то же самое происходит и готовится теперь в Персии. До меня доходят самые тревожные сведения о том, что если так будет продолжаться, персы разорвут с нашим Внешторгом. Мы идем к катастрофе»⁵⁹.

Понимания у Л.Б. Красина Г.В. Чичерин не нашел. В ответном письме наркомвнешторг иронизировал: «Я абсолютно не могу согласиться с оценкой положения наших отношений с Персией, которую дает Ваше письмо от 10-го декабря этого года. ... Приписывать “надвигающуюся катастрофу” в наших взаимоотношениях с Персией тому обстоятельству, что у нас нефтяная торговля ведется нефтесиндикатом, это, по моему мнению, преувеличение, дальше которого трудно идти». Далее в письме шел традиционный для Л.Б. Красина пассаж о неизбежности государственной монополии на внешнюю торговлю, который заканчивался выводом о том, что в условиях, когда даже Западная Европа «скрепя сердце» смирилась с ней, «совершенно непонятной и абсолютно ненужной была бы капитуляция перед теми несколькими персидскими фирмами или купцами, которым не нравится наша система нефтяной торговли». «Вероятно, – допускал Л.Б. Красин, – Нефтесиндикат как и большинство наших синдикатов слишком перегибает палку в сторону повышения цен... Тем не менее самая система торговли нефтью не может вызывать никаких нареканий». Подытоживал свое письмо наркомвнеш-

торг тем, что глава дипломатической и торговой миссий в Персии Б.З. Шумяцкий целиком на его стороне⁶⁰. Это, впрочем, не помешало последнему уже в феврале 1924 г. объявить Л.Б. Красину об угрожающем положении советской торговли в Персии, которое невозможно будет исправить, если Нефтесиндикат «в ближайшее же время не пойдет на здоровое снижение отпускных цен на нефтепродукты, с одной стороны, и одновременно не прекратит широкой продажи керосина в Баку, что усиливало контрабандный вывоз»⁶¹.

Скептически отнеслись в НКВТ и к другой попытке Г.В. Чичерина укрепить взаимоотношения Советского государства с персидским купечеством, на этот раз путем включения персидских купцов в круг акционеров советско-германского смешанного общества Рустранзит. В отличие от главы НКИД в Наркомвнешторге не обнаруживали никакого доверия к восточным соседям. В письме от 9 декабря 1924 г. М.И. Фрумкин давал следующий ответ Г.В. Чичерину: «К сожалению, я и в настоящее время должен высказаться против включения перскупцов в круг акционеров Рустранзита. По договору немцы имеют 50% акций. Едва ли немцы пойдут на значительную уступку своих акций Персии. Нам придется часть наших акций тоже передать Персии, таким образом, мы большинства в Рустранзите иметь не будем. Можно заранее предвидеть, что немцы постараются сговориться с персами и пойдут с ними в Рустранзите единым фронтом против нас»⁶².

Не менее острые споры с представителями НКВТ возникали у Г.В. Чичерина и в отношениях с Афганистаном. 10 июня 1924 г. наркоминдел писал Л.Б. Красину: «Я получил доклад Долгополова и я самым решительным образом предостерегаю против того, чтобы верить ему хотя бы на одну йоту. ... У него типичная для старого царского чиновника антипатия к восточным реформаторам. Когда страдающие от налогов афганские мужики рассказывают ему о тяготах нового режима, Долгополов из этого делает самые неблагоприятные выводы для эмира, абсолютно не понимая, что никакая реформаторская деятельность на востоке невозможна без этих отрицательных явлений. Что касается отношения эмира к Англии, Долгополову совершенно непонятен тот факт, что в конечном счете, если брать историческую перспективу в целом, реформаторская политика в Афганистане не может ужиться с керзоновской политикой в Англии. Особенно поразительно его непонимание действительности там, где он выводит ненужность для нас торговли с Афганистаном из того факта, что Афганистан как раз теперь переходит от XII столетия к капитализму. Да ведь именно поэтому-то мы и должны теперь энергичнейшим образом развивать наши экономические связи с Афганистаном и уж во всяком случае мы не должны предоставить Англии овладеть процессом превращения Афганистана в промышленное государство.

Все предлагаемые Долгополовым мероприятия – самый вредный вздор – прямое безумие. Как раз теперь, в критический момент, гнать вон из СССР всех афганских купцов – это не имеет имени. Между тем, именно теперь афганское правительство и афганский посол в Москве особенно энергично настаивают на ускорении торговых переговоров. Этим может заняться Старк⁶³, но крайне желательно присутствие представителя НКВТ. Конечно, Долгополов для этого абсолютно не годится. Ничего, кроме вреда, он принести не может, это достаточно ясно по докладу»⁶⁴.

Не менее острые столкновения в ходе реализации восточной политики Г.В. Чичерин имел и с другим наркоматом – Наркомфином. В условиях подготовки финансовой реформы нарком финансов Г.Я. Сокольников⁶⁵ предложил задержать выплату Турции оставшейся суммы в размере 3,5 млн рублей по советско-турецкому соглашению о предоставлении Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн рублей. В письме В.М. Молотову Г.В. Чичерин негодовал: «Сокольников предложил нечто ужасающее, чему нет имени, – нарушить торжественное обязательство Московского договора, не уплатить в договорный срок (16 марта) требуемую сумму». Это значит, продолжал нарком, «грубо обмануть верящих нам турецких крестьян и ремесленников, опозорить себя перед всеми народами Востока, чтобы ни в чем больше нам не верили, чтобы презирали нас как обманщиков, – и меня лично, подписавшего договор, пригвоздить к позорному столбу перед народами Востока, политически убить. Не могу допустить, чтобы у кого-нибудь поднялась рука поддержать такое предложение, политическое самоубийство». Вновь В.И. Ленин оказался на стороне наркоминдела. «Я считаю, – писал он в Политбюро, – что Чичерин *абсолютно прав*, и предлагаю *Политбюро* решить: подтверждается точка зрения Чичерина. Выплатить в срок обещанное безусловно»⁶⁶.

С непониманием стоявших перед советской властью восточных задач Г.В. Чичерин постоянно сталкивался и в собственном наркомате. Главным оппонентом наркоминдела здесь был его собственный заместитель М.М. Литвинов, «источник всего зла», как окрестил его Г.В. Чичерин в одном из писем главе советского правительства А.И. Рыкову⁶⁷. Признавая его «отличным купцом и отличным техником ведения переговоров», в то же время нарком считал М.М. Литвинова «плохим политиком», сводившим все многообразие внешнеполитических задач к «узкомеркантильным моментам»⁶⁸.

Не удивительно поэтому, что поддержку в борьбе с М.М. Литвиновым в области революционной работы на Востоке Г.В. Чичерин часто искал у своих традиционных оппонентов по ряду других вопросов – руководителей Коминтерна.

В письме члену ИККИ К.Б. Радеку от 22 октября 1922 г. нарком указывал: «Он (Литвинов.

– Д.Р.) востокофоб и всячески мешает нашей восточной политике, и в большом и в малом – в данный момент на вопросе, в котором ему легче получить поддержку Владимира Ильича, о сокращении штатов Отдела Востока и упразднении ряда восточных консульств». «Между тем, – разъярял Г.В. Чичерин, – политика, например в Персии, ведется не в одном Тегеране, а также в Тавризе, Курдистане, Хорасане, у бахтиар и т.д. Внестоящие этого не понимают»⁶⁹. Сокращение штатов НКВД на Востоке вообще, по свидетельству Г.В. Чичерина, было излюбленной темой для М.М. Литвинова. Так, в письме В.В. Куйбышеву нарком указывал, что Литвинов постоянно добивался упразднения Среднеазиатского подотдела НКВД, отвечавшего за работу в Афганистане, Синьцзяне и среди «многочисленных среднеазиатских национальностей»⁷⁰.

Особую обеспокоенность за судьбу восточной политики Георгий Васильевич испытывал, когда был вынужден временно отходить от дел и отправляться на лечение. Оставить М.М. Литвинова и его сторонников в наркомате без присмотра означало для него поставить под удар все начинания и успехи, достигнутые НКВД во взаимоотношениях со странами Востока. Вновь в такие моменты Г.В. Чичерину требовалась поддержка влиятельных лиц в партийном руководстве. Так, 2 сентября 1925 г. в письме Г.Е. Зиновьеву он сообщал, что «должен на два месяца поехать лечиться», и что «нет абсолютно никого, кроме тов. Карахана, кто бы мог вести восточные дела». Последнее утверждение нарком подкреплял нелестной характеристикой другим членам Коллегии НКВД, прежде всего М.М. Литвинову, от которого, по его мнению, исходила главная угроза: «Ротштейн слаб. Когда я ездил в Тифлис, Ротштейн вместе с Литвиновым и Коппом выступал против нашей восточной политики, особенно китайской; пока я здесь, он не вмешивается; но без меня он будет иметь возможность всячески вредить, а Ротштейн и Аралов⁷¹ слабы и безличны, не помешают ему. Есть тысячи текущих мелочей, в которых можно вредить. А Карахан не даст (при Вашем содействии)». Письмо Г.В. Чичерина заканчивалось следующими словами: «Итак, я надеюсь на Вас, что Вы сможете устранить все препятствия передаче в моем отсутствии Карахану руководства востоком»⁷².

Отстаивать интересы восточных народов в целях укрепления союза большевиков с антиимпериалистическими силами в Азии Г.В. Чичерину приходилось и в высшем партийном руководстве. Один из таких эпизодов борьбы наркома за утверждение в верхах своего подхода к восточной политике в начале 1920-х гг. был связан с Афганистаном. Субсидии, которые эта страна начала получать от Советской России в период англо-афганской войны в мае–июне 1919 г. были прерваны в связи с поддержкой афганским правительством басмаческого движения в Средней

Азии. Разгром большевиками повстанческих сил и присоединение Бухарского эмирата в октябре 1920 г. сняли эти противоречия. В связи с этим Г.В. Чичерин в высшем руководстве был поставлен вопрос о возобновлении субсидий Афганистану. «Против этого, – вспоминал Георгий Васильевич, – была сильная оппозиция, стоившая мне большой борьбы, но я ее выиграл. Это была одна из моих больших побед. Субсидия была возобновлена с уплатой задним числом, хотя и не очень пунктуально, частично – золотом, затем все больше товарами и оружием... Вопрос об этом поднимался несколько раз, меня поддерживал Фрунзе⁷³ и выплаты шли своим чередом»⁷⁴.

Разочарование многих членов большевистского руководства в западноевропейском революционном движении после поражения германской революции осенью 1923 г., вопреки надеждам Г.В. Чичерина, не привело к существенному пересмотру ими своего скептического отношения к национально-освободительным силам на Востоке. Более того, утверждение в ходе борьбы с левой оппозицией тезиса «о возможности построения социализма в отдельно взятой стране» способствовало ослаблению внимания партийных верхов к внешнему миру и большей концентрации на внутренних проблемах страны. Все чаще восточная политика наркома получала со стороны членов Политбюро негативную оценку. К моменту своего окончательного отхода от дел осенью 1928 г. возможностей для ее проведения у Г.В. Чичерина почти не оставалось.

9 августа 1928 г. в письме В.М. Молотову из Кремлевской больницы Георгий Васильевич указывал: «Тов. Ворошилов говорил в заседании Политбюро, что я больше защищаю интересы других правительств... Тов. Калинин при всяком удобном случае выдвигал плохое соблюдение Наркоминделом интересов СССР»⁷⁵. Единственный выход, заключал Чичерин – назначить другого наркома⁷⁶.

В очередной раз к этому вопросу Г.В. Чичерин возвращается в октябре 1928 г., находясь на лечении в Германии. В письме И.В. Сталину он указывал: «...со съездом Советов⁷⁷ связано назначение наркомов: это был бы удобный момент, чтобы меня не назначить». «В первый раз, – разъярял свою позицию Г.В. Чичерин, – явилось принципиальное расхождение, делающее мою работу невозможной. Мне трудящийся Персии и т.д. одинаково дорог как русский трудящийся. А тов. Рыков выдвинул принцип взимания выгод с персов ради улучшения положения Иваново-Вознесенска, то есть жертвования интересами персидских трудящихся ради интересов русских трудящихся. Я не могу быть работником правительства, эксплуатирующего угнетенные народы. Нормально было бы для меня уйти после принятия резолюции тов. Рыкова, но теперь будет назначение наркомов, удобный способ ухода (плюс заболевание). Вообще теперь пошла линия жесткого зажима восточных народов и ликви-

дации нашей восточной политики, встретившая одобрение Политбюро. Это крах нашей мировой политики, я должен уйти сейчас. Заполонившая НКВТ толпа пигмеев – слепых бюрократов задает тон, остается уйти. Я не могу сам хоронить нашу восточную политику»⁷⁸.

Потрясением для Г.В. Чичерина стало свержение в 1929 г. афганского эмира-реформатора Амануллы-Хана реакционной пробританской (как считал наркоминдел) оппозицией. В письме И.В. Сталину от 20 июня 1929 г. Георгий Васильевич обвинял партийное руководство: «Афганские посланники много лет настойчиво доказывали, что Аманулла не удержится без надежных частей, для которых нужны наши субсидии. А политбюро – глухая стена. Мало того, когда речь шла об одном только шоссе, т. Калинин заявил, что надо сначала провести шоссе в Московской губернии. Мировой стык между СССР и британской империей казался ему менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки историю!»⁷⁹

Оценивая накануне своей отставки общие итоги советской восточной политики за прошедшее десятилетие и не находя каких бы то ни было реальных достижений, нарком писал А.И. Рыкову: «В Китае мы расхлебываем результаты роковой линии 1927 г. В Афганистане мы упустили великолепный козырь десятью годами равнодушия и бездействия. В Турции и Персии гадят наши торгаши и наше равнодушие, а также нелепые выходы. ... Ах, не глядел бы ни на что! Развалины, развалины»⁸⁰.

Таким образом, советский внешнеполитический курс в странах Востока, направленный на укрепление союза со всеми местными национально-освободительными силами (по возможности без серьезных столкновений с западными державами), за который ратовал Г.В. Чичерин, и который еще в 1919 г. был принципиально одобрен партийными верхами, на практике в 1920-е гг. выдерживался весьма условно. Зачастую советское руководство либо склонно было проводить на Востоке коммунистические эксперименты, либо, забывая о революционных идеалах, придерживалось со странами Азии сугубо прагматических, коммерческих отношений. Однако, рассматривая взгляды Г.В. Чичерина на восточную политику с сегодняшних позиций, можно с большой долей уверенности утверждать, что те конечные цели, которые ставил нарком, были не осуществимы. Советская внешняя политика в странах третьего мира, проводившаяся с середины 1950-х гг. в русле его восточной концепции, не только не привела к краху мировой капиталистической системы, но и стала для отечественной экономики тяжким бременем, которое с появлением по всему миру все новых «друзей» СССР только увеличивалось и было сброшено лишь после крушения в стране коммунистического режима.

Примечания

- 1 Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Сб. документов. М., 1998. С. 286–287.
- 2 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 46. Л. 40а.
- 3 Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович) (1878–1952), бессменный генеральный секретарь Профинтерна (1921–1937).
- 4 Танака Гиити (1863–1929). С апреля 1927 до июля 1929 премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний. Предпринял две попытки (1927, 1928) военного вторжения в китайскую провинцию Шаньдун, которые закончились провалом.
- 5 Имеется в виду 124-й император Японии Хирохито (1901–1989), правивший в 1926–1989. Термин «Микадо» относится к императорскому дворцу или резиденции и нашел широкое распространение, поскольку у японцев не принято называть императора по имени.
- 6 Пуанкаре Раймон (1860–1834), французский государственный деятель. Неоднократно становился премьер-министром Франции. В 1913 – январе 1920 г. Президент Франции. Стремился использовать результаты Первой мировой войны 1914–1918 гг. для установления французской гегемонии в Европе. Осудил Версальский мирный договор 1919 г. как слишком мягкий. В 1920 г. председатель репарационной комиссии. Был одним из организаторов антисоветской интервенции. В 1926–1929 гг. премьер-министр и (до ноября 1928 г.) министр финансов Франции.
- 7 Муссолини Бенито (1883–1945), глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства в Италии в 1922–1943 гг.
- 8 Аристид Бриан (1862–1932), французский государственный деятель, дипломат. В 1909–1931 гг. 11 раз занимал пост премьера-министра и 17 раз – министра иностранных дел. После провала антисоветской интервенции – сторонник более гибкой политики по отношению к Советскому государству. В 1925–1931 гг. выступал за примирение с Германией. Являлся одним из инициаторов Локарнской конференции (1925), проекта создания «Пан-Европы». В 1927 г. Бриан подписал с госсекретарем США Ф. Келлогом Пакт Бриана-Келлога, торжественно ставящий вне закона войну во всем мире.
- 9 РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 8. Д. 96. Л. 19.
- 10 Там же. Л. 20.
- 11 Ротштейн Федор Аронович (1871–1953). В 1920–1923 гг. – полпред РСФСР в Иране. В 1923–1930 гг. ответственный редактор журнала «Международная жизнь», член коллегии НКВД СССР.
- 12 Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович). С апреля 1920 г. член Кавказского бюро, с февраля 1922 г. 1-й секретарь Закавказского, с сентября 1926 г. – Северо-Кавказского крайкома РКП(б).
- 13 В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 459.
- 14 Письмо адресовано В.М. Молотову и передано последним В.И. Ленину, спустя два дня – 23 июля 1921 г. По поводу

- содержания письма и факта его задержки В.М. Молотов получил следующую записку от В.И. Ленина: «Т. Молотов! Надо такие вещи быстро пускать. По телефону: за предложение Чичерина или нет? Я за предложение Чичерина» (В.И. Ленин. Известные документы. С. 458).
- 15 В.И. Ленин. Известные документы... С. 458.
- 16 В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев голосовали за чичеринский проект, В.М. Молотов воздержался (см.: В.И. Ленин. Известные документы. С. 459).
- 17 Там же. С. 467.
- 18 Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936). В 1917–1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, одновременно в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна.
- 19 Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939). В 1920–1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна.
- 20 В 1920-е гг. заведующий Среднеазиатским подотделом НКВД.
- 21 Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович (1891–1942). С декабря 1920 по октябрь 1921 г. председатель Туркбюро ЦК РКП(б), затем (до 1924) работал в исполкоме Коминтерна.
- 22 Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1937). С октября 1921 по 1922 г. председатель Туркбюро ЦК РКП(б).
- 23 Коммунистический Интернационал... С. 306.
- 24 Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927). В 1918 г. председатель, затем член советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске, полпред РСФСР в Германии (до ноября 1918 г.). В 1920 г. председатель советских делегаций на переговорах о мире с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей. В 1921 г. заместитель председателя Туркбюро ЦК РКП(б), затем на дипломатической работе в Китае и Австрии.
- 25 Коммунистический Интернационал... С. 307–309.
- 26 Там же. С. 306.
- 27 Так называемое «Завещание» Г.В. Чичерина представляет собой последний вариант записки, написанной им в начале июля 1930 г. новому наркому иностранных дел. Причина того, что данная записка не была отправлена и осталась в архиве Георгия Васильевича, в том, что новым наркомом стал М.М. Литвинов, с которым у Чичерина сложились стойкие неприязненные отношения. Писал же Георгий Васильевич эти записки для В.В. Куйбышева, которого считал своим преемником. На одной из записок так и было написано: «Заметки для Куйбышева, нового НКВД» и сверху – «Не послано вследствие назначения Литвинова. Июль 1930».
- 28 Ататюрк Кемаль Гази Мустафа (1881–1938), руководитель национально-освободительной революции в Турции в 1918–1923 гг., первый президент (1929–1938) Турецкой республики. Выступал за укрепление национальной независимости и суверенитета страны, за поддержание дружественных отношений с СССР.
- 29 Султан-Заде (Микаэлян) Аветис Султанович (1888–1838). В 1919 г. был направлен Коминтерном в Ташкент, где работал в Совете международной пропаганды на Востоке. Один из основателей компартии Ирана, член её ЦК. В 1920–1923 гг. член Исполкома Коминтерна от Персии.
- 30 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Известный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>
- 31 Юренев (Кротовский) Константин Константинович (1888–1938). На дипломатической работе с 1921 г. В 1925–1927 гг. полпред СССР в Персии.
- 32 Мгеладзе (Вардин) Илларион Виссарионович (1890–1941). В 1920-е гг. редактор еженедельника Агитпропа ЦК ВКП(б) «Красная печать», секретарь РАПП, редактор журнала «На литературном посту». В 1925 г. активный участник «левой оппозиции».
- 33 Реза-Шах Пехлеви (1878–1944), шах Ирана в 1925–1941, основатель династии Пехлеви.
- 34 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 35 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 094. Оп. 5. П. 102. Д. 5. Л. 34.
- 36 АВП РФ. Ф. 094. Оп. 5. П. 102. Д. 5. Л. 8–9.
- 37 Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939). На дипломатической работе с 1921 г. В 1921–1923 гг. полпред РСФСР в Афганистане. В 1924–1929 гг. под псевдонимом Петров – руководитель Восточного секретариата Коминтерна. Дипломат-невозвращенец (1938), автор знаменитого обличительного открытого письма И.В. Сталину.
- 38 Имеется в виду Аманулла-Хан (1892–1960), афганский король-реформатор в 1919–1929 гг., добившийся независимости от Великобритании, заключивший ряд договоров с Советской Россией, в т.ч. договор о признании 28 февраля 1921 г.
- 39 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6, П. 43. Д. 594. Л. 3–4.
- 40 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 659. Л.
- 41 Чан Кайши (1887–1975), военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена (1925).
- 42 Копп Виктор Леонтьевич (1880–1930). С 1919 г. на дипломатической работе. В 1923–1925 гг. уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР, член коллегии НКВД СССР. В 1925–1927 гг. полпред СССР в Японии.
- 43 Литвинов (Баллах) Максим Максимович (Макс) (1876–1951). На дипломатической работе с 1917. В 1921–1930 гг. заместитель наркома по иностранным делам (возглавлял Западный отдел НКВД). С 1930 г. нарком по иностранным делам СССР.
- 44 Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937). С 1918 г. член коллегии Наркоминдела, заместитель наркома по иностранным делам (возглавлял Восточный отдел НКВД), ближайший сподвижник Г.В. Чичерина. В 1923–1927 гг. полпред в Китае. Вопреки собственным убеждениям стал проводником сталинской политики в Китае, за что, по свидетельству бывшего советского дипломата Г.З. Беседовского, был назван М.М. Литвиновым «верным лакеем в прихожей Политбюро».
- 45 Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884–1951). В 1907–1918 гг. жил в Америке. В 1918 г. поступил на работу в НКВД и Коминтерн. В 1923–1927 гг. главный политический советник Сунь Ятсена и национального кантонского правительства Китая.
- 46 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). В феврале 1925 – июне 1930 гг. заместитель председателя РВС

- СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР.
- 47 См.: *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 192.
- 48 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. (Из рассекреченных архивов МИД РФ) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>
- 49 Розенберг Марсель Израилевич (1896–1939). На дипломатической работе с 1918 г. С 1920 г. секретарь наркома иностранных дел Чичерина. С 1921 г. 1-й секретарь советского полпредства в Афганистане и других странах.
- 50 Цит. по: *Соколов В.* Г.В. Чичерин и НКВД // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 51 Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938). На дипломатической работе с 1921 г. В 1922–1923 гг. советник полпредства РСФСР в Персии, в 1923–1925 гг. полпред и торгпред СССР в Персии.
- 52 Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938). В 1922–1929 гг. заместитель наркома внешней торговли РСФСР (СССР).
- 53 Голдберг Б.И. (1884–1946). В 1923–1924 гг. уполномоченный Реввоенсовета при Наркомвнешторге.
- 54 Микоян Анастас Иванович (1895–1978). В 1926–1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли СССР.
- 55 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 56 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 285.
- 57 Красин Леонид Борисович (1870–1926). На дипломатической работе с 1918 г. В 1923 г. стал первым в истории СССР наркомом внешней торговли. Одновременно был полпредом во Франции (с 1924) и Великобритании (с 1925).
- 58 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 300.
- 59 Там же. Л. 40.
- 60 Там же. Л. 41–42.
- 61 Там же. Д. 1776. Л. 61.
- 62 Там же. Д. 1830. Л. 83.
- 63 Старк Леонид Николаевич (1889–1937). На дипломатической работе с 1920 г. В 1924–1936 гг. полпред СССР в Афганистане.
- 64 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1776. Л. 144–145.
- 65 Сокольников (Бриллиант) Григорий (Гирш) Яковлевич (Янкелевич) (1888–1939). В 1922–1926 нарком финансов СССР.
- 66 См.: *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // *Международная жизнь.* 1991. № 2. С. 105.
- 67 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 7. Л. 66.
- 68 Там же. Л. 53.
- 69 Там же. Л. 2.
- 70 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 71 Аралов Семен Иванович (1880–1969). На дипломатической работе с 1920 г. В 1921–1923 гг. полпред РСФСР в Турции. В 1925–1927 гг. член коллегии НКВД СССР.
- 72 РГАСПИ. Ф. 234. Оп. 2. Д. 84. Л. 60–61.
- 73 Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925). В августе 1919 – сентябре 1920 гг. командующий Туркестанским фронтом.
- 74 Цит. по: *Печатнов В.* Переписка Г.В. Чичерина с Л. Фишером. (Из архива Йельского университета) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 75 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 102–103.
- 76 Там же. Л. 103.
- 77 Имеется в виду XIV съезд Советов, прошедший 10–18 мая 1929 г. в Москве.
- 78 Там же. Л. 108.
- 79 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...
- 80 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...

УДК [94:327] (430:47+57) «1918/1933»+929

Ф. ЭБЕРТ И П. ФОН ГИНДЕНБУРГ – ДВА ПРЕЗИДЕНТА, ДВЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

А.В. Лучников

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: aluchnikov@mail.ru

В статье исследуется как президенты Веймарской республики Фридрих Эберт и Пауль фон Гинденбург создавали внешнеполитические прогнозы и планы по отношению к Советской России в 1920-е гг., разнообразие их взглядов, а также фокусируется внимание на восприятии немцами СССР и советского руководства, стереотипы и образы, существующие относительно немецкой политики.

Ключевые слова: Веймарская республика, концептуальная модель, внешнеполитические рычаги управления, германо-советские дипломатические отношения, Лига Наций, рейхсканцлер.

F. Ebert and P. von Hindenburg – two Presidents, two Strategy of Foreign Policy

A.V. Luchnikov

The article examines how Presidents of Weimar Republic F. Ebert and P. von Hindenburg created forecasts and planes towards Soviet Russia in 1920s, diversity of their opinions also focuses on German perception of the soviet elite, stereotypes and images that affects German policy.

Key words: Weimar republic, conceptual model, foreign policy controls, german-soviet diplomatic relations, The League of Nations, reich chancellor.

История международных взаимоотношений, в частности, советско-германских контактов 1920-х гг., изобилует моментами, когда выбор возможного пути определялся не столько прагматическими мотивами, сколько внутренними убеждениями тех персоналий, которые такую политику проводили. С этой точки зрения крайне интересна ситуация в Веймарской республике, когда в силу особенностей веймарской конституции не только дипломаты, но и другие представители исполнительной власти могли влиять на внешнеполитический курс государства. Проблема же взаимоотношений с Советским государством волновала многих, в том числе и президентов республики. Президентские внешнеполитические концепции, шаги по их реализации оказали значительное влияние на советско-германские взаимоотношения, но, как ни странно, чрезвычайно редко становились предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых.

7 февраля 1919 г. Национальное собрание в Веймаре избрало Фридриха Эберта (Социал-демократическая партия Германии – далее СДПГ) 277 голосами против 101 президентом Германской республики, обещавшим во вступительной речи «представлять интересы всего народа, а не отдельной партии»¹. Тем не менее, очевидно, что Ф. Эберт очень многое в собственных воззрениях на внешнюю политику Веймарской республики перенял из внешнеполитической концепции СДПГ.

Социал-демократия развила в своей доктрине альтернативу традиционной имперской внешней политике – политике XIX в., догматически базировавшейся на натиске суверенного национального государства по всем направлениям. Ф. Эберт, ставший одним из лидеров социал-демократического движения еще в конце XIX в., был идеологом СДПГ в том числе и по вопросам внешней политики².

Общий вектор социал-демократической внешней концепции был ориентирован на Запад, что имело далеко идущие внутривнутриполитические последствия: после проигранной войны различные консервативные силы в республике были одинаково настроены как против Версаля и Запада, так и против любых прозападных политиков внутри страны, против социал-демократии и в конечном счете против республики.

Немецкая внешняя политика была для СДПГ, с одной стороны, важным фактором, который обуславливал рамочные условия для существования и развития республики в социал-демократическом смысле, а с другой – политическим полем, которое было открыто для влияния и преобразования посредством социал-демократии³. И президент в такой политике играл важную роль. Хотя он позиционировал себя как непартийного политика, тем не менее, являлся институциональным гарантом

для реализации тех внешнеполитических начинаний, которые основывались на сглаживании противоречий с державами-победительницами.

Помимо этого Ф. Эберт участвовал в назначении социал-демократов на дипломатическую службу, где они имели возможность вести политику в духе партийных установок. Яркий пример – социал-демократ Ульрих Раушер, посланник в Польше, возможность назначения которого послом в Москве после смерти У. Брокдорфа-Ранцау советская сторона категорически отклонила из-за его связи с социал-демократией и не в последнюю очередь с Ф. Эбертом, к тому времени тоже умершим, опасаясь, что У. Раушер мог воспринять идеи первого президента.

Безусловно, Ф. Эберт не просто использовал те возможности вмешательства во внешнюю политику, которые ему предоставляла Конституция, он сам создавал или находил эти возможности даже там, где они не закладывались намеренно ее творцами. При этом Ф. Эберт всегда прибегал к своему авторитету, статусу политического «отца наций», которым он действительно обладал.

Ф. Эберт участвовал в заседаниях кабинета министров, во многом определяя их характер, его мнение часто становилось решающим.

В. Ратенау в феврале 1920 г., с изрядной долей насмешки описав министерское заседание, уделил место и президенту: «Я так представляю себе обычное заседание кабинета: В красивом зале стоит длинный стол. Во главе сидит Эберт, умный, добрый; не как президент, скорее как внимательный человек и руководитель партии влияния»⁴.

В то же время Ф. Эберт гораздо меньше, чем второй президент Веймарской республики, вмешивался во внешнюю политику. Во многом это определялось и тем, что Эберт так и не смог создать самостоятельную сбалансированную полифакторную концепцию внешней политики, руководствуясь при вмешательстве во внешнюю политику обычно рядом императивов, как характерных для всей германской социал-демократии, так и, довольно редко, собственных.

Основным тезисом Ф. Эберта при планировании отношений с Советским государством было признание острой и непреходящей опасности большевизации Германии через разрушительную деятельность Компартии Германии (КПГ), стимулируемую из Москвы. Острое неприятие большевизма, страх перед деятельностью III Интернационала были у президента не меньшими, чем, например, у Э. Людендорфа или М. Хоффмана, но мотивировались несколько в ином ключе.

Ф. Эберт как лидер рабочей партии понимал, что и среди германского пролетариата у большевизма есть серьезные шансы укрепиться. Его страх перед мировой революцией был более предметным и осознанным. Как и большевики, Ф. Эберт видел, что нужно делать, чтобы спровоцировать революцию, поэтому стремился устранить эти факторы.

В декабре 1918 г. Ф. Эберт сформулировал это так: «Пусть немецкие рабочие посмотрят на Россию и убедятся! Высокоразвитая экономическая жизнь Германии не может долго быть управляемой с помощью автоматов и браунингов. Мы хотим создать прочное, здоровое изнутри производство, которое сделает возможным уверенное развитие экономики и сильную жизнь народа»⁵.

Необходимо отметить, что Ф. Эберт видел в отношениях с Советской Россией мало хорошего, и никакие предполагаемые дивиденды не могли для него компенсировать тот пропагандистский яд, который выпрыскивался в организм немецкой нации Коммунистическим Интернационалом, разрушая ее.

Весной 1921 г. в дебатах по поводу заключения договора с Советской Россией Ф. Эберт занимал категорически отрицательную позицию⁶. Договор был все-таки подписан 6 мая 1921 г., но мнение президента оказывало дестабилизирующее влияние на ведение переговоров, так как отождествлялось советской стороной с основным мнением германского руководства.

Большевики утверждали (в общем справедливо), что мнение А. фон Мальцана, Х. фон Секта и других сторонников активизации отношений с Советской Россией является каплей в море негативного восприятия таких контактов германской политической элитой.

Не препятствуя заключению Рапалльского договора (события складывались таким образом, что воспрепятствовать переговорам было невозможно, это означало лишь потерю авторитета), Ф. Эберт стремился придать ему формы обыкновенного политического соглашения, но никак не «общности судеб». Президент был категорически против секретного военно-технического сотрудничества, которое в основном проходило вовсе без его ведома и за его спиной⁷. В силу этого Ф. Эберт поддержал при назначении на пост посла кандидатуру У. фон Брокдорфа-Ранцау, известного категорическим неприятием контактов между рейхсвером и Рабочее-крестьянской Красной армией (РККА), а также своим настороженным отношением к Советской России и большевикам – тогда Ранцау ничем не напоминал того «красного графа», каким стал впоследствии. При этом отношения Ф. Эберта с идеологом военно-технической кооперации Х. фон Сектом были дружескими⁸.

Ф. Эберт вплоть до своей смерти не видел положительных моментов в германо-советском взаимодействии, негативно воздействуя на процесс взаимоотношений двух государств. Однако то, что президент в общем не так много, как его преемник, директивно влиял на внешнюю политику, представляя ее компетентным органам, в первую очередь МИД, позволило германо-советским связям расширяться и при Ф. Эберте.

Пауль фон Гинденбург, фельдмаршал и один из героев Первой мировой войны, являлся носителем славы немецкого оружия – предмета

ностальгии для очень многих, без примеси подозрений в измене, в участии в «ноябрьском ударе в спину» или «версальской комедии». При этом его номинация кандидатом от правых консервативных сил стала неожиданностью. Многие указывали на то, что находящийся в преклонном возрасте (77 лет) фельдмаршал имел недостаточный политический опыт⁹.

Историографическая дискуссия о том, что же сыграло главную роль при выдвижении кандидатуры Гинденбурга и его победе, еще не окончена. Для англоязычной историографии характерен акцент на монархические взгляды П. фон Гинденбурга, чья победа стала следствием ностальгии населения по «черно-бело-красной» эпохе¹⁰. Широкие аналогии проводятся между националистическими программами Гинденбурга и Гитлера, преимущественно рассматривается фельдмаршала¹¹. Немецкая историография большее внимание уделяет внешнеполитической составляющей, ревизионистским идеям Гинденбурга¹². В то же время это деление носит крайне условный характер. Все авторы усматривают скорее целый консервативный идейный комплекс, все модусы которого концептуально связаны.

Очевидно, что причиной победы в целом стала реакция на довольно неудачные попытки социал-демократических сил вывести страну из внутри- и внешнеполитической ямы. На выборах, где участвовало 77,6% от общего числа избирателей (30 339 997 голосов), П. фон Гинденбург с 14 655 766 (48,3%) голосами против 13 752 640 (45,3%) голосов от кандидата «Народного блока» В. Маркса (партия Центра) и 1 931 501 (6,4%) голосов коммуниста Э. Тельмана одержал победу¹³.

Уже 11 апреля 1925 г., сразу после выборов, в так называемом «Пасхальном послании» к немецкому народу П. фон Гинденбург, ни слова, впрочем, не говоря о внешней политике, распространялся о «достоинстве немцев», «возрождении отечества»¹⁴. Как и у многих других политиков Веймарской республики, в целеполагании президента всегда присутствовал примат внешней политики.

Новый президент прикладывал большие усилия для того, чтобы влиять на формирование внешнеполитических стратегий, используя для этого различные средства, в том числе и методы «неофициальной», закулисной, кулуарной политики. Харальд Цаун назвал стиль выработки дипломатической линии при Гинденбурге «внешней политикой через садовую калитку»¹⁵. Президентский дворец, расположенный по адресу: Вильгельмштрассе, 73, через сад сообщался с министерским комплексом и рейхсканцелярией на Вильгельмштрассе, 76. Гинденбург довольно часто приглашал нужных ему министров, дипломатов, военных из министерского комплекса в свой рабочий кабинет с черного хода, в обход официального протокола и без участия госсекретаря О. Майсснера, или же на прогулку по парку,

позиционируя данное обстоятельство как честь для приглашенного.

Значение этого факта не стоит переоценивать, но нельзя и оставлять без внимания.

Использовал П. фон Гинденбург и все предоставляемые ему Конституцией возможности, значительно расширив и наполнив их содержание по сравнению с Ф. Эбертом. Б. Зендлер вообще полагает, что влияние президента на формирование основных направлений не только внешней, но и внутренней политики начиная с третьего кабинета В. Маркса, то есть с 17 мая 1926 г. и вплоть до кабинета К. фон Шляхера, было успешным и сильным¹⁶.

Внешнеполитические представления П. фон Гинденбурга довольно запутаны, и если основные «болевые точки» Веймарской республики неоднократно и ясно указывались президентом, то этого нельзя сказать о планах по их устранению. Президент, понимая, что его мнение может оказать решающее влияние, избегал высказывать его открыто не только перед СМИ или народом, но даже во время заседаний кабинета министров, а зачастую и при беседах тет-а-тет, делая исключение для узкого круга (в который входил и посол Германии в Москве У. фон Брокдорф-Ранцау).

Еще перед своим избранием, в качестве кандидата, на пресс-конференции П. фон Гинденбург, по свидетельству его помощника полковника фон Кюгельгена, так ответил иностранным журналистам: «Вы ждете от меня чего-то о моих внешнеполитических планах, но я не скажу ничего, так как я еще не президент. И вообще, внешняя политика по Конституции лежит на ответственности канцлера. Который еще не находится в моем распоряжении»¹⁷. В дальнейшем ситуация мало изменилась.

Краеугольным камнем внешнеполитического концепта П. фон Гинденбурга, как и подавляющего большинства других политиков Веймарской республики, была ревизия Версальского договора. «Злосчастный Версальский диктат»¹⁸ и задача его устранения были основной причиной, почему президент сравнительно мало внимания уделял другим векторам, например, экономическим контактам.

Г. Цаун усматривает относительную переориентацию президента на то, чтобы рассматривать внешнюю политику в свете мирового экономического развития и условий, произошедшую под влиянием канцлера Брюнинга. Однако это было скорее спорадическим явлением в обстановке мирового хозяйственного кризиса, в остальном же П. фон Гинденбург сознательно игнорировал данный фактор¹⁹.

П. фон Гинденбург поддерживал чрезвычайно интенсивный контакт с МИД. Он замечал, что «при большом значении, которое имеет руководящая роль МИД для нашей общей политики, я придаю особую ценность хорошей и своевременной информации из этого ведомства...»²⁰. Несмотря

на то, что президент в целом позволял Г. Штреземану распоряжаться внутренней политикой своего ведомства и назначать на консульские и посольские должности самостоятельно, о любом мало-мальски важном назначении необходимо было уведомить П. фон Гинденбурга заранее²¹.

Особенное внимание президент уделял контакту с представителями Веймарской республики за рубежом. Каждый немецкий дипломат, который по каким-либо причинам оказывался в Берлине, должен был искать встречи с П. фон Гинденбургом²².

Особенно продуктивными и насыщенными были беседы о советско-германских взаимоотношениях между П. фон Гинденбургом и У. Брокдорфом-Ранцау.

Впрочем, здесь желание было обоюдным. У. Брокдорф-Ранцау с не меньшей охотой использовал прямой контакт с президентом для реализации своих внешнеполитических идей, чем сам П. фон Гинденбург, чтобы иметь исчерпывающие данные о советском внешнеполитическом направлении²³.

«Версальский диктат», по П. фон Гинденбургу, имел несколько узловых точек. Главным, пожалуй, для фельдмаршала были не политические или финансовые ограничения, их он полагал лишь следствием, а статья 231 Версальского договора, возлагавшая на Германию вину за развязывание Первой мировой войны. Современники отмечали, что П. фон Гинденбург буквально приходил в бешенство и не мог держать себя в руках, когда речь шла о «виновности» немцев. По мнению президента, это была ложь, которая предоставила союзникам моральное право и обоснование для дальнейших шагов по установлению политического бесправия Германии на международной арене и ее экономического закабаления²⁴.

Для П. фон Гинденбурга как политика и внешнеполитического идеолога характерно употребление факторов различного характера, как морально-этического, так и политико-экономического. Из послевоенных событий в Германии фельдмаршал вынес стойкое убеждение, что слова и лозунги, апеллирующие к чувствам, оперирующие глобальными категориями и простейшими политическими абстракциями, к тому, что К. Юнг назвал «архетипами», имеют реальную силу. Революционные события осени – зимы 1918–1919 гг., по мнению П. фон Гинденбурга, не случились бы без умелой игры тех сил, которые были заинтересованы в крушении империи, на иррациональных настроениях толпы²⁵. При этом в «Пасхальном послании» Гинденбург счел необходимым заострить внимание на недопустимости какого-либо внутреннего сопротивления, затрагивающего единство нации. В то же время было бы ошибкой утверждать, что президент ясно осознавал это свое внутреннее убеждение, которое многократно, но отрывочно проявлялось в его высказываниях, тем более не-

верно говорить о сознательном использовании его при концептуализации внешнеполитических идей. Единственное следствие использования этого иррационального фактора П. фон Гинденбург видел в том, что он как президент является представителем *общей воли нации*, дающей ему право вмешиваться в деятельность канцлера и МИД.

В отличие от многих других веймарских политиков, имевших за плечами кадровую службу в армии, П. фон Гинденбург не был сторонником риска во внешней политике, чрезвычайно редко стремился к тому, чтобы взорвать ситуацию, ускорить ее развитие. Президент так выразил свое кредо на заседании министров в ноябре 1925 г.: «Наш подъем должен быть медленным; махом взобраться высоко нельзя; мы должны сперва кропотливо установить лестницу»²⁶.

Для П. фон Гинденбурга характерно восприятие Версальского договора в том духе, что он представляет собой прочные путы, сеть, а Германия является чем-то вроде рыбы, которая еще больше запутается, если будет беспорядочно биться²⁷. Гинденбург неоднократно заявлял, что медленный путь – наиболее верный путь²⁸.

Президент выстраивал собственную ступенчатую стратегию, последовательная реализация которой, по его мнению, должна была привести к ревизии договора. В первую очередь необходимо было достижение экономического равновесия и актуального, живого (а не продиктованного измышлениями французских ненавистников Германии) торгового баланса в отношениях с Европой, а также правового уравнивания, что становилось возможным только с устранением статьи 231. Следующим шагом должно было стать и установление военно-политического суверенитета государства, а значит, и доведение оборонного потенциала до адекватного состояния. Почва для данного шага должна была подготавливаться заранее, в том числе и через военно-техническую кооперацию. По мысли П. фон Гинденбурга, нелегальность и нелегитимность этого вида деятельности установлена только Версальским договором, который сам нелегитимен. Более того, он является квазидоговором, в ходе которого слабейшей стороне были навязаны определенные условия. Следовательно, как только нелегитимность Версальского договора будет признана, произойдет и легализация *post factum* запрещаемых им видов деятельности.

Внешне П. фон Гинденбург всегда демонстрировал поддержку внешнеполитической стратегии Г. Штреземана²⁹. В то же время его взгляды часто были оппозиционны идеям министра, во всяком случае президент обнаруживал гораздо меньшее доверие словам западноевропейских политиков, не разделял он и мнения, что великие державы будут вынуждены заново принять Германию в свой концерт из соображений экономической необходимости. Ничто не могло помешать им продолжать использовать Веймарскую республику в качестве

дойной коровы и оставлять ее в положении объекта, а не субъекта международной политики. Германия, по мнению президента, должна была сама добиваться дипломатическими методами вывода союзнических сил из Рейнской области и прекращения деятельности Межсоюзнической контрольной комиссии³⁰. В речи на праздновании своего восьмидесятилетия в октябре 1927 г. П. фон Гинденбург назвал освобождение рейнских земель от союзнических войск «благороднейшей задачей немецкой политики»³¹.

П. фон Гинденбург сформировал особую «локальную»³² картину мира. Для прусских военных и для П. фон Гинденбурга, как яркого представителя этого социального слоя, было характерно практически полное отсутствие каких-либо контактов с заграницей и иностранцами. И во время исполнения своих президентских полномочий П. фон Гинденбург не совершил ни одного выезда за рубеж. Его представления о других нациях и странах формировались исключительно на опыте мировой войны и были соответствующим образом окрашены. При этом президент был не слишком склонен к рефлексии, принимая свои статичные, раз навсегда приобретенные убеждения и ригидное восприятие внешнеполитических контрагентов как должное. Как указывает В. Хубач, «ему вообще было не свойственно анализировать чужие народы»³³. Не слишком был склонен фельдмаршал и к углублению своих знаний об иностранцах посредством чтения специальной литературы, если она не несла специфической военной смысловой нагрузки³⁴. Теодор Хойсс характеризовал Гинденбурга как абсолютно «иллитературную» личность³⁵.

Одним из следствий этой особенности мировоззрения президента было наличие ровного отношения к России и русским (в широком смысле, как гражданам государства в Евразии, безразлично от названия и политического устройства).

Восприятие России у П. фон Гинденбурга нельзя назвать позитивным. Те впечатления, которые фельдмаршал вынес из опыта мировой войны, когда Россия и Германия были врагами, в значительной степени сохранились и на веймарской стадии. В период войны П. фон Гинденбург был потрясен масштабами российских пространств и количеством народонаселения, как военно-стратегическим фактором³⁶. «Неуклюжий русский колосс как кошмар тягостел над всем европейским и азиатским миром», – писал генерал-фельдмаршал в воспоминаниях³⁷. В то же время П. фон Гинденбург не обнаруживал обычного для пруссаков высокомерного и презрительного отношения к славянству и русским, которого не избежали и умнейшие немцы, к примеру, Гегель. «Я никогда не недооценивал русских, – подчеркивал он, – на мой взгляд, неверно усматривать в России только деспотизм и рабство, беспомощность, тупоумие... Мощь и высоконравственная сила там тоже работали, правда, только в некото-

рых кругах. Патриотизм, самостоятельная воля, работоспособность не обязательно были чужды и армии...»³⁸.

В отношении П. фон Гинденбурга к Российской империи и Советскому Союзу не было того разрыва, который был характерен для немецкой социал-демократии. Восприятие не было идеалистическим, но оно давало возможность для какой-то совместной деятельности. Раньше русские были врагами, теперь они стали союзниками, или, скорее, попутчиками в процессе ревизии Версальского договора, и внешнеполитический концепт П. фон Гинденбурга не слишком омрачался иррациональным страхом перед угрозой распространения большевизма и мировой революции как, к примеру, у Ф. Эберта.

И если в 1919 г. фельдмаршал еще использовал страх перед большевизмом, оглашая свое воззвание о защите Восточной марки³⁹, то на момент своего избрания президентом П. фон Гинденбург относился к угрозе большевизации Германии как к политическому мифу, методу воздействия на толпу, не считая опасность реальной.

Как и другие, более просоветски настроенные политики, П. фон Гинденбург видел в интенсификации билатеральных отношений с Советским Союзом возможное средство давления на Запад, где Рапальский договор являлся в известном смысле перестраховочным договором⁴⁰. Однако стабильные и благоприятные германо-советские отношения представляли для президента и самостоятельную ценность. Он мотивировал ее как с помощью традиционных доводов в пользу значимости хозяйственных и торговых связей с Советским Союзом, лишь частично и опосредованно интегрированным в мировую экономику, а потому не являющимся вольным или невольным эксплуататором Германии, как другие европейские страны. Привносил президент и антипольскую составляющую, особенно характерную для рейхсверовских концептов. Имелись в концепции и неожиданные «авторские» штрихи. К примеру, президент развивал мысль, что с помощью интенсификации германо-советских взаимоотношений Веймарская республика сама некоторым образом «осоветится», утратит в восприятии великих держав образ родственного остальной Европе субъекта, а значит «трижды предателя». Восприятие Германии как чуждой Европе, по мысли Гинденбурга, позволит дезавуировать пресловутый вопрос о «виновнике войны» и известным образом смягчить внешнеполитический климат. Более того, на этой основе возможно было бы построение новых форм межгосударственных взаимоотношений. П. фон Гинденбург считал эти положения частично внушенными ему У. Брокдорфом-Ранцау, хотя сам граф таких мыслей никогда не высказывал⁴¹.

Впервые П. фон Гинденбург отчетливо проявил свою позицию по отношению к внешней политике во время дискуссии вокруг локарнских

соглашений в октябре – ноябре 1925 года. В это же время президент имел долгий разговор с наркоминделом Г.В. Чичериным, совершившим визит в Берлин и полпредом СССР в Германии Н.Н. Крестинским. Однако, несмотря на то, что президент, так же как и его советские собеседники, воспринял Локарно негативно, им он этого не показал. Ограничившись ремаркой, что он приложит все возможные усилия, чтобы развивать «дружественные отношения и экономическую кооперацию с Россией», президент не счел нужным прояснить свою позицию⁴². Дело здесь не только в интровертности П. фон Гинденбурга – позволить большевикам знать больше, чем нужно о планах президента и о его просоветских планах значило упустить инициативу, а именно ведущую роль во взаимоотношениях с другими государствами (в том числе и с великими державами – важно было постоянно действовать, пусть и мелкими шагами, но продвигаться по пути ревизии, заставляя Антанту *отвечать* на немецкие инициативы, а не наоборот) Гинденбург отстаивал убежденно.

Источники свидетельствуют, что одним из тех, кто имел влияние на мнение П. фон Гинденбурга, был граф Брокдорф-Ранцау, негативное отношение которого к локарнским договоренностям было общеизвестно⁴³. В ноябре 1925 г. он встречался с президентом, обнаружив сходство во мнении. Президент, воспринявший сперва точку зрения своего министра иностранных дел, что Советский Союз, заинтересованный в тесных отношениях с Германией, не будет оторван от Берлина при любом развитии локарнской политики и благожелательно отнесшийся к итогам конференции, в скором времени перешел на сторону московского посла, полагавшего, что Локарно может послужить причиной «соскакивания» русских с общего пути, намеченного Рапальским договором⁴⁴. Следует, впрочем, заметить, что право обсуждения основ советского направления внешней политики визави с президентом, в обход министра иностранных дел и канцлера, «завоеванное» Брокдорфом-Ранцау еще в 1922 г. и используемое и при новом президенте, не дало ему в этом случае каких-то конкретных преимуществ. Не помогли и связи близнеца-брата Эрнста Ранцау, вхожего в близкое окружение П. фон Гинденбурга и дружного с госсекретарем О. Майсснером⁴⁵. Попытки графа показать, что во время визита он полностью переориентировал президента и П. фон Гинденбург после этого должен был приложить все усилия, чтобы реализовать концепцию посла, не слишком убедительны⁴⁶. Тем не менее, президент в тот же день написал Г. Штреземану, что он «отнюдь не недооценивает опасения посла, что Локарнский пакт отяготит... отношения с Россией»⁴⁷.

Особенное опасение президента вызывала штреземановская цель вступления Веймарской республики в Лигу Наций. Думается, это опасение

основывалось на двух факторах. Первым было недоверие П. фон Гинденбурга к полезности для Германии любого дела, в котором участвует Франция – классическая неприязнь прусского служаки, имевшая корни еще в XIX веке. Но даже довольно негативный образ Франции, сложившийся у П. фон Гинденбурга, уступал его враждебности к Англии. П. фон Гинденбург полагал, что Франция и Германия враги естественные, и вражда эта происходит из их соседства и объясняется геополитически. В то же время образ француза не лишен у П. фон Гинденбурга положительных черт. Фельдмаршал, критикуя «чрезвычайно живой, а потому чересчур переменчивый темперамент французского народа», находил в этом, с другой стороны, и резервы для «достоинства, которое в тяжелые времена особым образом продолжает жить в этом народе, что дает ему... преимущество»⁴⁸.

Представления же президента об Англии во многом базировались на клише «у Англии нет постоянных союзников, есть постоянные интересы», «Англия заинтересована в отсутствии мира на континенте», «Англия – нация торговцев, предпочитающих деньгами и подкупом приобрести преимущество»⁴⁹.

Вторым фактором было заключение президента, что не вступление в Лигу Наций является залогом будущих неудач Германии на международной арене (возможные последствия, как полагал Гинденбург, еще предстоит анализировать), а та поспешность, с которой было принято это решение. Президент считал, что Г. Штресман в вопросе о Лиге Наций находился в плену собственных заблуждений – он думал, что вступление является инициативой Германии и лично его, тогда как эта мысль была искусно внушена министру иностранной дипломатией. Г. Штресман покупал «кота в мешке». П. фон Гинденбург же настаивал, чтобы *перед* формальным вступлением Веймарской республики в Лигу Наций, были четко прояснены следующие вопросы.

1. Необходимо отсутствие связи между членством в Лиге и признанием существующих границ. Иначе ревизия Версальского договора станет практически невозможной.

2. Прояснение обязательств Германии в соответствии со статьей 16 Версальского договора, дающей право государствам вмешиваться в суверенитет другого государства, если его действия будут угрожать международной стабильности.

3. Возможная ликвидация статьи 213 Версальского договора, которая давала полномочия Совету Лиги путем простого большинства голосов совершать мероприятия против Германии.

4. Проблема разоружения в соответствии со статьей 8 Устава Лиги⁵⁰.

В целом же концепт Гинденбурга базировался на убеждении, что заключение любого договора (неважно, на каких условиях), в рамках Версальской системы межгосударственных отношений будет являться подтверждением этой системы и,

более того, выражением согласия Германии с ее принижением статусом и отказа от возможной ревизии. Если же перенестись из морально-этической области в область практической политики, то это означало добровольную потерю Веймарской республикой даже той ничтожной части суверенитета, которая предоставлялась ей международным правом, «петлю на горло»⁵¹. Любое действие, направленное Германией на защиту собственных «естественных» интересов, как считал президент, являлось и покушением на интересы ведущих государств Лиги – Франции, Англии и других, и должно было повлечь за собой немедленное сопротивление. Само по себе вхождение Германии в международный концерт не было чем-то плохим. В то же время П. фон Гинденбург желал видеть Веймарскую республику в этом концерте в ранге равноправного государства и великой державы. Инициатива должна была исходить от Германии и должна была последовать лишь тогда, когда мировое сообщество было бы готово к ревизии, попытка же, сделанная осенью 1925 г., как заявил президент в феврале 1926 г., несвоевременна. Хотя соображения П. фон Гинденбурга и не остались без внимания, решающего влияния на развитие локальной политики он так и не оказал.

Его внешнеполитический концепт в полной мере раскрылся на восточном направлении, в ходе германо-советских взаимоотношений 1926 г. Основной идеей президента в новых локальных условиях стало наличие тесных взаимоотношений с Советским Союзом как «внеблокового» фактора и, в том числе, как средства давления на державы Антанты и возможность продемонстрировать, заключив Локарнский пакт, Германия, тем не менее, не отказывается от прежних ревизионистских целей.

Парадоксальным образом П. фон Гинденбург усматривал как негативное, так и позитивное влияние Локарно на развитие советско-германских взаимоотношений. С одной стороны, явно отрицательное воздействие на отношения Германии и СССР имело решение о вступлении Германии в Лигу Наций. Этот шаг, как считал президент, в какой-то мере отбрасывал Советский Союз в период до 1922 г., период изоляции. А это содержало опасность того, что большевики могут начать искать другие способы преодоления изоляции, например, с помощью Франции⁵². С другой стороны, опасения Советского Союза потерять наиболее перспективного партнера в Европе должны были, по мысли П. фон Гинденбурга, облегчить сближение⁵³. Одновременно частично развеивались опасения президента об утере Веймарской республикой ее особого статуса в международном сообществе, функции «моста» между капиталистическим Западом и большевистским Востоком. Статус этот давал Германии моральное право (политические права были устранены Версальским договором) требовать определенных

преференций от Антанты и, играя на дихотомии страха перед большевизмом и желания торговать с ним, медленно, но уверенно продвигаться по пути ревизии.

П. фон Гинденбург придавал большое значение Берлинскому договору. В беседе с секретарем рейхсканцелярии Г. Пюндером он сказал следующее: «Знаете, что мне больше всего понравилось в Локарно? Это Берлинский договор. Эта договоренность с русскими очень важна, мы имеем свободный доступ к Востоку, и в первую очередь наш юный рейхсвер имеет теперь совсем другие возможности для развития»⁵⁴. Вообще президент, хотя и был фельдмаршалом, не ставил развитие своей внешнеполитической концепции на Востоке в зависимость от военно-технической кооперации с Советским Союзом. Он считал это обстоятельство полезным и обоюдовыгодным для Берлина и Москвы, но находящимся в ряду не менее важных факторов, как-то: политический союз и экономическое взаимодействие.

В дальнейшем П. фон Гинденбург продолжал считать советское внешнеполитическое направление зоной своего особого внимания. Предоставив Г. Штреземану в общем и целом определять отношения Германии с остальной Европой и США, президент создал некий тандем с У. Брокдорфом-Ранцау, активно используя особый статус московского посла и возможность прямого контакта и переписки, минуя МИД. Но следует заметить, что тандем Гинденбург – Ранцау в 1927–1928 гг. уступил инициативу, проигрывая Штреземану и его окружению как в мобильности и реалистичности своего концепта (многие его положения проистекали еще из долокарнских идей посла и президента), так и в степени (но не в возможностях) своего влияния на Рейхстаг и кабинет министров.

Понятное желание министра иностранных дел контролировать внешнюю политику Веймарской республики и стремление президента сделать ее советское направление собственным доменом нашли наиболее яркое отражение в так называемой «битве за московский пост», конфликте между Гинденбургом и Штреземаном по поводу кандидатуры нового посла Германии в СССР после смерти У. Брокдорфа-Ранцау в сентябре 1928 года. Г. Штреземан и его окружение, в частности госсекретарь К. фон Шуберт, остановились на кандидатуре У. Раушера, посланника в Варшаве, принятой в штыки советской стороной из-за социал-демократических убеждений самого Раушера. Президент предложил в качестве кандидата Р. Надольны.

Для Гинденбурга было очевидно, что новый посол в Москве должен не только обладать специальными знаниями (Надольны считался одним из лучших специалистов по России еще со времен кайзеровской Германии), но и не быть связанным дипломатическим прошлым с какой-то другой восточноевропейской страной, тем более Польшей⁵⁵. Поддерживал Р. Надольны и

его личный друг О. Майсснер. Когда конфликт зашел в тупик, Гинденбург предложил компромисс. По свидетельству К. Шуберта, Гинденбург заявил следующее: «Если он не хочет господина Раушера, и если мы не хотели бы господина Надольны [видеть в качестве посла], то мы должны придумать новую кандидатуру, которая так же, как и до этого [Ранцау] будет вести политику относительно России..., в том числе и конфиденциальную работу»⁵⁶. Компромиссной фигурой стал директор Восточного отдела Х. фон Дирксен, что, в конце концов, стало очком в пользу президента, так как Дирксен проявил себя настоящим преемником буквы и духа политики У. Брокдорфа-Ранцау.

В период Великой депрессии, когда наблюдалась стагнация не только в советско-германских отношениях, но и в общем течении мировой политики, Гинденбург несколько дистанцировался от внешней политики. Г. Цаун называет президента в период заката Веймарской республики «пассивным действующим лицом немецкой политики»⁵⁷.

Тем не менее, Гинденбург благожелательно относился к тем ревизионистским идеям, которые стали основой внешнеполитических программ в кабинетах Брюнинга, Папена и Шляйхера, что дало право пацифисту и либералу Рудольфу Ольдену охарактеризовать идеи Гинденбурга как «никакого государства – только казарма», «кадет всегда кадет» и «генерал-фельдмаршал ведет нас в Третий рейх»⁵⁸.

Может показаться парадоксальным, что ни одного видного внешнеполитического идеолога не появилось в рейхсканцелярии. Ни государственный секретарь О. Майсснер, ни государственный секретарь Г. Пюндер, весьма значительные фигуры на веймарском политическом небосклоне, не создали самостоятельных внешнеполитических стратегий. Ответ на это дал Х. Лютер в статье «Чиновники или политики?», помещенной в сборник, посвященный пятидесятилетию Отто Майсснера. По мысли Лютера (очевидно, что это было одновременно и кредо рейхсканцелярии), президент нуждается в помощниках, которые досконально знают, как «обращаться с вещами и людьми и... чувствуют общую жизнь государства». Но еще более важно, чтобы сотрудники канцелярии «не отягощали» собственным мнением идеи руководителя, были частями механизма⁵⁹.

Понимал это и сам О. Майсснер, бывший бессменным секретарем при таких абсолютно разных в воззрениях и политической практике президентах, как Эберт, Гинденбург и Гитлер и с одинаковым бесстрашием описывавший итоги конференций и в Рапалло, и в Локарно, и в Берлине, и в Лозанне, понимал и Г. Пюндер, даже в дневнике не выражавший откровенного отношения к политике президента или канцлера⁶⁰.

Два президента Веймарской республики были совершенно не похожими людьми. Если Ф. Эберт в своих внешнеполитических измышлениях руко-

водствовался в основном идеологическими установками СДПГ, в том числе и антибольшевистскими идеями, то П. фон Гинденбург был более прагматичен. Второй президент не собирался лишаться тех внешнеполитических выгод, которые сулили тесные отношения с большевиками в угоду тому негативному восприятию Советского Союза, которое присутствовало и у него. В результате П. фон Гинденбург создал концепцию, основными моментами которой являлись стимулирование военно-технической кооперации и политический союз, направленный на снижение влияния Франции в поясе государств Малой Антанты. Конечной целью должны были стать ревизия восточных границ (раздел Польши) и отмена ограничительных статей Версальского договора.

Примечания

- 1 *Meissner O.* Staatssekretär unter Ebert – Hindenburg – Hitler. Der Schicksalsweg des deutschen Volkes von 1918–1945, wie ich ihn erlebte. Hamburg, 1950. S. 44.
- 2 См.: *Feucht S.* Die Haltung der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zur Außenpolitik während der Weimarer Republik. Berlin, 1998. S. 13.
- 3 Ibid. S. 67.
- 4 *Rathenau W.* Was wird werden? Berlin, 1920. S. 36.
- 5 Цит. по: *O'Sullivan D.* Furcht und Faszination: deutsche und britische Russlandbilder; 1921–1933. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 267–268.
- 6 См. подробнее: *Linke H.G.* Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatic und Kriegsriele 1914–1917. München, 1982. S. 136.
- 7 *Boetticher F.* v. So war es. Berlin, 1952. S. 143–144.
- 8 Дружеское или уважительное отношение двух персоналий друг к другу отмечали В. Д'Абернон, О. Майсснер, О. Гесслер, В. фон Райнбабен. См. подробнее: *D'Abernon V.* Ein Botschafter eib der Zeitwende. 3 Bde. Leipzig, 1929–1931. В. II. S. 314; *Meissner O.* Op. cit. S. 146; *Geler O.* Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958. S. 288; *Reinbaben W.* v. Viermal Deutschland. Berlin, 1954. S. 168.
- 9 Даже его помощник, госсекретарь О. Майсснер считал его не слишком опытным политиком: *Meissner O.* Op. cit. S. 147; об этом же упоминал и Гинденбург: *Vogel H.* Erlebnisse und Gespräche mit Hindenburg. Berlin, 1935. S. 7–8.
- 10 См.: *Dorpalen A.* Hindenburg and the Weimar Republic. Princeton, 1964. P. 64–75.
- 11 См.: *Craig G.* Germany 1866–1945. N.Y., 1978. P. 510–511; *Cary N.D.* The Making of the Reich President, 1925: German Conservatism and the Nomination of Paul von Hindenburg // Central European History. 1990. № 1. P. 179–204.
- 12 *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. Aus deb Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsident von 1878 bis 1934. Göttingen, 1966. S. 73–75; *Fritzsche P.* Presidential Victory and Popular Festivity in Weimar Germany: Hindenburg's 1925 Election // Central European History. 1990. № 1. P. 205–224; *Zaun H.* Paul von Hindenburg und die deutsche Außenpolitik: 1925–1934. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 184–188.
- 13 См. подробнее: *Falter J.W.* The Two Hindenburg Elections of 1925 and 1932: A Total Reversal of Voter Coalitions // Central European History. 1990. № 1. P. 225–241; *Hubatsch W.* Op. cit. S. 75–76.
- 14 *Deutsche Allgemein Zeitung.* 12.04.1925. № 172. S. 1.
- 15 *Zaun H.* Op. cit. S. 173.
- 16 См.: *Sendler B.* Die Führung in der Koalitions – und Präsidialkabinetten der Weimares Repablik. Berlin, 1999. S. 654.
- 17 *Schulenburg D.* v. Welt um Hindenburg. Hundert Gespräche mit Berufenen. Berlin, 1935. S. 68.
- 18 Довольно часто встречающаяся в риторике Гинденбурга идеологема. См.: *Pünder H.* Von Preussen nach Europa. Lebenseinnerungen. Stuttgart, 1968. S. 81.
- 19 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 179–180.
- 20 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 181.
- 21 В то же время А. Бернар, ближайший помощник министра, писал, что «между Гинденбургом и Штреземаном часто бывали разногласия по поводу персональной политики МИД» (*Bernard H.* Aufzeichnungen und Betrachtungen. Stuttgart, 1947. S. 26).
- 22 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 182.
- 23 См.: *Helbig H.* Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958. S. 139; Hindenburg an Stresemann betr. Immediatvortrag Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // Hindenburg und der Staat... № 36. S. 220–221; Aufzeichnung des Botschafters in Moskau Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее PA AA). NL Brockdorff-Rantzau. AZ 38. H. 224024-027.
- 24 Tagebuchnotizen von G. Stresemann, 19.05.1925 // *Stresemann G.* Vermächtnis. В. II. S. 60.
- 25 См. например: Hindenburgs Stellungnahme zum 9. November 1918, 16.04.1919 // Hindenburg und der Staat... № 25. S. 183–187.
- 26 Protokoll der Sitzung des Ministerrats beim Reichspräsidenten, 17.11.1925 // Akten der Reichskanzlei. Kabinette Luther I und II. В. II. № 226. S. 871.
- 27 Hindenburg an Admiral Schröder, 04.11.1929 // Hindenburg und der Staat... № 68. S. 294–295.
- 28 См.: *Görlitz W.* Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953. S. 306.
- 29 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 189; *Görlitz W.* Op. cit. S. 269.
- 30 Hindenburg an den Reichskanzler Marx, 30.11.1926 // Hindenburg und der Staat... № 48. S. 247.
- 31 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 189.
- 32 Ibid. S. 191.
- 33 *Hubatsch W.* Op. cit. S. 17, 28.
- 34 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 191.
- 35 *Heuss T.* Erinnerungen 1905–1933. Tübingen, 1963. S. 331.
- 36 См.: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 28–29.
- 37 *Hindenburg P.* v. Aus meinem Leben. Leipzig, 1934. S. 189.
- 38 Ibid. S. 66–67.
- 39 «Мы прикроем старые немецкие земли от нового врага,

- большевизма, который угрожает культурному миру» (Hindenburgs Aufruf zum Ostschutz, 14.12.1919 // Hindenburg und der Staat... № 23. S. 182).
- 40 Schreiben Reichspräsidenten von Hindenburg an den Botschafter in Moskau Brockdorff-Rantzau, 14.07.1926 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. AZ 38. H. 224037.
- 41 Ibid. H. 224054.
- 42 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 283–284.
- 43 См.: *Eschenburg T.* Chronik eines Richtlinienstreites zwischen der Reichkanzler Luther und dem Reichminister des Auswärtigen Stresemann. Berlin, 1988. S. 243.
- 44 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 404.
- 45 См. подробнее: *Wallsdorff M.* Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971. S. 34; *Scheidemann C.* Ulrich Graf von Brockdorff-Rantzau (1869–1928): eien politische Biographic. Berlin, 1998. S. 20–21.
- 46 См.: Aufzeichnung des Botschafters in Moskau Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. AZ. 38. H. 224024–027.
- 47 Hindenburg an Stresemann betr. Immediatvortrag Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925... S. 219.
- 48 *Hindenburg P.v.* Aus meinem Leben... S. 44.
- 49 См. подробнее: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 29–30.
- 50 Zusammenstellung der persönlichen Schreiben des Reichspräsidenten an den Reichskanzler mit der Stellungnahme zum Locarnovertrag und Völkerbund // *Hindenburg und der Staat...* S. 220–224.
- 51 Ministerialdirektor Pünder an den Staatssekretär Kempner, 12.10.1925 // Akten der Reichskanzlei. Kabinette Luther I. und II. B. II. № 183. S. 722.
- 52 Schreiben Reichspräsidenten von Hindenburg an den deutschen Botschafter in Moskau Brockdorff-Rantzau, 14.07.1926 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. Az. 38. H. 224054.
- 53 Ibid.
- 54 *Pünder H.* Von Preussen nach Europa... S. 81.
- 55 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 322–323.
- 56 Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Schubert an den Reichsminister des Auswärtigen Stresemann (z. Z. Baden-Baden), 12.10.1928 // ADAP. Serie B. B. X. № 63. S. 172.
- 57 *Zaun H.* Op. cit. S. 497.
- 58 *Olden R.* Hindenburg oder der Geist der preussischen Armee. Paris, 1935. S. 44, 59, 324.
- 59 *Luther H.* Beamter oder Politiker? // *Otto Meissner.* Beiträge. Gewidmet zum fünfzigsten Geburtstage 13. März 1930. Berlin, 1930. S. 93.
- 60 *Meissner O.* Staatssekretär... S. 102–104, 150–159, 203–205; *Pünder H.* Politik in der Reichskanzlei. Aufzeichnungen aus den Jahren 1929–1932 / Hrsg. von T. Vogelsang. Stuttgart, 1963.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: avrus@rol.ru

Бонцевич Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: bontsevitch@yahoo.com

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: vinokurova@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: sar-sred-vek@mail.ru

Гладков Александр Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: alextata@yandex.ru

Глебов Андрей Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета Воронежского государственного университета, e-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

Королева Оксана Владиславовна – ассистент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международ-

ных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: korolevaov@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российских цивилизаций Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Лучников Антон Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: aluchnikov@mail.ru

Мраморнов Александр Игоревич – аспирант кафедры отечественной истории XIX–XX веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: mramor-new@mail.ru

Порошин Алексей Алексеевич – кандидат педагогических наук, профессор кафедры управления мобилизацией Военного института повышения квалификации специалистов мобилизационных органов ВС РФ, Саратов, e-mail: Aleksei_pensioner@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: RabinovicyYN@yandex.ru

Редченко Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: engels-volga@yandex.ru

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: savitski@rambler.ru

Черевичко Татьяна Викторовна – доктор экономических наук, профессор кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: cherevichko@in-box.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avrus Anatoliy Ilyich – History Doctor, Professor of the Chair of Domestic History in Modern Times in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: avrus@rol.ru

Bontsevich Natalya Nikolaevna – History PhD, assistant professor of the chair of State History and Law of the Department of Law of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: bontssevich@yahoo.com

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich – History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: ybarthor@mail.ru

Vinokurova Marina Vladimirovna – History Doctor, chief scholar of the General History Institute of the Russian Academy of Science, e-mail: vinokurova@mail.ru

Galyamichiev Alexandr Nikolaevich – History Doctor, professor of the chair of Medieval History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: sar-sredvec@mail.ru

Gladkov Alexandr Konstantinovich – assistant professor, scholar of the General History Institute of the Russian Academy of Science, e-mail: alextata@yandex.ru

Glebov Andrey Germanovich – History Doctor, professor of the chair of Medieval History and Foreign Slavonications of Voronezh State University, e-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich – History PhD, assistant professor of the chair of Russian History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

Koroleva Oksana Vladislavovna – assistant of the chair of Tourism and Cultural Heritage of the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: korolevaov@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Russia civilizations in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Luchnikov Anton Viktorovich – History PhD, senior lecturer of the chair of Domestic history in the Modern Times in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: aluchnikov@mail.ru

Mramornov Alexandr Igorevich – postgraduate student of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, e-mail: mramornov-new@mail.ru

Porosin Alexsey Alexseevich – Pedagogic PhD, professor of the chair of mobilization management of the Military Institute of the Professional Improvement of the mobilization bodies specialists of the RF Armed Forces, e-mail: Aleksey_pensioner@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich – assistant of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Redchenko Dmitriy Vladimirovich – History PhD, assistant professor of the chair of the Domestic History in the Modern Times in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: engels-volga@yandex.ru

Savitskiy Evgeniy Evgenyevich – History PhD, scholar of the General History Institute of the Russian Academy of Science, e-mail: savitski@rambler.ru

Cherevichko Tatyana Viktorovna – Economics Doctor, professor of the chair of Tourism and Cultural Heritage of the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G.Chernyshevskiy, e-mail: cherevichko@in-box.ru

Подписка на I полугодие 2010 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

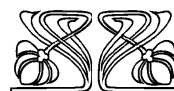
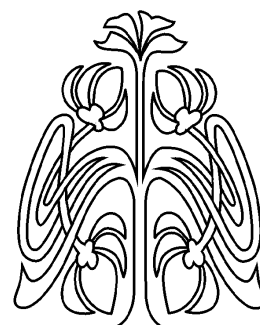
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

